

ISSN 2500-2872

**ЯПОНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

2020, №2

Japanese Studies in Russia

**日
本
研
究**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

www.ifes-ras.ru

Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»

www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: ИДВ РАН, Ассоциация японоведов.

URL: <http://japanjournal.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 68910 от 7 марта 2017 г., выдано Роскомнадзором.

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Отрасли науки:

07.00.00 Исторические науки и археология

08.00.00 Экономические науки

23.00.00 Политология

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., академик РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гордон Эндрю (США), проф.; Гришачев С.В., к.и.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Иванов О.П., д.полит.н.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.; Крупянко М.И., д.полит.н.; Лузянин С.Г., д.и.н.; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симония Н.А., академик РАН; Симотомай Нобуо (Япония), проф.; Стоквин Артур (Великобритания), проф.; Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Казаков О.И. (*отв. секретарь*); Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Стрельцов Д.В., д.и.н. (*гл. редактор*)

Редакция: Горчакова Т.Е., к.э.н.; Казаков О.И. (*отв. секретарь*); Кириченко М.А.; Нелидов В.В., к.и.н.; Суркова Т.И. (*зав. редакцией*); Шпорт Ю.А.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

ISSN 2500-2872

© Коллектив авторов

© ИДВ РАН

© Ассоциация японоведов

**Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences
(IFES RAS)**

www.ifes-ras.ru

**Non-profit organization
«Association of Japanologists»**

www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical “Japanese Studies in Russia” has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, NPO Association of Japanologists.

URL: <http://japanjournal.ru>

Media registration number (in the Russian Federation):

ЭЛ № ФС 77 – 68910, issued on 7 March 2017 by Roskomnadzor.

Included in Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Included in Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Branch of science (in the Russian Federation):
--

07.00.00 History and Archaeology

08.00.00 Economics

23.00.00 Political Science

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Academician of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Grishachev Sergei V., PhD (History); Ivanov Oleg P., DSc (Political Science); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Krneta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Krupyanko Mikhail I., DSc (Political Science); Luzianin Sergei G., DSc (History); Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yurii S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Simoniya Nodari A., DSc (History), Academician of the RAS; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Vojtishchik Elena E., DSc (History)

Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Streltsov Dmitry V., DSc (History) (*Editor-in-chief*)

Editors Office: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Kirichenko Mariya A.; Nelidov Vladimir V., PhD (History); Shport Yulia A.; Surkova Tatiana I. (*Head of Editors Office*)

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2500-2872

© Team of authors

© IFES RAS

© Association of Japanologists

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2020, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

Синицын А.Ю., Щепкин В.В. Японская коллекция доктора И.А. Штуцера (1763–1821) в собраниях МАЭ РАН и ИВР РАН: предметный состав (по архивным и музейным документам).....	6
Оганесян А.Б. Принудительные стерилизации в Японии: изучая Канагавские префектуральные архивы.....	32
Трубникова Н.Н., Коляда М.С. Кони Закона, всадники судьбы: мотив верховой езды в японской части «Собрания стародавних повестей».....	46
Уханова Э.В. Космическая политика Японии: государственная поддержка частного бизнеса.....	63
Борькина А.Ю. Типы персонажей в произведении Дзиппэнся Икку «То:кайдо:тю: хидзакуригэ».....	82
Османов Е.М. Образование новобранцев и подготовка командного состава японской императорской армии в первые годы эпохи Мэйдзи (1868–1912).....	96
Виноградова Т.И., Торопыгина М.В. «Японизация» китайского текста: «Мо:гю: вака» (1204) как адаптация «Мэн цю» (VIII в.).....	112
Карелова Л.Б. Переосмысление духовного наследия Л.Н. Толстого в современной Японии.....	133

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2020, No. 2

CONTENTS

Sinitsyn A.Yu., Shchepkin V.V. Japanese items, books and maps from Johan A. Stützer (1763–1821) at MAE RAS and IOM RAS collections (in the light of archival and museum documents).....	6
Hovhannisyan A.B. Involuntary sterilizations in Japan: Learning from Kanagawa Prefectural Archives.....	32
Trubnikova N.N., Kolyada M.S. Dharma Horses and Karma of Equestrian: Horseback Riding Motif in <i>Konjaku monogatari shū</i> (<i>Honchō</i> Part).....	46
Ukhanova E.V. Japan’s space policy: state support for commercial sector	63
Borkina A.Yu. Types of characters in Jippensha Ikku’s <i>Tōkaidōchū Hizakurige</i>	82
Osmanov E.M. Education of recruits and training of commanding staff of the Japanese Imperial Army in the early years of the Meiji era (1868–1912).....	96
Vinogradova T.I., Toropygina M.V. ‘Japanization’ of the Chinese text: <i>Mōgyū Waka</i> (1204) as an adaptation of <i>Meng Qiu</i> (8th century)	112
Karelova L.B. Rethinking of the spiritual heritage of Leo Tolstoy in contemporary Japan	133

Японские исследования. 2020. № 2. С. 6–31.

Japanese Studies in Russia, 2020, 2, pp. 6–31.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10009

Японская коллекция доктора И.А. Штуцера (1763–1821) в собраниях МАЭ РАН и ИВР РАН: предметный состав (по архивным и музейным документам)

А.Ю. Сеницын, В.В. Щепкин

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме определения точного предметного состава одной из самых ранних японских коллекций в собраниях МАЭ РАН и ИВР РАН – а именно коллекции, приобретенной доктором Иоганном Арнольдом Штуцером (Johan Arnold Stützer), шведским врачом на службе Голландской Ост-Индской компании в Японии в 1787–1788 гг. И.А. Штуцер, выпускник университета г. Упсала, был студентом профессора Карла Петера Тунберга, во многом определившего его научные интересы как собирателя и коллекционера, и эти интересы отразились на составе собранной им коллекции. Эту коллекцию И.А. Штуцер в 1794 г. отправил в Санкт-Петербург на имя императрицы Екатерины II, а та передала её Императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге. Коллекция И.А. Штуцера стала исключительно ценным для российского академического и музейного японоведения собранием уникальных материалов по культуре Японии второй половины – конца XVIII в. Данная коллекция чрезвычайно обогатила академические музей (Кунсткамера) и библиотеку подборкой раритетных книг, карт и предметов японской материальной культуры (произведения различных искусств и ремёсел, редкие монеты, образцы оружия, образцы традиционных медицинских средств, японские научные материалы и т.д.). К сожалению, в процессе хранения эта коллекция была разъединена, составляющие её предметы попали в разные музейные и архивные хранилища – Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук; Институт восточных рукописей Российской академии наук; Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Значительная часть оригинального состава коллекции сохранилась, однако судьба многих предметов ныне остаётся неизвестной. Цель настоящей статьи – определить, какая часть предметов из оригинального состава японской коллекции находится на сегодняшний день в собраниях МАЭ РАН (Кунсткамера) и ИВР РАН; какая часть предметов из оригинальной коллекции И.А. Штуцера в Петербург не поступила; какие предметы из оригинального состава были утрачены. Статья является результатом исследования предметного состава коллекции и сопоставления его с архивными и музейными документами.

Ключевые слова: японская коллекция, раритет, XVIII век, Иоганн Арнольд Штуцер, Голландская Ост-Индская компания, Императорская Академия наук и художеств в Санкт-Петербурге, Кунсткамера, МАЭ РАН, ИВР РАН.

Авторы:

Сеницын Александр Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел Восточной и Юго-Восточной Азии Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН. E-mail: asin@kunstkamera.ru

Щепкин Василий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт восточных рукописей РАН (адрес: 191186 Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18), доцент НИУ ВШЭ СПб (адрес: 190121, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16). ORCID: 0000-0003-0007-1143; E-mail: vshepkin@gmail.com

Japanese items, books and maps from Johan A. Stützer (1763–1821) at MAE RAS and IOM RAS collections (in the light of archival and museum documents)

A.Yu. Sinitsyn, V.V. Shchepkin

Abstract. The article deals with the problem of revealing the exact composition of one of the earliest Japanese collections of the Kunstkamera museum and the Institute of Oriental Manuscripts – namely, the collection acquired by Dr. Johan Arnold Stützer, a Swedish doctor in the service of the Dutch East India Company, who stayed in Japan in 1787–1788. J.A. Stützer, a graduate of the University of Uppsala, was a student of Professor Carl Peter Thunberg, who largely determined his interests both as a researcher and a collector of Asian rarities, and these interests were reflected in the composition of his collection. In 1794, Stützer sent a part of his collection to St. Petersburg, addressing it to the name of Empress Catherine II. The Empress ordered to transfer the collection to the Imperial Academy of Sciences and Arts in St. Petersburg. The collection by J.A. Stützer was viewed as extremely valuable for the Russian academic and museum Japanese studies, for it provided unique materials on the Japanese culture of the late 18th c., when the Tokugawa Shogunate pursued a policy of self-seclusion, and Japanese items were considered particular rarities in Europe. The J.A. Stützer’s collection substantially enriched the Academic Museum (Kunstkamera) and the Library with a selection of very rare Japanese books, maps, and various Japanese pieces (works of various traditional and “export” arts and crafts, rare coins, samples of weapons, items introducing some of the traditional healing methods, some special items characterizing the state of Japanese sciences, etc.). Unfortunately, in the course of storing, the pieces constituting the original collection were separated and placed in different museum and archival repositories – that of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (MAE RAS), Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (IOM RAS), St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. A significant part of the original composition of the collection has been preserved until nowadays, but the fate of many pieces remains unknown. The purpose of this article is to determine how many items of the original collection by Dr. J.A. Stützer are currently in the collection of the MAE RAS (Kunstkamera) and IOM RAS; what part of the items from the original collection has not been received by the Academy; what items are now considered lost. The article is the result of the research of the items composing the J. A. Stützer’s collection in the MAE RAS and IOM RAS repositories and its comparison with archival and museum documents describing the collection.

Keywords: Japanese collection, rarities, 18th c., Johan Arnold Stützer, the Dutch Est India Company, Imperial Academy of Sciences and Arts in St. Petersburg, Kunstkamera, MAE RAS, IOM RAS.

Authors:

Sinitsyn Aleksandr Yu., PhD (History), Senior Researcher, Department of East and South-East Asia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences. E-mail: asin@kunstkamera.ru

Shchepkin Vasilii V., Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (address: 191186 St. Petersburg, Dvortsovaya nab., 18); Associate Professor, National Research University Higher School of Economics (Saint-Petersburg) (address: 190121 St. Petersburg, ul. Soyuza Pechatnikov, 16). ORCID: 0000-0003-0007-1143; E-mail: vshepkin@gmail.com

Коллекция японских предметов, собранная в 1787–1788 гг. доктором Иоганном Арнольдом Штуцером¹ (Johan Arnold Stützer, 1763–1821), шведским врачом на службе Голландской Ост-Индской компании, и отправленная им в 1794 г. в Санкт-Петербург на имя императрицы Екатерины II, является исключительно ценным для российского академического и музейного японоведения собранием уникальных материалов по культуре Японии второй половины – конца XVIII в. Данная коллекция чрезвычайно обогатила Императорскую Академию наук и художеств, её музей (Кунсткамеру) и библиотеку подборкой раритетных книг, карт и предметов японской материальной культуры (произведения различных искусств и ремёсел, редкие монеты, образцы оружия, образцы традиционных медицинских средств, японские научные материалы и т. д.). К сожалению, в процессе хранения эта изначально единая коллекция была разъединена, составляющие её предметы попали в разные хранилища; значительная их часть сохранилась, однако судьба многих предметов остается неизвестной – возможно, какие-то предметы затерялись среди прочих экспонатов, какие-то были безвозвратно утрачены. При этом точное число предметов, составивших эту коллекцию, как и число предметов сохранившихся, остаётся неизвестным. Цель настоящей статьи – определить, какая часть предметов из оригинального состава японской коллекции находится на сегодняшний день в собраниях МАЭ РАН (Кунсткамера) и ИВР РАН и сколько в них представлено «единиц хранения»; какая часть «штуцеровских» предметов не поступила в Академию наук; какие предметы из оригинального состава были утрачены.

История коллекции И.А. Штуцера в Императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге начинается 5 января 1795 г., когда её Правитель делами П.П. Бакунин (1766–1806) принял переданную императрицей коллекцию на хранение. 12 января того же года библиотекарь И.Г. Буссе (1763–1835) представил коллекцию Конференции Академии наук, сопроводив её соответствующим Рапортом. В архивном документе «Опись вещам, полученным 5-го января от г. Правителя делами Академии наук Павла Петровича Бакунина из Японии привезённые», даётся следующая характеристика: «Библиотекарь месье Буссе представил коллекцию раритетов из Японии, которую Её Величество Императрица получила от доктора Штуцера и которую соизволила передать в Академический музей. Эти раритеты включают изделия из черного лака, очень хорошего, с золотом и перламутром, японские монеты, как подлинные, так и фальшивые, зеркальную бумагу разных цветов, резные камни, картины, книги, карты и другие предметы, изготовленные с большим трудолюбием, с детальным каталогом [Опись МАЭ № 677, л. 7].

Коллекция шла в Россию сложным путём. Отправлена она была доктором И.А. Штуцером из Джафнапатхама, центра голландских владений на севере о. Цейлон, в Швецию, в г. Упсала, на имя Юлиуса Лебека (1772–1800), младшего брата супруги собирателя. Ю. Лебек в то время был студентом университета Упсала под началом профессора К.П. Тунберга (1743–1828), у которого ранее учился и сам И.А. Штуцер, а позже состоял с ним в научной переписке [Michel, 2015, p. 155]. Ю. Лебек, в свою очередь, переслал коллекцию из Упсалы в Санкт-Петербург, на имя Её Императорского Величества,

¹ Фамилию Stützer разные научные, музейные и архивные материалы транскрибируют по-разному: Штютцер, Штутцер, Штицер. В данной статье используется уже укоренившийся в научной традиции МАЭ РАН вариант «Штуцер».

вместе с оригинальной описью И.А. Штуцера, которая сопровождалась рядом кратких, но весьма примечательных его заметок о Японии времён самого начала правления сёгуна Токугава Иэнари (1773–1841), важнейших событиях той эпохи (например, отдельные заметки о страшном пожаре, полностью уничтожившим императорскую столицу, г. Киото, и о традиционных японских методах лечения прижиганием полынными сигарами *мокса* и иглокалыванием акупунктурных точек).

Эта коллекция представляет собой значительный научный интерес с разных точек зрения: и как иллюстрация культурной специфики исторической эпохи самоизоляции Японии, когда произведения японских искусств и ремёсел представляли собой для европейских учёных того времени исключительные раритеты; и как отражение научных и культурных контактов между Россией и Европой – в т.ч. в области музейного дела; и с точки зрения истории собирания и дальнейшей судьбы ранних японских коллекций Кунсткамеры и ИВР РАН.

Интересна и сама незаурядная личность доктора И.А. Штуцера – врача, путешественника, исследователя, энтомолога, ботаника, собирателя этнографических коллекций. Он покинул Европу в 1785 г. совсем молодым человеком [Michel, 2015, p. 150] и никогда более туда не возвращался; всю оставшуюся жизнь он провел в Азии – Индонезии, Японии, Цейлоне и Индии. В Японии И.А. Штуцер находился в 1787–1788 гг. в качестве врача Голландской Ост-Индской компании на о. Дэсима в Нагасаки. Вместе с капитаном фактории бароном Иоганном Фредериком ван Риде (Johan Frederik van Reede tot de Parkeler, 1757–1802) и его секретарём Конрадом Йонасом (Coenraad Jonaas) участвовал в очередном *Эдо сампу* (江戸参府) – церемониальном посещении города Эдо, где им дал аудиенцию 11-й сёгун династии Токугава – Иэнари [Michel, 2015, p. 152–153]. Имя И.А. Штуцера упоминается и в записках фактории – *Deshima Dagregisters* за соответствующие годы².

От обширной коллекции И.А. Штуцера, собранной им за долгие годы в этих странах, сохранились лишь те предметы, что в 1795 г. были отправлены им в Санкт-Петербург. В своих заметках И.А. Штуцер сообщал и о других её экспонатах, которые хранятся в его резиденции «на Малабарском побережье»³, и даже прозрачно намекал, что готов обсудить условия их передачи в Академию наук в случае интереса с её стороны, однако дальнейшего развития эта тема не получила.

Поступившая в Санкт-Петербург часть коллекции И.А. Штуцера, была весьма разнородной по своему предметному составу. Часть предметов представляет собой характерные произведения так называемого японского экспортного искусства, то есть

² Имя Штуцера несколько раз упоминается в журнале фактории *Deshima Dagregisters*: так, в первый раз в записи от 31 декабря 1787 г. (Vol. IX, p. 9) в связи с официальным запросом, составленным ван Риде на имя губернатора Нагасаки (*Нагасаки бугё*) Сэёси Дзэндзаэмон Тоситака, по поводу разрешения для «врача Штуцера» проводить ботанические исследования в окрестностях города [Viallé, Blussé, 1996, p. 148]. Другая запись – от 10 марта 1788 г. (Vol. IX, p. 40) по поводу отбытия в официальное путешествие в Эдо ко двору 11-го сёгуна Токугава Иэнари (1773–1841), предпринятого фон Риде в сопровождении Штуцера и другого офицера Компании – Конрада Йонаса Скрибе [Viallé, Blussé, 1996, p. 153].

³ Так, в своей описи, в комментариях к двум «маленьким саблям» [ножам *танто* 短刀. – А.С.], присланным в Санкт-Петербург, Штуцер сообщает, что у него есть ещё и «длинные сабли», и он вышлет их в случае получения ответа («J'ai apporté plusieurs grandes Sabres, mais étant sur la coté de Malabar, je les enserrai á une aotre occasion, après réponse recue») [СПФ АРАН, Фонд 1, Опись 2-1795, Ед. хр. 1, параграф 4, л. 3].

произведения, выполненные японскими мастерами по заказу европейцев, изготовленные в традиционных техниках, но в чуждой японскому вкусу «псевдоевропейской» эстетике, в том числе и с использованием не вполне характерных для японского декоративно-прикладного искусства периода Эдо материалов, например, стекла. Другие предметы, наоборот, относятся к категории типичных, характерных для внутреннего употребления и вполне адекватно иллюстрирующих повседневную культуру японцев периода Эдо. И, наконец, есть и такие раритеты, которые можно отнести к области традиционной японской научной культуры (эти предметы, возможно, были получены Штуцером в качестве персональных подарков⁴) – сюда относятся и редкие японские научные книги и карты, и медицинские средства (набор полынных сигар для лечебных прижиганий *мокса* (*могуса* 艾) и акупунктурных игл), и комплект фигурок-макетов насекомых в натуральную величину с соответствующими этикетками, записанными азбукой катакана.

Персона И.А. Штуцера и его коллекции притягивают научные интересы многих исследователей, и существует целая подборка статей за разные годы, посвящённых его биографии, исследовательской и собирательской деятельности, а также ряду предметов и документов из его собрания, хранящегося ныне в МАЭ РАН, ИВР РАН, СПФ АРАН⁵.

Что касается дальнейшей судьбы коллекции, то сначала она была передана Кунсткамере (Академическому музею), а после её реорганизации перешла в ведомство Азиатского музея (ныне – ИВР РАН). Впоследствии, после создания Этнографического музея (1827–1837 гг.), часть коллекции (предметы, признанные «этнографическими»), была переведена туда, и ныне находится в собрании МАЭ РАН, в составе сборной коллекции МАЭ № 677, книги и карты же остались в коллекции Азиатского музея. Часть предметов из коллекции Штуцера по разным причинам была утрачена⁶. Оригинальные документы,

⁴ Так, известно, что, будучи в Эдо в апреле 1788 г., Штуцер имел контакты с учёным-рангакуса Оцуки Гэнтаку и живописцем и мыслителем Сиба Кокан. Первому Штуцер подарил изданную в Голландии карту мира, с которой Сиба Кокан позже сделал первую в Японии гравюру на медной пластине [Michel, 2015, p. 153]. Как представляется, в ответ он также должен был получить соответствующие «встречные дары».

⁵ Лагус В. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. СПб., 1890. С. 292–293; Ионова Ю.В. Японская миниатюрная скульптура – нэцкэ (по материалам собрания МАЭ им. Петра Великого АН СССР) // Культура и быт народов стран Тихого и Индийского океанов. Сборник МАЭ. Т. XXIII М.; Л., Наука, 1966. С. 182–222; Ксенофонтова Р.А. Из истории ранних японских коллекций. Сборник МАЭ. Т. XXV. Л., Наука, 1969 г. С. 280–303; Синицын А.Ю. Иоганн Арнольд Штуцер: новые биографические сведения о собирателе японских коллекций Кунсткамеры XVIII в. // Материалы Восточноазиатских и Юго-Восточноазиатских исследований. Кюнеровский сборник, Выпуск 7. Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение. СПб., 2013. С. 227–234; W. Michel. A Naturalist Lost – С.P. Thunberg's Disciple Johan Arnold Stutzer (1763–1821) in the East Indies // Japanese Collections in European Museums / Josef Kreiner (ed.) Vol. III: Regional Studies 2. Bonn, Bier'sche Verlagsanglast, 2015. P. 147–163; Sinitsyn A. The Earliest Japanese Collections (18th c.) in the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. // Japanese Collections in European Museums / Josef Kreiner (ed.) Vol. III: Regional Studies 2. Bonn, Bier'sche Verlagsanglast, 2015. P. 139–146; Kress H. An Inro by Koma Koryu presented in 1794 to Empress Catherine the Great of Russia // Andon, Rotterdam, 2011. Vol. 91. P. 5–24; Щепкин В.В. Нагасаки ни кагиранай: кинсэй Нихон котэнсэки га Росиа ни вататта кэйи ни цуитэ (Не только Нагасаки: об обстоятельствах поступления японских книг в Россию в период Эдо) // То:кё: дайгаку сирё: хэнсандзё кэнкю: киё: (Ученые записки Историографического института Токийского университета), №29, 2019. С. 226–239.

⁶ Так, японские монеты были направлены в Минц-кабинет Кунсткамеры, о чём есть соответствующая отметка у №№ 10, 11 архивного документа «Роспись вещам, привезённым из Японии и присланным от доктора Штуцера» [СПФ АРАН, Фонд IV, Опись 1, Ед. хр. 295. Л. 1.]. Однако их дальнейшая судьба неизвестна. В «Описи Азиатского музея» (см. далее) они не упоминаются.

сопровождавшие коллекцию, хранятся в СПФ АРАН. Большой интерес представляют и материалы описи коллекции МАЭ № 677.

Как указывалось выше, цель данной статьи – выяснить на материале архивных документов оригинальный предметный состав коллекции Штуцера, присланной им в Санкт-Петербург, какие предметы из этой коллекции попали в собрания МАЭ РАН и ИВР РАН, а какие были утрачены.

Исследование было основано на изучении предметного состава коллекции И.А. Штуцера в МАЭ РАН и ИВР РАН, а также на сопоставлении следующих архивных материалов:

1. Хранящиеся в СПФ АРАН:

1.1. Оригинальная опись (список) Штуцера на французском языке [СПФ АРАН, Фонд 1 опись 2-1795. Ед. Хранения 1. Параграф 4, л. 3–6]. Этот список, относящийся к «Приложениям к протоколам заседаний АН за январь 1795 г.», снабжён краткими описаниями предметов, а иногда и обстоятельствами их приобретения. Местами Штуцер указывает их японские названия, а также сопутствующие обстоятельства приобретения японские личные имена, топонимы, имена божеств, названия храмов и т.д. К сожалению, Штуцер японским языком не владел, и его транскрипция японских слов весьма приблизительная, что порою создаёт сложности для её идентификации с японскими оригиналами.

1.2. Рапорт Библиотекаря Академии наук Ивана Буссе от 9-го января 1795 г. со списком («росписью») «разных из Японии привезённых вещей», «с отметками, какие из оных по оригинальному реестру получены, каких не достаёт, коих совсем не доставлено», с приложенной к рапорту «Росписью вещам, присланным Ея Императорскому Величеству из Японии от доктора S. (т.е. от д-ра Штуцера. – А.С.)» [СПФ АРАН, Фонд 3. Опись 8. Ед. хр. 45. Л. 6–8].

1.3. «Роспись вещам, привезённым из Японии и присланным от доктора Штицера». [СПФ АРАН, Фонд IV, Опись 1, Ед. хр. 295. Л. 1].

1.4. “Extrait de mon Diaire tenu sur le voyage pour la Cour, en allant pour Jedo, regardant la grande incendie de Miaco” [СПФ АРАН, Фонд 1, Опись 2-1795, Ед. хр. 1., параграф 4, Л. 7].

1.5. “Description de Моха et de la cure des épingles nommée Acupuncture” [СПФ АРАН, Фонд 1, Опись 2-1795, Ед. хр. 1., параграф 4, Л. 2]

2. Документы описи МАЭ № 677.

Эта опись не является целостной, а состоит из ряда отдельных документов, между которыми существуют определённые разночтения и даже противоречия как в обозначении отражаемых ею предметов, так и в указании их количества.

2.1. «Опись вещам, поступившим из Азиатского музея в Этнографический» [Опись коллекции МАЭ № 677, Л. 2–4, 6].

2.2. «Опись вещам, полученным 5-го января от г. Правителя делами Академии наук Павла Петровича Бакунина из Японии привезёнными [Опись коллекции МАЭ № 677, Л. 7]».

2.3. «Опись вещам, поступившим из Азиатского музея в Этнографический. За отсутствием оригинальных списков пользовались этикетками» [Опись коллекции МАЭ №677, л. 8, 9, 11].

2.4. «Из «Описи Азиатского музея», Статья XVII, №№ Аз. муз. XVII.10-39 [Опись коллекции МАЭ №677, л. 28–30].

2.5. Две отдельные оригинальные этикетки Штуцера: «Вид ворот замка Эдо» и «Модель паланкина» [Опись коллекции МАЭ №677, л. 18].

3. Документ, приложенный к Описи коллекции МАЭ № 1116: Копия письма в Историко-филологическое отделение Императорской академии наук от 14.05.1907, подписанного Б.Ф. Адлером, с просьбой о разрешении обмена ряда японских вещей (из коллекции Штуцера), якобы «ветхих» и «не представляющих этнографической ценности» на ряд «ценных и нужных Музею китайских» предметов, принадлежавших частному торговцу азиатскими раритетами Е.И. Александру [Опись коллекции МАЭ № 116, л. 2].

4. Опись коллекции МАЭ № 681, л. 4, «от неизвестного собирателя», составленная Б.Ф. Адлером.

5. Сохранившиеся на предметах оригинальные наклейки с номерами так называемого Списка Азиатского музея.

Все эти документы имеют некоторые разночтения относительно числа предметов (как поступивших в Академию наук в 1795 г., так и переданных в МАЭ), способа подсчёта предметов, их наименования и описания. Поэтому точное число единиц хранения по этим документам выяснить невозможно, и оно «по факту» не совпадает с реальным числом хранящихся в МАЭ РАН предметов из коллекции Штуцера. Одной из причин того является обстоятельство, что в музейной практике того времени понятия «единица хранения» не существовало, и число предметов в коллекции во многом определялось настроением составителя описи. Так, в оригинальном списке И.А. Штуцера сразу несколько однотипных предметов идут под одним общим номером (например, под № 31 указываются сразу семь подзорных труб, причём не указывается, что одна труба – в специальном футляре). Кроме того, не учитывалась специфика составных предметов (состоящие из нескольких частей, каждая из которых в настоящее время рассматривается в музейной документации как отдельная единица хранения). Поэтому в оригинальной описи И.А. Штуцера, как и в составленных в соответствии с нею ранних документах Кунсткамеры и описях МАЭ, почти для всех составных «номеров» точное число составляющих их предметов не указывается вовсе – например, число акупунктурных игл (№ 15), сигар для лечебного прижигания *мокса* (№ 14 – указываются лишь «две коробки с *мокса*»); фигурок искусственных насекомых (№ 33 – указываются «3 ящика»). Оба меча (ножа) *танто* идут под одним номером (№ 6 – «Две маленькие сабли...»), в то время как в современных музейных документах каждый из них составляет как минимум две отдельные единицы хранения («меч» и «ножны»).

Другая причина разночтений в нумерации заключается в том, что довольно много однотипных предметов, число которых точно указано в оригинальном списке Штуцера, не дошли до Академии наук, ибо были утрачены по дороге. Такие несовпадения с нумерацией Штуцера и реальным числом полученных Академией предметов указано в упомянутом выше «Рапорте Библиотекаря Академии наук Ивана Буссе от 9-го января 1795 г.» [СПФ АРАН, Фонд 3, Ед. хр. 45, л. 7]. Согласно приложенной к этому рапорту «росписи вещам», Академия получила, (а также недополучила) следующие предметы⁷:

⁷ Здесь названия предметов даются в соответствии с современными принципами атрибуции музейных экспонатов, а не в варианте XVIII в., где многие предметы атрибутированы не вполне адекватно.

Список предметов, полученных Академией наук от И.А. Штуцера в 1795 г.

№ (в соответствии со списком Штуцера)	Название предмета	Число предметов в списке Штуцера	Число предметов по факту получения
1	Плакетка лаковая «Вид Санкт-Петербурга между Зимним дворцом и Академией Наук»	1	1
2	Плакетка лаковая «Портрет короля Франции Людовика XV на коне»	1	1
3	Плакетка лаковая «Портрет короля Пруссии Фридриха II Великого»	3	3
4	Плакетка «Портрет короля Швеции Густава Адольфа».	1	1
5	Плакетка лаковая «Портрет доктора М. Лютера»	2	2
6	Ножи <i>танто</i>	2	2
7	Подносы лаковые декоративные (<i>кадзаримоно 飾り物</i>)	2	2
8	Модель паланкина	1	1
9	«Медицинская коробочка» (<i>инро 艾</i>)	1	1
10	Монеты подлинные	4	3 ⁸
11	Монеты фальшивые	3	3
12	Листы «зеркальной бумаги» из водорослей:		
	– красного цвета	23	22
	– тёмно-красного	7	6
	– жёлтого	11	10
	– жёлтого с темными пятнами	17	16
	– зелёного	6	5
	– синего	16	15
	– белого	90	80
	Итого:	170	154
13	Формы (матрицы) для литья (резной камень)	7	7
14	Коробки с медицинскими сигарами <i>мокса</i> ⁹	2	2
15	Футляр (харобако) с акупунктурными иглами ¹⁰	1	1
16	Палочки японской туши	3	3
17	Картина в паспарту («Вид Киёмидзу-дэра»)	1	1
18	Рисунок с видом одних из ворот Эдоского замка	1	1
19	Книга с описанием европейских монет	1	1

⁸ Буссе отмечает, что не разобрался какой именно монеты не достаёт – настоящей или подлинной (СПФ АРАН, фонд 3, ед. хр. 45, л. 7).

⁹ Число самих сигар не указано.

¹⁰ Число акупунктурных игл и составных частей футляра не указано.

20	Книги с описанием японских рыб	2	2
21	Книги с описанием японских растений	2	0
22	Книга с описанием императорского дворца	1	0
23	Книга с описанием императорских одеяний	1	1
24	Карта-схема г. Эдо ¹¹	1	1
25	Карта-схема г. Киото (после пожара 1778 г.)	1	1
26	Карта-схема г. Нагасаки	1	1
27	Карта всей Японской империи ¹²	1	1
28	Полированные слоновьи зубы с о. Цейлон	28	27
29	Книги на японском языке с картами ¹³	5	5
30	Книга-перевод на яп. язык анатомического труда немецкого профессора И.А. фон Кульмуса	1	1
31	Подзорные трубы ¹⁴	7	7
33	Три коробки (ящика) с искусственными фигурками насекомых ¹⁵	3	3
Итого		261	240

Таким образом, из 261 «предметов»¹⁶, высланных Штуцером, Академия получила 240, то есть на 21 «предмет» меньше. На настоящий момент судьба этих предметов неизвестна, как и причина их отсутствия. Возможно, что эти предметы были предоставлены Ю. Лебеком как доверенным лицом И.А. Штуцера его учителю, профессору К.П. Тунбергу для научной коллекции университета Упсала.

Для определения состава той части коллекции Штуцера, что была передана в МАЭ в 1827–1837 гг., ключевым является «Опись вещам, поступившим из Азиатского музея в Этнографический» и список «Из Описи Азиатского музея, Статья XVII».

Первый из этих документов, «Опись вещам, поступившим из Азиатского музея в Этнографический» [Опись МАЭ № 677, л. 2–4] – почти полностью составлена из подклеенных в порядке нумерации этикеток Азиатского музея, оригинальные номера которых начинаются с римской цифры XVII, ибо соответствуют статье XVII указанного списка предметов, поступивших из Азиатского музея, объединявшего японские вещи. Что касается вопроса о происхождении так называемого Списка Азиатского музея, то он был подробно рассмотрен в монографии П.Л. Белкова «Очерки истории ранних океанийских коллекций МАЭ» [Белков, 2015, с. 152]¹⁷.

¹¹ В «Росписи» Буссе ошибочно названа «Картой японской империи...».

¹² В «Росписи» Буссе ошибочно названа «Картой китайской империи...».

¹³ «Санкоку цуран дзусэцу» – «Общий обзор трёх стран с приложением карт» авторства Хаяси Сихэй.

¹⁴ Здесь не отмечен как отдельный предмет футляр для одной из труб.

¹⁵ Здесь не указано ни общее число фигурок, ни количество полок в каждом ящике.

¹⁶ «Предмет» в данном контексте есть условное название выделенных Штуцером объектов.

¹⁷ Как показал П.Л. Белков, так называемый Список Азиатского музея, части которого приложены к описям ранних восточноазиатских коллекций Кунсткамеры, переданных в Этнографический музей из Азиатского музея, представляет собой фрагменты, извлеченные из III части Каталога О.П. Беляева (Беляев О.П. Кабинет Петра Великого. Части I–III. СПб, Императорская Академия Наук, Императорская типография. 1800) [Белков, 2015, с. 152].

Эта опись – сборная, составленная «постфактум» в конце XIX в., объединяет различные поступления японских предметов конца XVIII – начала XIX в. В эту опись вошли предметы не только от И.А. Штуцера, но и других собирателей, в том числе от капитана-«кораблекрушенца» Дайкокуя Кодаю, главы первой официальной русской миссии в Японию А.Э. Лаксмана, а также ряд трофеев экспедиции Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова. Примечательно, что этикетки предметов, относящиеся к коллекции И.А. Штуцера, имеют после номера приписку в скобках: «Штутцер». Эти предметы помещены цельным блоком (кроме этикетки № Аз. муз. 21 «Пачка прозрачной бумаги из водорослей») между этикетками предметов от А. Лаксмана и поступлениями от экспедиции Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова. Этикетки «штуцеровских» предметов имеют номера XVII – 10-31,34, 35, 38, 39 [Опись МАЭ №677, л. 8–11].

Этикетки Азиатского музея написаны довольно неразборчивым почерком; кроме того, одна и та же этикетка может относиться как к отдельному предмету, так и к целому ряду однотипных предметов. Этот документ фактически представляет собой «коллаж» из наклеенных на листы описи этикеток Азиатского музея, а также сопутствующих им разнообразных комментариев и исправлений весьма неразборчивым почерком, с большим числом исправлений, сделанных разными сотрудниками в разные годы. Красным карандашом к этикеткам приписаны номера Этнографического музея (как представляется, это было сделано намного позже, в конце XIX – начале XX в.), и уже эти новые номера стали основой для описи МАЭ № 677, где более или менее (в ряде случаев) последовательно применялся принцип «каждому предмету – отдельный музейный номер».

Таким образом, именно в этом документе «штуцеровские» предметы получили номера МАЭ №№ 677 – 8–32, 61, с соответствующими буквенными расширениями. Последний номер (МАЭ № 677-61) относится сразу ко всем образцам «бумаги из водорослей» («Пачка прозрачной бумаги из водорослей для окон, разного цвета»); этот номер в данном документе ошибочно не был отнесен к «штуцеровскому» поступлению и попал в число тех предметов, что восходят к числу трофеев экспедиции Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова.

Особенностью данного документа является тенденция при обозначении предметов давать их более или менее «этнографичное» и реалистическое описание. Так, в списке «Опись вещам, полученным 5-го января [1795 г. – А. С.] от г. Правителя делами Академии наук Павла Петровича Бакунина из Японии привезённые» [Опись МАЭ №677, л. 7] декоративные подзорные трубы названы по неизвестной причине «Семь проспектов», в рассматриваемом документе описи (номер XVII.38, что соответствует МАЭ № 677-31/6) названы «Шесть зрительных, стеклянных труб, роспис. разн. фигурами под лаком, в медных позолочен. оправках. Одна из них в картон. футляре. Одна разбита, так что фарфоровая оправка потеряна совершенно». Примечательно, что здесь упомянуты только 6 труб, а не 7 (недостающая труба попала в коллекцию МАЭ № 681, где числится под номером 60). Но зато впервые упомянут футляр для одной из труб; правда, в реальности он – не картонный; и оправка труб не «фарфоровая», а стеклянная.

На основании этого «коллажа из этикеток» Азиатского музея (фактически, черновика описи) был составлен отдельный документ: «Опись вещам, поступившим из Азиатского музея в Этнографический» [Опись МАЭ № 677, л. 2–4, 6].

Нумерация предметов следует той системе, что была сделана красным карандашом на этикетках, но отличается от нумерации Азиатского музея. Краткие описания предметов

в этом документе в целом повторяют «черновик», но написан он аккуратным разборчивым почерком, с принятой в то время цифровой и буквенной (латинской) нумерацией предметов, например: «677-32/3 a-d. Три ящика с искусственными насекомыми, ящерицами и змеями¹⁸ (по 4 отдела в каждом)». В этом документе уже нет нумерации Азиатского музея; также отсутствуют особые пометки «штуцеровских» предметов. Что касается адекватности этой системы нумерации реальному числу предметов, то приведённый выше пример обозначения «трёх ящиков с насекомыми» наглядно демонстрирует определённое несоответствие: буквенное расширение «a-d» одинаково для четырёх полок каждого из трёх ящиков (соответственно, совершенно не понятно, какая полка к какому именно ящику относится), а число отдельных фигурок насекомых даже не принимается к рассмотрению. Другой пример: листы «бумаги из водорослей» вообще не просчитаны, и получили общее название: «Пачка бумаги из водорослей для окон, различного цвета» [Опись МАЭ № 677.61, л. 5].

Следующая таблица отражает те «штуцеровские» предметы, что были переданы из Азиатского музея в МАЭ и их соответствующую нумерацию.

**Список предметов из коллекции И. А. Штуцера,
переданных из Азиатского музея в Этнографический музей в 1827–1837 гг.**

№	Номер по Списку Азиатского музея	Номер по описи МАЭ № 677	Название предмета / группы предметов (в соответствии с написанием и орфографией оригинального текста описи)	Кол-во
1.	Аз. муз. XVII.10	МАЭ № 677-8	Вид С.Петербурга между Зимним дворцом и Академиею Наук/ писанный золотом по чёрному лаку на металлической доске. Рисунок исполнен золотом.	1
2.	Аз. муз. XVII.11	МАЭ № 677-9	Овальный портрет Людовика XV на коне, на чёрной покрытой лаком металлической доске. Рисунок исполнен золотом.	1
3.	Аз. муз. XVII.12	МАЭ № 677-10/3	Три овальных портрета Фридриха Пруссака, на чёрной металлической доске, покрытой чёрным лаком.	3
4.	Аз. муз. XVII.13	МАЭ № 677-11	Овальный портрет Густава Адольфа, на чёрной металлической лакированной доске.	1
5.	Аз. муз. XVII.14	МАЭ № 677-12/2	Два овальных портрета доктора Лютера, на металлической чёрной лакированной доске.	2
6.	Аз. муз. XVII.15,16	МАЭ № 677-13, 14	Два кинжала в чёрных лакированных футлярах. Рукоятки кинжалов покрыты отдельными зёрнами, похожими на жемчужины и украшены медными (?) медальонами в виде изображен. животных.	2
7.	Аз. муз. XVII.17,18	МАЭ № 677-15,16	Два небольших чёрных лакированных подноса, выложен. цветками перламут.	2

¹⁸ Насколько можно судить по современному состоянию, среди фигурок насекомых нет ни ящериц, ни змей.

			Подносы состоят из круглых тарелок, окружённых резной металлической решёткой.	
8.	Аз. муз. XVII.19	МАЭ № 677-17	Модель носилок, в которых носят знатных особ, под золотым лаком с принадлежн. к ним шёлковым тюфячком и подушками.	1
9.	Аз. муз. XVII.20	МАЭ № 677-18	Складной футляр для лекарств, футляр покрыт золотым лаком и украшен изображением чудовища. Отдельные части футляра соединены голубым шёлковым снурком привязан. к деревянной пуговице.	1
10.	Аз. муз. XVII.22	МАЭ № 677-19	Плита каменная с рельефн. изображением змеи ¹⁹	1
11.	Аз. муз. XVII.23	МАЭ № 677-20	– ящерицы	1
12.	Аз. муз. XVII.24	МАЭ № 677-21	– цветов	1
13.	Аз. муз. XVII.25	МАЭ № 677-22	– цветов	1
14.	Аз. муз. XVII.26	МАЭ № 677-23	– то же	1
15.	Аз. муз. XVII.27	МАЭ № 677-24	– то же	1
16.	Аз. муз. XVII.28	МАЭ № 677-25	– то же	1
17.	Аз. муз. XVII.29	МАЭ № 677-26	Коробочка с лекарством назв. <i>мокса</i>	1
18.	Аз. муз. XVII.30	МАЭ № 677-27	– то же	1
19.	Аз. муз. XVII.31	МАЭ № 677-28	Футляр с 7-ю иглками, у которых ручки серебр. и остр. у некоторых золотые у других серебряные. При них одна серебряная трубочка (для хирург. целей?) ²⁰	1
20.	Аз. муз. XVII.34	МАЭ № 677-29	Кусок чистой позолоченной японской туши	1
21.	Аз. муз. XVII.35	МАЭ № 677-30	Вид предместья Фоезими	1
22.	Аз. муз. XVII.38	МАЭ № 677-31/6	Шесть зрительных, стеклянных труб, роспис. разн. фигурами под лаком, в медных позолочен. оправках. Одна из них в картон. футляре. Одна разбита, так что фарфоровая оправка потеряна совершенно	6
23.	Аз. муз. XVII.39	МАЭ № 677-32/3a-d	Три ящичка с искусственными насекомыми, ящерицами и змеями / по 4 отдела в каждом	3/12
24.	Аз. муз. XVII.	МАЭ № 677-61	Пачка прозрачной бумаги из водорослей для окон (различного цвета)	1/?

¹⁹ В настоящее время эти «каменные плиты» атрибутированы как каменные формы (матрицы) для художественного литья.

²⁰ В своем списке Штуцер не указал точное число игловок; принимавший коллекцию И. Буссе также отмечает лишь наличие самой «коробочки с золотыми и серебряными иглами». Однако в «Росписи вещам, привезённым из Японии и присланным от д-ра Штицера», указывается, что игловок (*хари 鍼*. – А.С.) с золотыми ручками 5, с серебряными – 10, и при них 2 серебряные трубочки (*кудабари 管鍼*. – А.С.). [СПФ АРАН, фонд IV, опись 1, ед. хр. 295, л. 1–2]. Таким образом, изначально было 15 игл и 2 трубки, что соответствует 17 гнездам (15 из которых ныне пустые) в самом сохранившемся футляре (*харибако 鍼箱*). Одна трубка и 8 игл были уже утрачены на момент создания Списка Азиатского музея. В настоящее время сохранилось только 2 иглы.

Таким образом, на основании приведённых в описи документов не представляется возможным точно определить число единиц хранения предметов, поступивших из Азиатского музея в Этнографический²¹. Однако очевидно отсутствие многих предметов из оригинального списка Штуцера: в МАЭ изначально не были переданы все слоновьи зубы, все японские монеты, все книги и карты. Из трёх палочек туши упомянута только одна.

Что касается книг и карт, то часть их ныне находится в Отделе рукописей и документов Института восточных рукописей РАН. Японские книги и карты Штуцера наряду с книгами, поступившими в 1791 г. от Дайкокуя Кодаю, нашли отражение в первом каталоге японских книг, составленном И. Буссе в 1798 г. В своей статье «Коллекция книг Дайкокуя Кодаю и её значение для истории русско-японских культурных связей» О.П. Петрова впервые предприняла попытку отделить книги Дайкокуя Кодаю от материалов Штуцера [Петрова, 1970, с. 51–58]. Соотнеся данные каталога Буссе с собственноручным списком Штуцера, Петрова определила, что последнему принадлежали следующие издания:

- № 6. Генеральная карта Японской империи.
- № 7. Топографическая карта города Эдо, столицы королевства Кубо.
- № 8. То же города Миако, столицы королевства Дайри.
- № 9. То же самого города Миако.
- № 10. То же города Осака²².
- № 11. То же города Нангасаки.
- № 12. Сангоку цуран – Книга географическая – 5 томов.
- № 13. Приложения к ней – географические карты.
- № 14. Иллюстрированная книга разных европейских монет.
- № 15. Иллюстрированная книга костюмов при дворе королевства Дайри.
- № 16. Описание туземных рыб.
- № 18. Анатомические таблицы тела человека с переводом с голландского языка.

Однако поскольку объектом интереса О.П. Петровой были книги из коллекции Дайкокуя Кодаю, она оставила материалы Штуцера без дальнейшего рассмотрения. Обратившись к собственноручному списку Штуцера, мы увидели, что описания книг и карт в нём более пространные, а также проливают свет на обстоятельства их приобретения. Это позволило нам идентифицировать многие единицы хранения. Чтобы проследить судьбу книг и карт из коллекции Штуцера, мы обращались также к каталогам китайских и японских книг И. Буссе [Буссе, 1798], П. Каменского и С. Липовцева [Каменский, Липовцев, 1818], М.Ф. Броссе [Броссе, 1840], а также к хранящимся в Архиве востоковедов ИВР РАН спискам некоторых других поступлений японских книг в Азиатский музей. Метод работы состоял в попытке сопоставить приведённые в каждом из каталогов или списков названия сочинений с хранящимися сегодня в ИВР РАН японскими рукописями и ксилографами. Основную

²¹ Это касается прежде всего незарегистрированного числа сигар *мокса*, фигурок насекомых и листов «бумаги из водорослей».

²² Единственный пункт, который О.П. Петрова, очевидно, случайно обозначила как принадлежащий коллекции И.А. Штуцера – в действительности, в собственноручном списке Штуцера карты города Осака не значится.

сложность в работе представляло то, что почти все ранние каталоги и списки составлялись на европейских языках без приведения оригинальных названий сочинений в японской графике (исключение составляет хранящаяся в Архиве востоковедов копия каталога Каменского и Липовцева, сопровождаемая иероглифическими написаниями). Далее мы приведем описания книг и карт из автографа Штуцера, попутно давая комментарии о ходе их идентификации, а также о наличии или отсутствии этих единиц хранения на сегодняшний день.

№ 19. Сэйё сэмпу, что по-японски означает «Описание Европы», которое повествует о различных видах европейских денег, с описанием рядом с каждой монетой. Напечатано одним знатным князем, у которого была эта коллекция, для доставления удовольствия молодого императора, которому в то время (1788) было всего 15 лет. Покойный император скончался в горе, поскольку его единственный сын и наследник империи имел несчастье сломать себе шею во время охоты. Нынешний молодой император является всего-навсего приёмным сыном покойного императора, и его происхождение не королевских кровей; но у японцев приёмный ребенок пользуется всеми правами, полагающимися ребенку, родившемуся от брака. Имя действующего императора: Гэндзи-но тёдзя Токугава Иэнари.

Приведённое Штуцером японское название позволило без труда идентифицировать данную книгу среди хранящихся ныне японских материалов ИВР РАН. Это ксилограф с шифром хранения С-95 «Альбом европейских монет» (яп. «Сэйё: сэмпу» 西洋錢譜). В книге содержится собственноручная приписка Штуцера, содержание которой почти полностью совпадает с приведённым в списке. Автором этого сочинения был Куцуки Масацуна 朽木昌綱 (1750–1802), 8-й глава княжества Фукутияма в провинции Тамба. С 1772 г. он являлся учеником известного голландоведа Маэно Рётаку 前野良沢 (1723–1803), у которого изучал голландский язык, а в дальнейшем стал известным исследователем европейских монет и географии. Куцуки Масацуна неоднократно встречался с главой голландской торговой фактории Исааком Титсингом (1745–1812) во время пребывания последнего в Эдо в 1780 и 1782 гг. [Screech, 2006, Pp. 32–38]. Между прочим, среди книг И. Титсинга, которые через Ю. Клапрота и П.Л. Шиллинга попали в Азиатский музей в 1830 г., также есть сочинения Куцуки Масацуна, вероятно, подаренные Титсингу самим автором. Это единица хранения В-74 «Новый альбом избранных монет» («Синсэн сэмпу» 新撰錢譜), ксилограф 1782 г., а также ещё не идентифицированная запись № 182 в списке Шиллинга: «Cheou tsiouan tsi. Ouvrage de numismatique escrit en 1783 par le Prince de Tamba et donni a M. I. Titsingh» («Нумизматическое сочинение, написанное в 1783 г. князем Тамба и подаренное г-ну И. Титсингу»). Возможно, «Альбом европейских монет» был получен И.А. Штуцером от Куцуки Масацуна также лично: последний посетил голландцев во время их визита в Эдо весной 1788 г. [Screech, 2006, P. 53].

№ 20. Описание некоторых рыб, которые там обитают, помеченных на каждом листе японским названием, записанным голландскими буквами. Две книги.

Хотя в японской коллекции ИВР РАН хранится 11 иллюстрированных изданий о рыбах Японии, все они либо были созданы в XIX в., либо имеют более позднюю дату поступления. Однако, в статье В. Михеля, посвящённой Штуцеру, есть упоминание о том, что В.Г. Тилезиус (1769–1857), побывавший в Японии в составе кругосветной экспедиции

И.Ф. Крузенштерн (1770–1846), в своём письме К.П. Тунбергу от 1 октября 1810 г. описал японскую книгу о рыбах «Уми-но сати» 海の幸 («Дары моря»), которая «была преподнесена Императорской Академии наук Штуцером, хирургом Ост-Индской компании» [Michel, 2015, p. 158], и высказывает желание переиздать её в Европе. Возможно, эта книга так и осталась у Тилезиуса, поскольку в каталоге Липовцева и Каменского 1818 г. она уже не значится.

Благодаря указанию М. Педерсен, сотрудницы Датской Королевской библиотеки в Копенгагене и автора каталога хранящихся в ней японских рукописей и редких книг, в коллекции этой библиотеки есть ксилограф «Уми-но сати», поступивший не позднее 1848 г. (на нём имеется золотая печать короля Кристиана VIII, правившего в 1839–1848 гг.). По словам М. Педерсен, своей ранней датой поступления этот ксилограф резко выделяется среди прочих единиц хранения коллекции. При этом в Датской Королевской библиотеке хранится лишь второй из двух томов этого сочинения. Ксилограф в составе двух томов был издан в Эдо в 1778 г. [Pedersen, 2015, Pp. 104–107]. Исходя из этого, весьма вероятно, что один из двух присланных И.А. Штуцером томов «Уми-но сати» через В.Г. Тилезиуса попал в Копенгаген.

№ 21. Две другие о растениях.

Этот пункт примечателен тем, что книги о растениях не нашли отражения ни в каталоге Буссе 1798 г., ни в более поздних. Как видно из приведённых выше документов, эти книги не дошли до Петербурга и попали в руки К.П. Тунберга в Упсале.

№ 22. Книга, рассказывающая о дворе Дайри.

№ 23. Несколько моделей платьев, которые использует Дайри.

Эти два пункта, первый из которых явно говорит о книге, а второй – о моделях платьев (неясно, имеются ли в виду изображения), впоследствии фигурировали в каталогах как одна единица хранения: в каталоге Буссе – «Иллюстрированная книга костюмов при дворе королевства Дайри», в каталоге Липовцева и Каменского – «О костюмах платья королевства Дайри», в каталоге Броссе – вероятно, «Сл. XVIII 68. Образцы окраски платьев 1786 г.». Однако на данный момент в коллекции ИВР РАН похожих по содержанию японских книг не обнаружено.

№ 24. Эдо, или столица Кубо, который, хотя и не настолько велик в своём достоинстве, как Дайри, является властелином Империи и предоставляет земельные владения Дайри. Эта карта является примером того, в какой манере переведены мои другие карты.

В коллекции ИВР РАН имеется три карты Эдо, год публикации которых приходится на время до последнего визита Штуцера в Японию (т.е. до 1789 г.). Это единицы хранения С-227 – «Большая карта Эдо с измерениями» (яп. «Бункэн Эдо ооэдзу» 分間江戸大絵図) 1732 г. издания; С-228 – та же карта, но 1787 г. издания; и А-63 – «Исправленное издание карты Эдо» (яп. «Кайсэй Эдо эдзу» 改正江戸絵図) 1784 г. издания. Два обстоятельства позволили бесспорно отнести к коллекции Штуцера карту под шифром хранения С-228. Во-первых, именно в ней обнаружена записка с автографом Штуцера, текст которой полностью совпадает с приведённым выше текстом из списка. Во-вторых, на обложках двух других карт

имеются записи карандашом с номерами 194 и 195, которые соответствуют номерам из списка японских книг и карт, переданных в Азиатский музей П.Л. Шиллингом в 1830 г.

Что касается замечания Штуцера об этой карте как о примере перевода всех остальных, на карте под шифром хранения С-228 красным карандашом пронумерованы все усадьбы даймё в Эдо, начиная с сёгунского замка, а также другие подписанные объекты – всего около 2000 номеров. Это позволяет предположить наличие отдельного списка топонимов с переводом, однако в собрании ИВР РАН такового не обнаружено.

№ 25. Мияко, столица Дайри, где проживает духовный император.

Помимо карты под шифром хранения С-321, речь о которой пойдет ниже, в коллекции ИВР РАН хранится ещё четыре карты Киото с подходящей датой публикации. Это карты под шифрами хранения А-95, В-135, В-137 и В-152. Однако, как и в случае с картами Эдо, указанные на обложках карандашом номера (196, 197 и 198) позволяют выделить из числа карт коллекции П.Л. Шиллинга единственную карту без номера, которая, очевидно, и принадлежала Штуцеру – это «Подробный иллюстрированный справочник столицы с указателем достопримечательностей» (яп. «Мэйсё тэбики Мияко дзукан ко:моку» 名所手引京図鑑綱目) под шифром хранения В-152.

№ 26. Город Нагасаки. Я обозначил своим пером определённые места, такие как остров Дэдзима, или резиденция голландцев, склады императора, место, где живут китайцы, мост, который отделяет этот искусственный остров, где мы находимся, от города, его длина составляет всего 6 футов, и город также обозначен. Карта, хотя и не так хорошо сделана, как другие, но всё же очень точная.

В собрании ИВР РАН имеется три карты города Нагасаки, но исходя из времени создания только одна из них может принадлежать коллекции Штуцера. Это «Карта Нагасаки провинции Хидзэн» (яп. «Хисю: Нагасаки дзу» 肥州長崎図) под шифром хранения А-88, напечатанная в Нагасаки в 1778 г. Именно на этой карте имеются подписи на французском языке упомянутых Штуцером мест, что позволяет идентифицировать её как принадлежавшую ему.

№ 27. Общая карта всей Японской империи, называемой по-японски Нифон, будучи известной под этим разделением на большой и малый остров Нифон. Карта очень хорошо сделана и, насколько мне известно, очень точно.

Эта карта фигурирует во всех каталогах XIX в.: у Буссе «Генеральная карта Японской империи», у Липовцева и Каменского – «Генеральная карта Японского государства», у Броссе – «Японская карта (цветная) Японии 1775 года». Однако на данный момент в коллекции ИВР РАН указанная карта не обнаружена. Исходя из указанной в каталоге Броссе даты – 1775 г. – можно предположить, что это карта Японии Нагакубо Сэкисуи (1717–1801), впервые изданная именно в этом году и известная как первая в Японии карта с градусной сеткой. Она оставалась наиболее популярной и «ходовой» картой Японии вплоть до середины XIX в. Возможно, именно на неё ссылается И.Ф. Крузенштерн в своих путевых заметках: «Как скоро начали держать курс к юго-восточной оконечности Сатцума, вдруг увидели ещё берег на SW, которой почитал я островом Танао-Сима, составляющим по Арро-

Смитовой карте южную сторону пролива Вань-Дименова. Остров сей, как то узнал я в Нангасаки, называется собственно: Яконо-Сима {На подлинной Японской карте, хранящейся при Академии Наук, сей остров назван Тенега-Сима, а другой к SW его лежащий, Яконо-Сима.}» [Крузенштерн, 1809, С. 287].

№ 29. Название этой книги с пятью картами на японском: «Сангоку Цуран», что означает «Описание трёх стран и людей, живущих там», которые являются ближайшими островами к побережью Камчатки. Их названия: Рюкю, Корея, Эдзо; сделаны в пяти картах. Впоследствии, по получении этих вещей, я отправлю перевод всех карт и книг.

В данном пункте речь идёт о самом известном сочинении японского ученого Хаяси Сихэй (1738–1793) «Общий обзор трёх стран с приложением карт» (яп. «Сангоку цу:ран дзусэцу» 三国通覧図説), опубликованном в 1785 г. Данной единицы хранения не было уже в каталоге Липовцева и Каменского, равно как и у Броссе. Однако весьма вероятно, что данной картой мог пользоваться И.Ф. Крузенштерн во время своего кругосветного плавания 1803–1806 гг. В журнале его путешествия читаем: «После он сообщил мне названия рек и мысов острова Ессо, которые все означены на карте нашей сего острова, и большая часть оных сходны с названиями, показанными на бывшей у нас Японской карте; сие служило достаточным доказательством, что на известия его можно было положиться... Другой округ, лежащий южнее Нотцамбу именовал Японский Офицер Соя, остров же с высокою горою Ришери, а северный остров Рефуншери. На нашей Японской карте показаны оные под именами Риисери и Рефуносери» [Крузенштерн, 1810, С. 55].

Как известно, вплоть до начала XIX в. на общих картах Японии не изображался остров Хоккайдо и прилегающие к нему мелкие острова. Исключение составляют именно карты Хаяси Сихэй, помещённые им в качестве приложений к сочинению «Сангоку цуран дзусэцу», в том числе карта Японии в окружении соседних с ней стран – Кореи, Рюкю и земель айнов, а также отдельная карта Хоккайдо с прилегающими островами.

Сочинение Хаяси Сихэй вызывало повышенный интерес европейских ученых в первой половине XIX в. в силу скудости сведений об окружающих Японию землях, прежде всего именно о Корее, Рюкю и Хоккайдо. В 1829 г. известный французский китаевед Ж.П. Абель-Ремюза (1788–1832) опубликовал «Описание группы малоизвестных островов, расположенных между Японией и Марианским архипелагом». В предисловии он сообщает, что одним из источников стало японское сочинение, которое он не называет, однако из подробного описания ясно, что речь идёт о «Сангоку цуран дзусэцу». По словам Абель-Ремюза, экземпляр этого сочинения был привезён из Японии И. Титсингом. Титсинг, возможно, даже встречался с Хаяси Сихэй [Screech, 2006, P. 23]. После смерти Титсинга сочинение попало к Абель-Ремюза. Последний также сообщает: «Перевод этого описания на голландский должен, я думаю, находиться среди рукописей, оставленных Титсингом: оно заслуживает быть опубликованным полностью» [Abel-Rémusat, 1829, Pp. 153–157]. Наконец, Абель-Ремюза свидетельствует, что текстом «Сангоку цуран дзусэцу» пользовался также Ю. Клапрот (1783–1835) для своего «Описания островов Рюкю, извлечённого из нескольких китайских и японских сочинений» [Klaproth, 1824, Pp. 289–316]. Полный перевод «Сангоку цуран дзусэцу» на французский язык увидел свет в 1832 г. Автором его также стал Ю. Клапрот, однако в предисловии к переводу он сообщает ряд сомнительных сведений, которые,

возможно, имели целью скрыть использование Клапротом перевода Титсинга [Klaproth, 1832, P. I-VI].

В 1804–1810 гг. Клапрот работал в Императорской Петербургской Академии наук и за это время совершил две исследовательские поездки в Сибирь и на Кавказ. В предисловии к переводу Клапрот пишет, что заполучил оригинал «Сангоку цуран дзусэцу» в 1805 г. во время своего пребывания в Иркутске. Там же, по его словам, он консультировался по поводу непонятных ему мест в тексте сочинения с японцем по имени Синдзо, взявшим после крещения имя Николая Колотыгина²³. Наиболее ценным в трактате, по мнению Клапрота, является описание земель «Эдзо», но и его Клапрот дополнил сведениями из двух других трудов об Эдзо, изданных в 1720 и 1752 гг., которые, согласно его словам, он также изучал во время пребывания в Иркутске.

Такое обилие книг об «Эдзо» в Иркутске в 1805 г. удивляет. Вероятность того, что там был экземпляр «Сангоку цуран дзусэцу», действительно есть – им мог быть именно преподнесённый Академии наук Штуцером «Сангоку цуран дзусэцу». О.П. Петрова предполагает, что японец Синдзо мог выпросить некоторые книги в библиотеке Академии и увезти их в Иркутск [Петрова, 1970, С. 55–56]. Однако то, что в Иркутске было ещё два сочинения об Эдзо, уже сомнительно. Интересно, что среди трудов И. Титсинга есть «Описание земли Эдзо», которое представляет собой перевод на французский язык двух японских сочинений об Эдзо, даты создания которых полностью совпадают с приведёнными Клапротом – 1720 и 1752 гг. [Титсинг, 1814]. Маловероятно, что одни и те же три сочинения Титсинг привёз из Японии в Европу, а Клапрот обнаружил в Иркутске. Существуют также сведения, что именно через Абель-Ремюза текст «Сангоку цуран дзусэцу» вместе с голландским переводом Титсинга попал в руки Клапрота [Siebold, 1859, P. 4–5]. Всё это указывает на то, что Клапрот, возможно, хотел скрыть факт использования им перевода Титсинга, тем более что он был невысокого мнения о лингвистических способностях последнего, как видно из его предисловия к переводу Титсинга [Titsingh, 1834, P. II]. Кроме того, не следует исключать вероятность того, что экземпляр Штуцера был вывезен в Европу из Санкт-Петербурга именно Ю. Клапротом.

Отметим, что первое издание этого сочинения состояло из одной книги и пяти приложенных к ней карт.

№ 30. Перевод книги одного известного немецкого анатома по имени Кульмус; называется «Анатомические таблицы Кульмуса». Эта книга была сначала переведена на голландский, и поскольку японцы не понимают никакого другого языка кроме голландского, все их переводы сделаны с книг на этом языке. Следующие книги, попавшие мне, все переведены на японский. «Хирургия» со множеством рисунков Гейстера (известный немецкий хирург). Книга известного Бухана (англичанина). «Детские болезни» известного Розена де Розенштайна (шведа). И ещё другие, на которые мне указывали, но не сообщили имен авторов.

В данном пункте речь идёт, очевидно, о «Новой книге об анатомии» (яп. «Кайтай синсё» 解体新書), переведённом на японский язык труде немецкого анатома И.А. Кульмуса (1689–

²³ Синдзо входил в состав экипажа судна Дайкокуя Кодаю, потерпевшего в 1782 г. крушение у Алеутских островов и попавшего в Россию. В отличие от Кодаю, Синдзо принял православие и решил остаться в России, став преподавателем в школе японского языка в Иркутске.

1745) «Анатомические таблицы», который впервые был издан в 1725 г., а в голландском переводе – в 1732 г. Сугита Гэмпаку в своей книге 1815 г. «Начала голландоведения» (яп. «*Рангаку котохадзимэ*» 蘭学事始) связывает с публикацией японского перевода этой книги в 1774 г. начало голландских наук в Японии. Эта книга фигурирует во всех каталогах XIX в.: у Буссе «Анатомические таблицы тела человека с переводом с голландского языка», у Липовцева и Каменского – «Анатомия с немецкого на японский язык переведённая с фигурами частей тела человеческого. В 4, хорошего издания пять книг в одном томе», у Броссе – «Учебник анатомии перевод. с голландского 1774». Однако на данный момент в коллекции ИВР РАН эта книга не обнаружена. Первое издание этого сочинения состояло из пяти томов.

№ 32. Эта карта пожара в Мияко показывает с помощью мест, обозначенных красным цветом, что всё, что находится внутри красных линий, было охвачено огнём. Ниже следует небольшой отрывок из моего дневника, касающийся этого ужасного пожара. Я привёз эту карту лично из Мияко, куда я прибыл спустя девять дней после пожара, но мы остановились в пригороде под названием Фусими, а не в городе, потому что все дома были уничтожены, однако благодаря большой высоте нашего жилища мы смогли увидеть жалкие останки этого прекрасного города. Лишённые домов люди были расселены в хижинах и палатках.

Идентифицировать данную карту не составило большого труда, благодаря точным указаниям Штуцера на отметки района пожара. Это «Большая иллюстрированная карта столицы и окрестностей» под шифром хранения С-321 (яп. «*Кё:то ракутю: ракугай ооэдзу*» 京都洛中洛外大絵図).

Итак, коллекция японских книг и карт доктора И.А. Штуцера включала в себя шесть книг (в общей сложности из 12 томов) и десяти карт (пять – отдельные издания, пять – приложения к «Сангоку цуран дзусэцу»). Четыре из шести книг содержали ценные для европейцев сведения о Японии того времени (о флоре, фауне, одежде и географии) и, очевидно, имели спрос у современников Штуцера – примечательно, что ни одна из них не сохранилась в собрании ИВР РАН. Две другие, напротив, отражали интерес японцев конца XVIII в. к Европе – из них сохранилась лишь одна. Из присланных Штуцером карт к настоящему моменту в ИВР РАН сохранились четыре отдельных издания.

Место нахождения остальных предметов, не сохранившихся в Азиатском музее и не поступивших в Этнографический музей, в настоящее время нам неизвестно.

Из числа зафиксированных в описи коллекции МАЭ № 677 некоторая часть предметов также была утрачена в разное время. Так, к описи коллекции МАЭ № 1116 (сборная коллекция японских, китайских, монгольских, туркестанских предметов, полученных по обмену от купца Е.И. Александера в 1907 г.) приложена копия письма-запроса в Историко-Филологическое Отделение Императорской Академии Наук от 14 мая 1907 г. от имени Директора МАЭ, но составленное Б.Ф. Адлером: «В китайском отделе вверенного мне Музея имеется пара ветхих мраморных этажерок, сделанных в Японии по европейскому образцу и несколько дублетов медальонов с изображениями М. Лютера, Фридриха В. и т.д. Все вещи не представляют этнографической ценности. В настоящее время имеется возможность приобрести в обмен за названные предметы ряд ценных и нужных Музею китайских ваз и костяных предметов. В виду этого я покорнейше прошу Отделение разрешить мне

вступить с владельцем предметов г-ном Александером в переговоры относительно обмена» [Опись МАЭ № 1116, л. 2].

Есть утраты и других единиц хранения, составляющих части составных предметов. Как уже упоминалось, на настоящий момент сохранилось только две акупунктурные иглы. Утрачены некоторые декоративные детали оправы мечей (ножей) *танто*; 2 короба из первого ящика с фигурками насекомых и крышка к нему; возможно, утрачены и некоторые медицинские сигары *мокса*. Как уже говорилось выше, одна из подозрных труб относится к коллекции МАЭ № 681.

В целом, в результате проведенного исследования предметного и состава коллекции и её документального сопровождения, были выявлены все предметы из коллекции И.А. Штуцера, хранящиеся в настоящий момент в МАЭ РАН, состав коллекции отражает следующая таблица:

Предметы из коллекции И. А. Штуцера, находящиеся ныне в собрании МАЭ РАН

№	Номер по описи коллекции МАЭ № 677	Краткое название предмета / группы предметов	Кол-во единиц хранения
1	МАЭ №677-8	Плакетка лаковая «Вид Санкт-Петербурга между Зимним дворцом и Академией Наук».	1
2	МАЭ №677-9	Плакетка лаковая «Портрет короля Франции Людовика XV на коне»	1
3	МАЭ №677-10/3	Плакетка лаковая «Портрет короля Пруссии Фридриха II Великого»	1
4	МАЭ №677-11	Плакетка «Портрет короля Швеции Густава Адольфа».	1
5	МАЭ №677-12/2	Плакетка лаковая «Портрет доктора М. Лютера»	1
6	МАЭ №677-13	Нож <i>танто</i> с ножнами	2
7	МАЭ №677-14	Нож <i>танто</i> с ножнами	2
8	МАЭ №677-15	Поднос лаковый, декоративный (<i>кадзаримоно</i>)	1
9	МАЭ №677-16	Поднос лаковый, декоративный (<i>кадзаримоно</i>)	1
10	МАЭ №677-17	Макет паланкина	1
11	МАЭ №677-18	«Мединская коробочка» (<i>инро</i>)	1
12	МАЭ №677-19	Форма (матрица) для литья (резной камень), с изображением змеи	1
13	МАЭ №677-20	Каменная форма для литья, с изображением дракона	1
14	МАЭ №677-21	Форма (матрица) для литья (резной камень), с изображением цветов ипомеи	1
15	МАЭ №677-22	Форма (матрица) для литья (резной камень), с изображением винограда	1
16	МАЭ №677-23	Форма (матрица) для литья (резной камень), с изображением хризантемы	1
17	МАЭ №677-24	Форма (матрица) для литья (резной камень), с изображением хризантемы	1

18	МАЭ №677-25	Форма (матрица) для литья (резной камень), с изображением пиона	1
19	МАЭ №677-26	Коробка с медицинскими сигарами <i>мокса</i>	48
20	МАЭ №677-27	Коробка с медицинскими сигарами <i>мокса</i>	29
21	МАЭ №677-28	Футляр (<i>харибакко</i> 鍼箱) с акупунктурными иглами	5
22	МАЭ №677-29	Палочка японской туши	1
23	МАЭ №677-30	Картина в паспарту «Вид Киёмидзу-дэра»	1
24	МАЭ №677-31/1-7	Шесть подозрных труб и футляр для одной из них	7
25	МАЭ №677-32/1-126	Три ящичка с фигурками насекомых	126
26	МАЭ №677-61/1-161	Пачка прозрачной бумаги из водорослей для окон (различного цвета)	161
27	МАЭ № 681-60	Подзорная труба (сохранившаяся её часть)	1

Таким образом, на настоящий момент предметы из коллекции Штуцера, хранящиеся в МАЭ РАН, представлены в описи МАЭ № 677 (26 номеров и 399 единиц хранения) и описи МАЭ № 681 (1 номер, 1 единица хранения). Возможно, дальнейшие исследования позволят скорректировать число единиц хранения, а также выявить и другие предметы из этой уникальной коллекции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белков П.Л. Очерки истории ранних океанийских коллекций МАЭ. СПб: МАЭ РАН, 2015. 428 с.

Броссе М.Ф. Catalogue des livres et manuscrits chinois, mandchous, polyglottes, japonais, et coréens de la bibliothèque du Musée Asiatique de l'Académie Imp. des Sciences. SPb., 1840 [Рукопись хранится в Отделе рукописей и документов ИВР РАН].

Буссе И. Рапорт Библиотекаря Академии наук Ивана Буссе от 9-го января 1795 г. со списком («росписью») «разных из Японии привезённых вещей», «с отметками, какие из оных по оригинальному реестру получены, каких не достаёт, коих совсем не доставлено». СПФ АРАН, Фонд 3. Опись 8. Ед. хр. 45. Л. 6.

Буссе И. «Роспись вещам, присланным Ея Императорскому Величеству из Японии от доктора S.» СПФ АРАН, Фонд 3. Опись 8. Ед. хр. 45. Л. 7–8.

Буссе И. Catalogus librum Sinicorum, Manshuicorum, Japonicorum nec non Mongolicorum, Tibeticorumque in Imperiali Petropolitana bibliotheca qui usfervatus Petropoli IV Julius – September 1798. Архив востоковедов, разряд 1, оп. 1, № 140. Л. 23.

Ионова Ю.В. Японская миниатюрная скульптура – нэцкэ (по материалам собрания МАЭ им. Петра Великого АН СССР) // Культура и быт народов стран Тихого и Индийского океанов. Сборник МАЭ. Т. XXIII М.; Л.: Наука, 1966. С. 182–222.

Каменский П., Липовцев С. Каталог китайским и японским книгам в библиотеке Имп. Академии, хранящимся, по поручению господина президента оной академии Сергея Семеновича Уварова, вновь сделанной Государственной коллегии иностранных дел переводчиками коллежскими ассессорами Павлом Каменским и Степаном Липовцевым. СПб.: [б. и.], 1818. 57 с.

Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах. Ч. 1. СПб.: Морская типография, 1809. 388 с.

Крузенитерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах. Ч. 2. СПб.: Морская типография, 1810. 471 с.

Ксенофонтова Р.А. Из истории ранних японских коллекций. Сборник МАЭ. Т. XXV. М., Л.: Наука, 1969. С. 280-303.

Лагус В. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. СПб: Издание Императорской Академии наук, 1890. 488 с.

Опись коллекции МАЭ № 677, 1827 г.

Опись коллекции МАЭ № 681, 1837 г.

Опись коллекции МАЭ № 1116, 1907 г.

Петрова О.П. Коллекция книг Дайкокуя Кодаяо и её значение для истории русско-японских культурных связей // История, культура, языки народов Востока. М.: Изд-во «Наука», Глав. ред. вост. лит., 1970. С. 51–58.

Роспись вещам, привезённым из Японии и присланным от доктора Штицера. СПФ АРАН, Фонд IV, Опись 1, Ед. хр. 295. Л. 1–2.

Синицын А.Ю. Иоганн Арнольд Штуцер: новые биографические сведения о собирателе японских коллекций Кунсткамеры XVIII в. // Материалы Восточноазиатских и Юго-Восточноазиатских исследований. Кюнеровский сборник, Выпуск 7. Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение. СПб: МАЭ РАН, 2013. С. 227–234.

Штуцер И.А. Оригинальная опись собирателя, на французском языке. СПФ АРАН, фонд 1, опись 2-1795. Приложения к протоколам заседаний АН за январь 1795 г. Параграф 4, л. 3–6.

Штуцер И.А. Extrait de mon Diaire tenu sur le voyage pour la Cour, en allant pour Jedo, regardant la grande incendie de Miaco. СПФ АРАН, фонд 1, опись 2-1795, ед. хр. 1., параграф 4, л. 7.

Штуцер И.А. Description de Moxa et de la cure des épingles nommée Acupuncture. СПФ АРАН, фонд 1, опись 2-1795, ед. хр. 1., параграф 4, л. 2.

Щепкин В.В. Нагасаки ни кагиранай: кинсэй Нихон котэнсэки га Росиа ни вататта кэйи ни цуитэ. [Не только Нагасаки: об обстоятельствах поступления японских книг в Россию в период Эдо] // Токио: То:кё: дайгаку сирё: хэнсандзё кэнкю: киё: [Учёные записки Историографического института Токийского университета], 2019. №29. С. 226–239.

Abel-Rémusat M. Description d'un groupe d'iles peu connu et situé entre le Japon et les iles Mariannes // Nouveaux Mélanges Asiatique, ou recueil de morceaux de critique et de memoires relatives aux religions, aux sciences, aux coutumes, a l'histoire et a la géographie des nations orientales. Т. 1. Paris, 1829. P. 153–157.

Klaproth J. Description des iles Lieou-Khieou, extraite de plusieurs ouvrages chinois et japonois // Nouvelles Annales des voyages, de la géographie et de l'histoire. Т. XXI. Paris, 1824. P. 289–316.

Klaproth J. San kokf tsou ran to sets, ou Aperçu général des trois royaumes, traduit de l'original japonais-chinois, par Mr. J. Klaproth. Paris: Printed for the Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland. Sold by John Murray [usw.] 1832. VI, 228 p.

Kress E., Kress H. An Intro by Koma Koryu presented in 1794 to Empress Catherine the Great of Russia // Andon. Leiden, Society for Japanese Arts, 2011. № 91. P. 5-24.

Michel W. A Naturalist Lost – C.P. Thunberg's Disciple Johan Arnold Stutzer (1763-1821) in the East Indies // *Japanese Collections in European Museums / Josef Kreiner (ed.) Vol. III: Regional Studies 2.* Bonn: Bier'sche Verlagsanglast, 2015. P. 147-163.

Pedersen Merete. Catalogue of Japanese Manuscripts and Rare Books. Merete Pedersen. The Royal Library, Copenhagen, Denmark. Catalogue of Oriental Manuscripts, Xylographs, etc. in Danish Collections (COMDC). Vol. 10.1. Copenhagen: Nordic Institute of Asian Studies, 2015. 446 p.

Screech Timon. Secret Memoirs of the Shoguns. Isaac Titsingh and Japan, 1779-1822. Routledge, 2006. 265 p.

Siebold P.F. Geographical and ethnographical elucidations to the discoveries of Maerten Gerrits Vries, commander of the flute *Castricum*, A.D. 1643, in the east and north of Japan: to serve as a mariner's guide in the navigation of the east coast of Japan, and to Jezo, Krafto, and the Kurils / translated from the Dutch by F. M. Cowan. Amsterdam – London, 1859. 186 p.

Sinitsyn A. The Earliest Japanese Collections (18th c.) in the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg // *Japanese Collections in European Museums / Josef Kreiner (ed.) Vol. III: Regional Studies 2.* Bonn, Bier'sche Verlagsanglast, 2015. P. 139-146.

Titsingh I. Description de la Terre Iesso, traduites du Japonais par feu M. Titsingh, ambassadeur hollandais au Japon // *Annales des Voyages, de la géographie et de l'histoire.* T. XXIV. Paris, 1814. P. 145-213.

Titsingh I. Nipon O Daï Itsi Ran, ou Annales des Empereurs du Japon, traduites par M. Isaac Titsingh avec l'aide de plusieurs interprètes attachés au comptoir Hollandais de Nangasaki. Paris, London, 1834. P. II. 8+36+460 p.

Viallé C., Blussé L. The Deshima Dagregisters. Their Original Table of Contents. Volume IX. 1780-1790. *Intercontinenta* № 2. Leiden: Institute for the History of European Expansion. 1996. 898 p.

REFERENCES

Abel-Rémusat, M. (1829). Description d'un groupe d'iles peu connu et situé entre le Japon et les iles Mariannes, in *Nouveaux Mélanges Asiatique, ou recueil de morceaux de critique et de memoires relatives aux religions, aux sciences, aux coutumes, a l'histoire et a la géographie des nations orientales*, Vol. 1, Paris: 153–157. (In French).

Belkov, P.L. (2015). Ocherki istorii rannikh okeaniyskikh kollektsiy MAE [Essays of the MAE RAS Early Oceanic Collections History], St. Petersburg: MAE RAS. (In Russian).

Brosset, M.F. (1840). Catalogue des livres et manuscrits chinois, mandchous, polyglottes, japonais, et coréens de la bibliothèque du Musée Asiatique de l'Academie Imp. des Sciences [Manuscript preserved at the Department of Manuscripts and Documents of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences], Saint Petersburg. (In French).

Busse, I. *Catalogus librum Sinicorum, Manshuicorum, Japonicorum nec non Mongolicorum, Tibeticorumque in Imperialis Petropolitanae bibliotheca qui usfernatus Petropoli IV Julius* – September 1798. Archive of Orientalists IOM RAS, Class 1. Inv. 1. Unit 140. Fol. 23. (In Latin).

Busse, I. Raport Bibliotekarya Akademii nauk Ivana Busse ot 9-go yanvary 1795 g. so spiskom («rospis'yu») «raznykh iz Yaponii privezennykh veshchey», «s otmetkami, kakiye iz onykh po original'nomu reyestru polucheny, kakikh ne dostayet, koikh sovsem ne dostavleno»

[Report by Librarian of The Academy of Sciences Ivan Busse dated Jan. 9, 1795, on the Acquisition of various Japanese Pieces”, with the attached “List of the items received, items missing and items not delivered”], SPF ARAN, Collection 3. Inv. 8. Unit. 45. Fol. 6. (In Russian).

Busse, I. «Rospis' veshcham, prislannym Eya Imperatorskomu Velichestvu iz Yaponii ot doktora S.» [List of Items delivered to Her Emperor's Majesty from Japan by Doctor S.], SPF ARAN, Collection 3. Inv. 8. Unit. 45. Fol. 7–8. (In Russian).

Ionova, Yu.V. (1966). Yaponskaya miniatyurnaya skulptura – netsuke (po materialam sobraniya MAE im. Petra Velikogo AN SSSR) [Japanese Plastic Miniatures – Netsuke (in the Collection of the Peter the Great MAE of the USSR Academy of Sciences)], *Sbornik MAE. T. XXIII* [The MAE Digest, Vol. XXIII], Moscow, Leningrad: Nauka: 182–222. (In Russian).

Kamenskii, P., Lipovtsev S. (1818). Katalog kitaiskim i yaponskim knigam v biblioteke Imp. Akademii khranyashimsya, po porucheniyu gospodina prezidenta onoi akademii Sergeya Semenovicha Uvarova, vnov' sdellannoy kollegii inostrannykh del perevodchikami kollezhskimi asessorami Pavlom Kamenskim i Stepanom Lipovtsevym [Catalogue of Chinese and Japanese books preserved at the Imperial Academy recently compiled by Pavel Kamenskii and Stepan Lipovtsev, translators and collegiate assessors of the Collegium of Foreign Affairs, as instructed by Mr. President of this Academy Sergei Semyonovich Uvarov], Saint-Petersburg. (In Russian).

Klaproth, J. (1824). Description des îles Lieou-Khieou, extraite de plusieurs ouvrages chinois et japonais, *Nouvelles Annales des voyages, de la géographie et de l'histoire*, Vol. 21, Paris: 289–316. (In French).

Klaproth, J. (1832). San kokf tsou ran to sets, ou Aperçu général des trois royaumes, traduit de l'original japonais-chinois, par Mr. J. Klaproth, Paris: Printed for the Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland. Sold by John Murray [usw.], VI. (In French).

Kress, E., Kress, H. (2011). An Intro by Koma Koryu presented in 1794 to Empress Catherine the Great of Russia, in *Andon. Leiden, Society for Japanese Arts*, 91: 5–24.

Krusenstern, I.F. (1809). Puteshestviye vokrug sveta v 1803, 1804, 1805 i 1806 godah [The Voyage around the World in 1803, 1804, 1805, and 1806], Vol. 1, Saint Petersburg: Morskaya tipografiya. (In Russian).

Krusenstern, I.F. (1810). Puteshestviye vokrug sveta v 1803, 1804, 1805 i 1806 godah [The Voyage around the World in 1803, 1804, 1805, and 1806], Vol. 2, Saint Petersburg: Morskaya tipografiya. (In Russian).

Ksenofontova, R.A. (1969). Iz istorii rannikh yaponskikh kollektсий [On the Early MAE Japanese Collections History], *Sbornik MAE. T. XXV* [The MAE Digest, Vol. 25], Moscow, Leningrad: Nauka: 280–303. (In Russian).

Lagus, V. (1890). Erik Laksman, ego zhizn', puteshestviya, issledovaniya i pereziska [Erik Laksman, His Life, Travels, Research Work and Correspondence], St. Petersburg: Izdaniye Imperatorskoy Akademii nauk [Published by the Emperor's Academy of Sciences]. (In Russian).

Michel, W. (2015). A Naturalist Lost – C.P. Thunberg's Disciple Johan Arnold Stutzer (1763–1821) in the East Indies, in Josef Kreiner (ed.), *Japanese Collections in European Museums*, Vol. III: Regional Studies 2, Bonn: Bier'sche Verlagsanglast: 147–163.

Opis' kollektсий MAE № 677, 1827 [Museum Inventory MAE No 677, Year 1827]. (In Russian).

Opis' kollektсий MAE № 681, 1837 [Museum Inventory MAE No 681, Year 1837]. (In Russian).

Opis' kollektsii MAE № 1116, 1907 [Museum Inventory MAE No 1116, Year 1907]. (In Russian).

Pedersen, Merete (2015). Catalogue of Japanese Manuscripts and Rare Books. Merete Pedersen. The Royal Library, Copenhagen, Denmark. Catalogue of Oriental Manuscripts, Xylographs, etc. in Danish Collections (COMDC), Vol. 10.1, Copenhagen: Nordic Institute of Asian Studies.

Petrova, O.P. (1970). Kolleksiya knig Daikokuya Kodayu i ee znachenie dlya istorii russko-yaponskikh kulturnykh svyazey [Daikokuya Kodayu's collection of books and its significance for the history of Russia-Japan cultural relations], *Istoriya, kultura, yazyki narodov Vostoka* [History, culture, and languages of the peoples of the East], Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury: 51-58. (In Russian).

Rospis' veshcham, privezennym iz Yaponii i prislannym ot doktora Shtitsera [Description of items brought from Japan and sent by Dr. Stutzer], SPF ARAN, Collection IV, Paragraph 1, Item 295, Fol. 1–2. (In Russian).

Screech, Timon (2006). Secret Memoirs of the Shoguns. Isaac Titsingh and Japan, 1779–1822, Routledge.

Shchepkin, V.V. (2019). Nagasaki ni kagiranai : kinsei Nihon kotenseki ga Roshia ni watatta kei'i ni tsuite. [Not just Nagasaki: Some Data on the Circumstances of Acquisitions of Japanese Books for Russia in the Edo Period], *Tokyo daigaku shiryō hensanjo kenkyū kiyō* [Research Annual of the Historiographical Institute of the University of Tokyo], No. 29, Tokyo: 226-239. (In Japanese).

Siebold, P.F. (1859). Geographical and ethnographical elucidations to the discoveries of Maerten Gerrits Vries, commander of the flute Castricum, A.D. 1643, in the east and north of Japan: to serve as a mariner's guide in the navigation of the east coast of Japan, and to Jezo, Krafto, and the Kurils, translated from the Dutch by F.M.Cowan, Amsterdam – London.

Sinitsyn, A.Yu. (2013). Iogann Arnol'd Stutzer: novyye biograficheskiye svedeniya o sobiratele yaponskikh kollektsiy Kunstkamery XVIII v. [Johan Arnold Stutzer: New Biographic Data on a Collector of Japanese Pieces for the MAE], in *Materialy Vostochnoaziatskikh i Yugo-Vostochnoaziatskikh issledovaniy. Kyunerovskiy sbornik, Vypusk 7* [East and South-East Asian Ethnographic Studies. The Kyunerovskiy Digest, Issue 7], St. Petersburg: MAE RAS: 227–234. (In Russian).

Sinitsyn, A. (2015). The Earliest Japanese Collections (18th c.) in the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, in Josef Kreiner (ed.), *Japanese Collections in European Museums*, Vol. III: Regional Studies 2, Bonn, Bier'sche Verlagsanglast: 139–146.

Stutzer, J.A. Description de Moxa et de la cure des épingles nommée Acupuncture. SPF ARAN, Foundation 1. Inv. 2-1795. Unit. 1. Paragraph 4, Fol. 2. (In French).

Stutzer, J.A. Extrait de mon Diaire tenu sur le voyage pour la Cour, en allant pour Jedo, regardant la grande incendie de Miaco. SPF ARAN, Collection 1. Inv. 2-1795. Unit. 1. Paragraph 4. Fol.7. (In French).

Stutzer, J.A. [Original Inventory List, in the French Language. Applications to the Minutes of the Conferences of the Academy of Sciences in January 1795]. SPF ARAN, Collection 1. Inv. 2-1795. Section 4, Fol. 3–6. (In Russian).

Titsingh, I. (1814). Description de la Terre Iesso, traduites du Japonais par feu M. Titsingh, ambassadeur hollandais au Japon, *Annales des Voyages, de la géographie et de l'histoire*, Vol. XXIV, Paris: 145–213. (In French).

Titsingh, I. (1834). Nipon O Daï Itsi Ran, ou Annales des Empereurs du Japon, traduites par M. Isaac Titsingh avec l'aide de plusieurs interprètes attachés au comptoir Hollandais de Nangasaki, Paris, London, P. II. (In French).

Viallé, C., Blussé, L. (1996). The Deshima Dagregisters. Their Original Table of Contents. Volume IX. 1780–1790. *Intercontinenta* № 2, Leiden: Institute for the History of European Expansion.

Список сокращений

МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.

ИВР РАН – Институт восточных рукописей Российской академии наук.

СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

Поступила в редакцию 16.06.2019

Received 16 June 2019

Для цитирования: Сеницын А.Ю., Щепкин В.В. Японская коллекция доктора И.А. Штуцера (1763–1821) в собраниях МАЭ РАН и ИВР РАН: предметный состав (по архивным и музейным документам) // Японские исследования. 2020. № 2. С. 6–31. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10009

For citation: Sinitsyn A.Yu., Shchepkin V.V. (2020). Yaponskaya kolleksiya doktora I.A. Shtutsera (1763–1821) v sobraniyakh MAE RAN i IVR RAN: predmetnyy sostav (po arkhivnym i muzeynym dokumentam) [Japanese items, books and maps from Johan A. Stützer (1763–1821) at MAE RAS and IOM RAS collections (in the light of archival and museum documents)], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2020, 2: 6–31. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10009

Японские исследования. 2020. № 2. С. 32–45.

Japanese Studies in Russia, 2020, 2, pp. 32–45.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10010

Принудительные стерилизации в Японии: изучая Канагавские префектуральные архивы

А.Б. Оганесян

Аннотация. С 1948 по 1996 г. в Японии действовал Закон о евгенической защите, который разрешал аборты по разным обстоятельствам, а также добровольные и принудительные евгенические стерилизации. За время действия закона около 16 500 человек были стерилизованы против своей воли. Начиная с 2018 года несколько жертв подали в суд на государство, требуя извинений и компенсаций. В результате общественного резонанса, связанного с судебными процессами, большинство префектур стали открывать архивные документы по стерилизациям, давая возможность исследователям и журналистам узнать о жертвах и исполнителях стерилизаций, об их мотивах и т.д.

Данная статья содержит краткий очерк истории евгенических мероприятий в Японии и рассматривает причины принудительных стерилизаций на материалах, содержащихся в архиве префектуры Канагава. В префектуре Канагава было выполнено 462 принудительные операции, 269 из которых – на людях, страдающих негенетическими психическими заболеваниями и умственной отсталостью.

Как показывают источники, основными мотивами для стерилизаций служили неспособность человека заботиться о себе или о потомках, а также предупреждение беременности в случае сексуальных домогательств. Документы также показывают, что хотя закон базировался на евгенических принципах, генетика редко являлась решающим фактором для стерилизаций. Комиссии также не задавались вопросом о том, как предотвращать сексуальные домогательства, выбирая предупреждение беременности в качестве решения проблемы.

В статье также рассматривается вопрос о том, почему евгенический закон был принят в послевоенной Японии, где права человека гарантировались конституцией и чем объяснялась его необходимость. Необходимость стерилизаций часто обосновывалась дискурсом об «отрицательном отборе» японской нации, а Министерство юстиции интерпретировало закон таким образом, что если операции выполняются во имя общественного благополучия, то они не противоречат конституции Японии.

Ключевые слова: Япония, евгеника, Закон о евгенической защите, принудительные стерилизации, префектура Канагава, репродуктивные права.

Автор: Оганесян Астхик Бабкеновна, PhD, старший преподаватель, Российско-Армянский университет (адрес: РА, 0051, Ереван, ул. Овсепя Эмина 123), приглашённый исследователь, Международный центр по изучению японской культуры (Нитибункэн) (адрес: Япония, 610-1102 Киото, Нисикё-ку, Горё Оэяма-тё 3-2). E-mail: astghik.hovhannisyanyan@rau.am

Involuntary sterilizations in Japan: Learning from Kanagawa Prefectural Archives

A.B. Hovhannisyan

Abstract. Starting from January 2018, a number of people sued the Japanese government over forced sterilization under the Eugenic Protection Law (1948 to 1996), under which about 16,500 people were involuntarily sterilized, demanding apologies and compensation. Public outcry resulting from lawsuits prompted prefectures and municipalities to release documents concerning sterilizations, enabling researchers and journalists to investigate this page in the history of postwar Japan.

This paper, along with giving a brief introduction to the history of eugenics in Japan and the Eugenic Protection Law, aims to understand how sterilizations were rationalized, using archival materials of Kanagawa Prefecture. A total of 462 involuntary sterilizations were implemented in Kanagawa, among which 296 on people having non-hereditary mental illness or intellectual disability. Sterilization applications and records of the Eugenic Protection Commission meetings reveal that sterilizations were often justified by 1) the alleged protection of people who lacked the ability to care for themselves and their offspring, 2) preventing pregnancy in the case of sexual harassment. Documents also demonstrate that, although the law was a eugenic one, social factors rather than genetics were essential in determining subjects of sterilization. Commissions also were not concerned with the fact that sterilization would only prevent pregnancy, but not sexual harassment or rape.

This article also tries to explain why a eugenic law was enacted in postwar Japan, and how it was rationalized. As Matsubara (1998) and others have demonstrated, the fear of “reverse selection” was often used to rationalize unethical sterilizations. Additionally, the Ministry of Justice established that if sterilizations were performed for the “public good”, they would not go against the constitution.

Keywords: Japan, Eugenics, the Eugenic Protection Law, involuntary sterilizations, Kanagawa prefecture, reproductive rights.

Author: *Hovhannisyan Astghik B.*, PhD, senior lecturer, Russian-Armenian University (address: 123 Hovsep Emin Str., Yerevan, 0051, Armenia), visiting research scholar, International Research Center for Japanese Studies (Nichibunken) (address: 3-2 Goryo Oeyama-cho, Nishikyo-ku, Kyoto, 610-1102, Japan). E-mail: astghik.hovhannisyan@rau.am

Введение

С 1948 по 1996 г. в Японии действовал Закон о евгенической защите, который сделал возможным аборт по разным обстоятельствам, а также добровольные и принудительные стерилизации. За время существования закона около 16 500 человек были стерилизованы против своей воли.

Хотя закон был отменён в 1996 г., до недавнего времени тема евгенических стерилизаций редко получала общественный резонанс и документы, свидетельствующие о мотивациях этих стерилизаций, не были доступны. Однако судебные процессы, начавшиеся в 2018 г., сделали возможным исследование архивных материалов, связанных с этими операциями.

Цели данного исследования состоят в следующем: 1) представить краткий очерк истории евгеники в Японии; 2) ознакомить с Законом о евгенической защите; 3) показать, как и при каких обстоятельствах были выполнены стерилизации, опираясь на архивные материалы префектуры Канагава; 4) предоставить некоторые возможные ответы на вопрос, почему

принудительные стерилизации были легализованы в поствоенный период, когда японская конституция гарантировала права человека.

Истории евгеники в Японии посвящено несколько работ. Судзуки (1983) был первым исследователем, представившим краткую историю этой науки в Японии. Фудзино (1998), Йокояма (2015) и Otsubo (1998) исследовали евгеническую мысль в предвоенной Японии и принятие Национального евгенического закона (1940). Мещеряков (2012), рассматривая процессы изменений восприятий телесности и «национализации» тела, дал обзор существовавших в довоенной Японии евгенических программ. Что касается евгеники в послевоенной Японии, то эта проблематика обсуждается в работе Мацубара (1998), в которой исследуются исторические условия создания Закона о евгенической защите. Тосимицу (2016) провела интервью с несколькими жертвами принудительных стерилизаций и проанализировала дискурс, который использовался для рационализации этих операций.

Евгеника в Японии

Термин «евгеника» впервые использовал Фрэнсис Гальтон (1822–1911), английский антрополог и географ, в 1883 году в работе «Исследование человеческих возможностей». Согласно Гальтону, евгеника – это наука, целью которой является улучшение физических и интеллектуальных качеств будущих поколений [Galton, 1904]. Различались два вида евгеники – позитивная и негативная. Целью позитивной евгеники являлось поощрение размножения людей с «хорошими генами», а негативная евгеника стремилась предотвратить продолжение рода людей с «плохой наследственностью» [Levine, 2017, p. 7]. Примерами позитивной евгеники являются «конкурсы лучших семей» (Fitter family contests) в США, евгенические брачные консультации и т.д. Примерами негативной евгеники являются законы о стерилизации, которые в XX в. существовали во многих странах, в том числе в Германии, США, Швеции, Японии и др.

В начале XX в. евгеника превратилась во влиятельное движение, найдя сторонников во многих странах мира и среди людей разных политических взглядов, которые считали, что евгеника может стать решением таких проблем, как бедность и перенаселение. Евгеника вызвала определённый интерес и в России, где в 1920 г. было создано Русское евгеническое общество и с 1922 по 1930 г. издавался «Русский евгенический журнал». Однако евгеника, придававшая особое значение генетике и улучшению «природных способностей», подверглась жёсткой критике в СССР, где она стала называться «буржуазной» или «фашистской» наукой [Krementsov, 2010].

Первые упоминания о евгенике или «науке об улучшении расы»¹ появились в Японии в конце XIX века. Ученик известного мыслителя Фукудзава Юкити (1835–1901) Такахаси Ёсио (1861–1937) в 1884 г. издал книгу под названием «Нихон дзинсю кайрёрон» («Теория о усовершенствовании японской расы»), где он предложил поощрять браки между японцами и европейцами (в основном англосаксами) как метод улучшения японской расы. Фукудзава сам тоже нередко писал о «теории о усовершенствовании расы», чтобы поощрять размножение здоровых людей (Фудзино, 1998, с. 374–381).

¹ Сейчас японский эквивалент слова «евгеника» это *ю:сэйгаку*, однако до 1920-х годов в обороте были разные термины, например *дзинсю кайдзэнгаку* (наука об улучшении расы), *дзинсю кайрёрон* (теория об улучшении расы) и т.д.

В начале XX в. евгеника стала известна в определённых кругах, и переводы статей с европейских языков часто появлялись, в частности, в журнале «Дзинсэй» («Природа человека», 1905–1918) издаваемом врачом Фудзикава Ю: в 1920-х годах были созданы первые евгенические общества и начали издаваться журналы «Ю:сэйгаку» («Евгеника», 1924–1943) и «Ю:сэй ундо:» («Евгеническое движение», 1926–1930). В этих журналах обсуждались такие темы, как генетика, контрацепция, планирование семьи, контроль численности населения, сексуальное поведение человека. Хотя эти журналы не имели широкого распространения, они стали платформой для обсуждения идей «улучшения» наследственных свойств человека и способствовали популяризации евгеники. В 1920-х годах известная феминистка Хирацука Райтё (1886–1971) предложила законопроект, который запрещал мужчинам с венерическими заболеваниями вступать в брак, утверждая, что венерические заболевания наносят огромный ущерб обществу и нации. Законопроект не был принят, но это предложение считается первой попыткой принятия евгенического закона в Японии.

С конца 1920-х годов также существовали разные организации, занимавшиеся популяризацией евгенических браков, евгенические брачные консультации (например, офис евгенической брачной консультации открылся в 1933 г. в универмаге «Сиракия»), были организованы выставки «брачной гигиены» (так, в 1933 г. такую вставку организовали Японская ассоциация расовой гигиены и японский Красный Крест).

В 1933 г. в Германии был принят Закон о предотвращении рождения потомства с наследственными заболеваниями, что стало поводом для дискуссий о необходимости принятия подобного закона и в Японии. В 1934 г. в парламент был представлен законопроект о евгенических стерилизациях, но принять закон удалось только в 1940 г. Против законопроекта были выдвинуты разные возражения. Некоторые генетики высказывали беспокойство в связи с тем, что наследственность человека недостаточно изучена, и стерилизация вряд ли привела бы к «улучшению расы» [Yamazaki, 2014, p. 24]. Против законодательства выступали также некоторые националисты, которые считали, что лишение права продолжать род противоречит идеологии «семья-нация», т.е. объединяющей нацию националистической идеологии, представляющей японскую нацию большой единой семьей, главой которой является император [Otsubo, 2013, p. 76, Мещеряков, 2012, с. 345].

В 1940 г. после долгих обсуждений был принят Национальный евгенический закон целью которого было «улучшение качеств нации посредством предотвращения размножения людей со склонностью к зловердным наследственным заболеваниям, и поощрение размножения людей со здоровыми качествами». Закон преследовал две цели: 1) увеличение численности здорового населения и 2) уменьшение количества людей с генетическими и другими заболеваниями. В это время правительство проводило политику увеличения рождаемости. Следует отметить, что рост населения был приоритетом для Японии ещё с эпохи Мэйдзи, так как считалось, что численность населения напрямую связана с экономической и военной мощью страны. В 1930-х годах деторождение активно поощрялось государством, аборт были запрещены.

Статья 3 Национального евгенического закона касалась евгенических операций (стерилизаций). В частности, было указано, что «если человек страдает одним из нижеперечисленных заболеваний, а медицинская экспертиза подтверждает, что есть опасение, что заболевание может передаваться будущим поколениям, данный человек может быть

подвергнут евгенической операции». Среди заболеваний числились наследственные психические болезни, наследственная умственная отсталость и т.д. С 1941 по 1947 г. 538 человек подверглись стерилизации [Фудзино, 1998, с. 368] – все, по крайней мере согласно официальным документам, по собственной воле.

Закон о евгенической защите

После поражения во Второй мировой войне Япония потеряла значительную часть территории, города были разрушены в результате бомбардировок, экономика рухнула, миллионы людей голодали. Джон Дауэр в своей книге «В объятиях победителя» описывает, какие страдания пришлось испытать японцам в это время [Dower, 1999, pp. 89–104]. Миллионы японцев (как военных, так и гражданских) стали возвращаться из Манчжурии и бывших колоний, и в результате послевоенного беби-бума и репатриации в течение пяти лет население Японии увеличилось на 11 млн человек, что вызвало дискуссию о перенаселённости страны [Norgren, 2001, p. 37]. Многочисленные несчастные случаи, связанные с нелегальными абортами, повлияли на дискурс о легализации абортов.

Поражение в войне стало причиной беспокойства некоторых политиков и евгеников о «деградации» японского народа. Часто звучала риторика, что «лучшие» японцы погибли на войне, а многие «непригодные», которые остались в живых, размножаются большими темпами, что приводит к «деградации» или к «отрицательному отбору». В связи с этим зазвучали голоса о необходимости принятия мер для предотвращения «деградации» и повышения «качества» японской нации [Мацубара, 1998]. Как отмечает социолог Итинокава Ясутака, хотя евгеника часто ассоциируется с войной, на самом деле она нередко процветает в послевоенных условиях, как это произошло и в Японии после 1945 г., и во многих государствах Европы после Первой мировой войны [Итинокава, Татэива, 1998, с. 259].

Страх перед перенаселением и «отрицательным отбором», нежелание женщин иметь много детей из-за плохих экономических условий привели к тому, что возникла необходимость изменения закона о криминализации абортов и национальной евгеники.

В 1947 г. депутаты Социалистической партии Ота Тэнрэй (1900–1985), Като (Исимото) Сидзуэ (1897–2001) и Фукуда Масако (1912–1975) представили законопроект о евгенической защите в нижнюю палату парламента Японии. Целью законопроекта была «защита материнского здоровья и жизни, предотвращение рождения потомства низкого качества, что должно способствовать построению культурной нации» [Ота, 1967, с. 322]. В проекте было три главных положения: 1) легализация абортов, 2) евгенические операции, и 3) контрацепция.

Законопроект социалистов в каком-то отношении ужесточал Национальный евгенический закон, допустив стерилизацию людей, страдающих такими негенетическими болезнями как болезнь Хансена (проказа).

Может вызвать удивление тот факт, что именно социалисты представили такой законопроект, однако следует отметить, что в первой половине XX в. евгеника была дисциплиной, которой интересовались люди самых разных политических взглядов. Социалисты часто не соглашались с чрезмерным упором евгеники на генетику и природные качества, подчеркивая важность условий социализации, но, тем не менее, считали, что

«осознанное размножение» необходимо для решения многих социальных задач². Норгрен также задаёт вопрос, почему такой прогрессивный пункт, как легализация абортотв мог сосуществовать с репрессивным пунктом о евгенических стерилизациях (Norgren, 2001), однако авторы законопроекта не видели здесь противоречия. Ота Тэнрэй отмечал, что оба пункта вели к одной цели, т.е. к улучшению качества японской нации, и потому оказались в одном законопроекте [Ота, 1967, с. 164].

Социалистам не удалось добиться принятия закона сразу, однако депутат верхней палаты, гинеколог Танигути Ясабуру (1883–1963)³, предложил им внести ряд изменений в законопроект и ещё раз представить его в парламент. Авторы согласились, и в 1948 г. изменённый законопроект был представлен и принят без долгих обсуждений. Напомним, что в предвоенное время потребовалось около шести лет для принятия Национального евгенического закона, а в послевоенный период аналогичный закон был принят с невероятной легкостью, несмотря на наличие спорных пунктов, касавшихся прав человека. Японские газеты почти ничего не писали о новом законе, а американская оккупационная администрация хотя и отмечала проблематичные пункты в законе, решила не вмешиваться во внутренние дела страны [Toyoda, 2015, p. 60].

В отличие от Национального евгенического закона новый закон был принят в то время, когда главным направлением демографической политики было сокращение населения. Закон легализовал аборты при наличии болезни, физической немощи, беременности в результате изнасилования, а с 1949 г. – также по экономическим причинам (Статья 14). Легализация абортов привела к тому, что женщины смогли контролировать количество детей в семье, и при недостатке доступа к контрацепции аборт часто являлся единственным способом планирования семьи. Закон также позволял проводить добровольные и принудительные евгенические операции (стерилизации) людей, страдающих рядом генетических и других заболеваний (Статья 3, Статья 4 и 12). Статья 3 разрешала добровольные стерилизации. Статья 4 гласила, что в случаях, когда врач в результате обследования приходит к выводу, что пациент страдает одним из генетических заболеваний, перечисленных в списке, он может обратиться к комиссиям евгенической защиты с просьбой предоставить разрешение на принудительную стерилизацию. В список входили такие болезни как наследственная шизофрения, биполярное расстройство, гемофилия, болезнь Хантингтона и т.д. Согласно Статье 12 разрешалась принудительная стерилизация людей с негенетическими психиатрическими заболеваниями и умственной отсталостью. Этот пункт был добавлен в 1952 г. Причины добавления данного пункта в закон именно в это время неизвестны, но можно предполагать, что это было связано с окончанием военной оккупации Японии, поскольку оккупационные войска имели опасения насчет Закона о евгенической защите, особенно относительно списка «генетических» заболеваний и требовали его пересмотра [Мацубара, 1998, Toyoda, 2015], так что окончание оккупации, возможно, позволило японским парламентариям внести эти изменения.

² Например, социалист и сторонник планирования семьи Мадзима Кан утверждал, что размножение душевнобольных и некоторых других людей было невыгодно для общества в целом (Мадзима, 1946, с. 16). Социалист Сэги Кэн, критикуя буржуазную и капиталистическую евгенику, тем не менее не исключал возможности «социалистической евгеники» (Сэги, 1934).

³ Танигути в предвоенные годы занимался демографической политикой, однако в отличие от послевоенного времени, он пытался не контролировать, а поощрять прибавление потомства.

Принудительные стерилизации: изучая Канагавские префектуральные архивы

Согласно данным Министерства здравоохранения и благосостояния, около 25 000 человек подверглись принудительным стерилизациям в послевоенной Японии, 16 500 из которых – по Статьям 4 и 12. Остальные, например, люди страдающие болезнью Хансена, якобы дали своё согласие, однако известно, что стерилизация часто была условием для заключения брака и эти пациенты были вынуждены подписать документы о согласии.

Далее будут обсуждаться принудительные стерилизации в Японии, причём особое внимание мы будем уделять префектуре Канагава. Дело в том, что эта префектура раньше остальных открыла документы по стерилизациям. В архивах сохранилась информация о комиссиях евгенической защиты, которые рассматривали заявления о стерилизации, а также протоколы заседаний комиссий. Архивы содержат следующие документы: 1) заявления о стерилизации, 2) списки участников (членов комиссии) заседания, 3) сведения о семейной истории пациента, 4) документы о согласии родственников, 5) справки о состоянии здоровья, 6) результаты обследований (нынешнее состояние, история болезней, информация о семье и т.д.) и 7) решения комиссий.

В заявлениях указаны: адрес пациента, имя, возраст (имена и даты рождений вычеркнуты) и пол, причина заявления на стерилизацию (болезнь, например, «умственная отсталость»), имя и адрес заявителя (врача). Комиссии состояли из 10-ти членов, среди которых были врачи, учёные, социальные работники, судьи и т.д. [Канагава-кэн. Ю:сэй хого..., 1968]. В течение одного заседания рассматривались несколько заявлений.

Статистика Министерства здравоохранения, труда и благосостояния, а также цифры, предоставленные префектурами⁴, показывают, что 16 475 человек были прооперированы против своей воли, среди которых самое большое число случаев приходится на Хоккайдо – 2593 операций, (2512 по Статье 4 и 81 по Статье 12) и префектуру Мияги – 1406 операций (1355 по Статье 4 и 51 по Статье 12). В префектуре Канагава было выполнено 462 принудительные стерилизации. Однако эта префектура уникальна тем, что здесь 269 операций были выполнены по Статье 12, и это самое большое число в стране [Кю: ю:сэй хогохо:...]. Причиной этого может являться тот факт, что префектура покрывала все расходы, связанные с операцией. Дело в том, что стерилизации «генетически» больных (Статья 4) полностью оплачивались государством, о чём говорится в Статье 11 закона, а в случае негенетических заболеваний (Статья 12) – расходы частично или полностью оплачивали семьи. Префектура Канагава, пытаясь поощрять евгенические операции, в 1956 г. приняла положение, по которому полностью оплачивала расходы по Статье 12, что и могло привести к росту операций [Канагава-кэн. Ю:сэй сюдзюцу хиё:... , 1956].

Около 70 % оперированных во всей стране были женщинами. В префектуре Канагава 386 прооперированных были женщинами, а 76 – мужчинами. Психиатр Мацубара Таро пишет, что родители часто возражали, если операции касались мальчиков [Мацубара, 1954, с. 363], а в случае девочек возражений было меньше. Самой молодой пациентке было всего 9 лет.

⁴ Отметим, что префектуральная статистика часто не совпадает с министерской.

Большинство оперированных имели психические заболевания и умственную отсталость [Ито, Маруи, 1993, с. 41], но документы показывают, что причиной для операций часто была не наследственность заболевания, а такие факторы, как способность обеспечивать семью и воспитывать детей, сексуальность пациента и т.д. Например, в одном из заявлений написано, что пациент (женщина), страдает умственной отсталостью (IQ 21), не может считать, писать и читать, а также заниматься домашними делами. Муж тоже страдает умственной отсталостью, и семья получает государственное пособие. У них двое детей, но так как женщина не способна воспитывать детей, этим занимается муж. В данный момент она беременна третьим ребенком, и так как семья не способна содержать детей, рекомендуется стерилизовать женщину. То есть причиной для стерилизации является не боязнь передачи заболевания по наследству, а неспособность данного индивида вести каждодневные дела.

Также в заявлениях зачастую писали, что операция поможет контролировать сексуальное поведение пациента и предотвращать сексуальные домогательства и изнасилования. Например, в случае мужчины с умственной отсталостью отмечается, что он проявляет сильный интерес к противоположенному полу, дважды пытался сексуально домогаться несовершеннолетних, одной из которых было 3 года, так что он представляет опасность для общества. Таким образом, необходимость стерилизации этого человека объясняется его поведением, но не объясняется, как стерилизация, которая лишает возможности завести потомство, но не влияет на половые функции или поведение, может помочь предотвратить дальнейшие домогательства.

Примером необходимости стерилизации, основанной на поведении пациента, является случай женщины, страдающей шизофренией, которая в психиатрическом учреждении демонстрирует обнаженное тело мужчинам, садится к незнакомым людям в грузовик и т.д. У неё чрезвычайно сильный интерес к противоположенному полу, есть угроза забеременеть, чего опасаются её родители и желают стерилизации. В случае другой женщины, у которой IQ 32, тоже отмечено, что она интересуется мужчинами, тайно целуется в учреждении, занимается эксгибиционизмом. В заявлении отмечается, что она не в состоянии создать полноценную семью и воспитывать детей, и поэтому является кандидатом на стерилизацию. В этих случаях членов комиссий тоже не волнует вопрос, что стерилизация имеет отношение только к предотвращению беременности, но не к поведению этих женщин.

Если в случаях, описанных выше, активность пациента является причиной для стерилизации, то в других случаях таковой является пассивность и чрезвычайная доверчивость. Аргументы в пользу стерилизаций для «защиты» самого пациента наблюдаются в ряде документов. Например, в случае девушки с тяжёлой умственной отсталостью написано, что она не разговаривает и не понимает других, не опасается незнакомых, так что она может легко оказаться в трудном положении, а если родит ребенка, заботиться о нём не сможет. Поэтому для «защиты» пациентки нужна стерилизация. В другом заявлении сказано, что у девушки с синдромом Дауна отсутствует критическое мышление, она не опасается незнакомых людей и может легко стать жертвой домогательств, поэтому рекомендуется сделать ей стерилизацию. В этих случаях тоже не обсуждается вопрос о том, что стерилизация не может защищать пациента от домогательств, и только будет предотвращать беременность [Канагава-кэн. Ю:сэй хого..., 1962; Канагава-кэн. Ю:сэй хого..., 1970].

Какие выводы мы можем сделать, исходя из этих документов? Во-первых, операция всегда оправдывается тем, что она проводится для защиты и благополучия общества и самого

пациента. Во-вторых, неспособность пациентов вести домашние дела и воспитывать детей играет большую роль в мотивациях стерилизаций. В-третьих, хотя закон является евгеническим, генетика редко является решающим фактором.

Добавим, что умственное развитие измерялось IQ-тестом, и пациенты, имевшие коэффициент ниже 70, считались умственно отсталыми. Такие методы измерения интеллекта часто негативно влияли на людей из неблагополучных семей. Например, Иидзука Дзюнко (псевдоним) была из неблагополучной семьи, помогала семье по дому и не могла регулярно посещать школу, а когда её заставили пройти IQ-тест, то ей поставили диагноз «лёгкая умственная отсталость» и лишили возможности иметь детей. Получается, что стерилизация в данном случае была обусловлена прежде всего социальными обстоятельствами.

Вызывают вопросы критерии определения наследственности психических заболеваний и умственной отсталости. Эти критерии не были чётко определены, и хотя во время исследований изучали семейную историю, их точность подлежит сомнению. Например, в случае Сато Юми, подавшей в суд на государство, в заявлении на операцию было написано «наследственная умственная отсталость», однако позже, когда она оказалась в медицинском учреждении, в медицинской карте её состояние было описано как «не наследственное»⁵.

Большинство операций были проведены в 1950-х и 1960-х годах, то есть именно в период, когда Япония не имела достаточно средств на здравоохранение, а жизненный уровень населения был относительно невысок. С 1970-х годов число операций резко уменьшилось, что связано не только с более благополучной экономической ситуацией, но и с ростом таких общественных движений, как феминистическое движение и движение за права инвалидов.

Как рационализировались евгенические операции

Хотя евгенические операции редко проводились после 1970-х, Закон о евгенической защите действовал до 1996 г. Закон отменили из-за международной критики, которая последовала после выступления Асака Ю:хо (активистки движения за права инвалидов) на Международной конференции по населению и развитию в Каире в 1994 г. После отмены закона некоторые защитники прав инвалидов потребовали расследования и компенсаций, но получили ответ, что операции были проведены законно [Итинокава, 1998].

Почему евгенические стерилизации были узаконены в послевоенный период и как они рационализировались? Ещё в довоенный период в Японии часто встречался тезис об «отрицательном отборе», согласно которому люди с «хорошими» качествами оставили мало потомства, а с «нежелательными» характеристиками – много, что приводило к «деградации» нации [Мацубара, 1998, с. 125–133]. В довоенный период проблему «отрицательного отбора» пытались решить посредством запрета аборт и контрацепции, но в послевоенный период, в связи с опасениями по поводу перенаселенности Японии аборты узаконили, но не забыли при этом про евгенические программы. Танигути Ясабуру, один из инициаторов закона, представляя законопроект в парламенте на заседании 22 июня 1948 г., утверждал, что люди «низкого качества» оставляют слишком много потомства, число душевно больных и умственно

⁵ Автор получила информацию от Сато Митико, жены брата Юми, во время встречи с представителями Министерства здравоохранения, труда и благосостояния 23 января 2018 г.

отсталых возросло, и принятие закона необходимо для предотвращения «отрицательного отбора».

Вопрос о противоречии между принудительными стерилизациями и демократической конституцией был решён с помощью вольной интерпретации закона. Так, в сентябре 1949 г. Министерство здравоохранения и благосостояния обратилось за мнением в Министерство юстиции по двум вопросам. Первый вопрос касался того, не могут ли быть принудительные стерилизации нарушением прав человека, а второй касался допустимых мер насилия в случае отказа пациента от операции. В октябре того же года от Министерства юстиции пришёл следующий ответ.

Закон о евгенической защите (...) предусматривает добровольные стерилизации, т.е. операции с согласия пациента и его супруга (Статья 3), и недобровольные стерилизации, т.е. такие, на которых согласие не требуется (Статья 4). В случае последних, даже если согласие отсутствует, операцию можно делать против воли данного человека (...).

Допустимыми мерами насилия, (...) но только в случае необходимости, могут быть физическое воздействие, анестезия, обман и т.д.

Само собой разумеется, что вышеперечисленные меры ограничивают права человека. Однако цель закона о евгенической защите касается общественного благополучия (...) и если врач считает, что стерилизация данного человека необходима для общественного благополучия, то операция никак не может считаться противоречащей конституции [Хо:муфу 1949, с. 325–330].

Таким образом, Министерство юстиции дало «зелёный свет» на ограничения репродуктивных прав людей, которые могли произвести неполноценное потомство.

Заключение

С 1948 по 1996 г. в Японии существовал закон о евгенической защите, за время действия которого около 16 500 человек были стерилизованы против своей воли. Документы Министерства здравоохранения, труда и благосостояния, а также Канагавы и других префектур предоставляют информацию о жертвах стерилизаций, о заболеваниях, мотивациях стерилизаций и т.д. Документы показывают, что принудительные стерилизации оправдывались во имя «общественного благополучия» и для предотвращения «отрицательного отбора».

Закон о евгенической защите был практически забыт на долгие годы, но в январе 2018 г. Сато Юми (псевдоним) из префектуры Мияги подала в суд на государство, требуя компенсацию и извинений. После этого некоторые другие жертвы решили поступить так же, и в данный момент 19 человек, включая супругов жертв, судятся с государством. Общественный резонанс, вызванный судебными процессами, способствовал тому, что префектуры открыли архивы стерилизаций и в скором будущем можно будет узнать более полную картину произошедшего.

В апреле 2019 г. японский парламент принял закон о компенсациях жертвам, в котором, однако, ответственность государства не прописана чётко. В мае 2019 г. Сэндайский суд провозгласил Закон о евгенической защите антиконституционным, но отказал в компенсациях по искам Сато Юми и Иидзука Дзюнко. Жертвы и их сторонники продолжают бороться,

требуя изменения формулировки закона о компенсациях и признания ответственности государства. Пропагандируя свои идеи, они стараются вызвать общественный диалог о репродуктивных правах разных социальных групп, чтобы история с евгеническими стерилизациями не стала забытой страницей в истории Японии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ёкояма Такаси. Нихон га ю:сэй сякай ни нару мадэ: кагаку кэймо:, медиа, сэйсёку но сэйдзи : [Перед тем, как Япония стала евгенической страной: научное просвещение, медиа и политика репродукции]. Токио: Кэйсо сёбо, 2015.

Итинокава Ясутака, Татэива Синья. Сёгайся ундэ: кара миэтекуру моно : [Чему учит движение инвалидов] // Гэндайсисо. 1998. No 2. с. 258–285.

Итинокава Ясутака. Омэй ни мамирэта хитобито : [Люди погрязшие в бесчестии] // Мисудзу. 1998. No. 40-8. с. 14–22.

Ито Хирото, Маруи Эйдзи. Фуниин сюдзюцу но ю:сэйгакутэки текиё: но суии то мондайтэн: сэйсин сё:гайся э но текиё: о тю:син ни ситэ : [Применение евгенических стерилизаций и их проблемы: применение стерилизаций по отношению к людям с психическими расстройствами] // Миндзокуэйсэй. 1993. No. 59 (1). с. 37–44.

Канагава-кэн. Ю:сэй сюдзюцу хиё: ходзё косоку : [Правила субсидирования евгенических операций. Префектура Канагава], 1956.

Канагава-кэн. Ю:сэй хого сингаикай кироку: [Записи заседаний комиссии евгенической защиты. Префектура Канагава], 1970.

Канагава-кэн. Ю:сэй хого синсакай иин но нинмэйгаэ ни цуитэ: [Об изменении состава комиссии евгенической защиты. Префектура Канагава], 1968.

Канагава-кэн. Ю:сэй хого синсакай канкэйтэй [Комиссии евгенической защиты. Префектура Канагава], 1962.

Кю: ю:сэй хогохо: ни кансуру тё:са кэкка ни цуитэ : [О результатах исследований, связанных с бывшим Законом о евгенической защите]. URL: <https://www.pref.kanagawa.jp/docs/nf5/prs/r7590471.html> (дата обращения: 16.06.2019).

Мадзима Кан. Ко:фуку нару фу:фу: сандзи тёсэцу но кагаку : [Счастливые супруги: наука контроля рождаемости]. Токио: «Синпуся», 1946.

Мацубара Йоко. Нихон ни океру ю:сэй сэйсаку но кэйсэй: кокумин ю:сэйхо то ю:сэй хогохо но кэнто : [Формирование евгенической политики в Японии: Национальный евгенический закон и Закон о евгенической защите]. Кандидатская диссертация: Женский университет Отяномидзу, 1998.

Мацубара Таро. Сэйсин эйсэй но дзиссай: Токуни хо:мон сидо: но тамэ ни : [О ментальной гигиене: особенно для посещающих врачей]. Канадзава: «Мацубара Аикукай», 1954.

Мешеряков Александр. Статья японцем. Москва: «Эксмо». 2012.

Ота Тэнрэй. Датай кинси то ю:сэй хогохо: : [Запрет абортотв и Закон о евгенической защите]. Токио: «Кэйэйся кагаку кёкай», 1967.

Судзуки Дзэндзи. Нихон но ю:сэйгаку : [Евгеника в Японии]. Токио: «Санкё сюппан». 1983.

Сэги Кэн. Ю:сэйгаку ни цуйтэ : [О евгенике] // Юйбуцурон кенкю. 1934. No. 6. с. 55–71.

Танигути Ясабуру, Фукуда Масако. Ю:сэйхогохо: кайсэцу : [Объяснение закона о евгенической защите]. Токио: «Кэнсинся», 1948.

Тосимицу Кэйко. Сэнго Нихон ни окэру дзэсэй сёгайся э но кёсэйтэки на фунин сюдзюцу : [Принудительные стерилизации женщин инвалидов в послевоенной Японии]. Киото: «Исследовательский центр Ars Vivendi, Университет Рицумэйкан». 2016.

Фудзино Ютака. Нихон фасизму то ю:сэй сисо: : [Японский фашизм и евгеника]. Киото: «Камогава сюппан», 1998.

Хо:муфу. Кёсэй ю:сэй сюдзюцу дзисси но сюдан ни цуите : [Министерство юстиции. О проведении и средствах принудительных евгенических операций] // Хому со:сай икэн нэнпо : [Годовой отчёт министра юстиции]. 1949. No. 2. с. 325–330.

Ю:сэй хогохо: га окасита цуми: Кодомо о моцукото о убаварэта хитобито но сёгэн: [Чем грешен закон о евгенической защите: свидетельства людей лишенных права иметь детей]. Токио: «Гендай сёкан», 2003.

Dower John. Embracing Defeat: Japan in the Wake of World War II. W W Norton & Co Inc. New York, 1999.

Galton Francis. Eugenics: Its Definition, Scope, and Aims// The American Journal of Sociology. 1904. No. 10-1. URL: <http://galton.org/essays/1900-1911/galton-1904-am-journ-soc-eugenics-scope-aims.htm> (accessed: 10 Feb 2019).

Krementsov Nikolai. Eugenics in Russia and the Soviet Union// Alison Bashford, Philippa Levine (eds.). The Oxford Handbook of the History of Eugenics. Oxford University Press, 2010. pp. 413–429.

Levine Philippa. Eugenics: A Very Short Introduction. Oxford University Press. Oxford, 2017.

Norgren Tiana. Abortion Before Birth Control: The Politics of Reproduction in Postwar Japan. Princeton University Press. Princeton, 2001.

Otsubo Sumiko. Emperor, Family, and Modernity: The Passage of the 1940 National Eugenics Law// Masato Kimura and Tosh Minohara (eds.). Tumultuous Decade: Empire, Society, and Diplomacy in 1930s Japan. Toronto: University of Toronto Press, 2013.

Otsubo Sumiko. Engendering Eugenics: Feminists and Marriage Restriction Legislation in the 1920s// Barbara Molony, Kathleen Uno (eds.). Gendering Modern Japanese History. Harvard East Asian Monographs 251, 2005.

Otsubo Sumiko. Eugenics in Imperial Japan: Some Ironies of Modernity, 1883–1945. Doctoral Dissertation: The Ohio State University, 1998.

Toyoda Maho. State, Sterilization, and Reproductive Rights: Japan as Occupier and Occupied // Christine de Matos and Mark Caprio (eds). Japan as the Occupier and the Occupied. Palgrave. New York, 2015. pp. 45–64.

Yamazaki Kiyoko. The Birth of Genetics and Eugenics // In Karen Schaffner (ed.). Eugenics in Japan. Kyushu University Press. Fukuoka, 2014.

REFERENCES

Dower, John (1999). Embracing Defeat: Japan in the Wake of World War II, New York: WW Norton & Co Inc.

Fujino, Yutaka (1998). Nihon fashizumu to yūseishisō [Japanese Fascism and Eugenics], Kyoto: Kamogawashuppan. (In Japanese).

Galton, Francis (1904). Eugenics: Its Definition, Scope, and Aims, *The American Journal of Sociology*, 10 (1), URL: <http://galton.org/essays/1900-1911/galton-1904-am-journ-soc-eugenics-scope-aims.htm> (accessed: 10 February 2019).

Hōmu sōsai iken nenpō. (1949). Kyōsei yū sei shujutsu jisshi no shudan ni tsuite [On the Conduction and Means of Forced Eugenic Operations], *Hōmu sōsai iken nenpō*, 2: 325–330.

Ichinokawa, Yasutaka (1998). Omei ni mamireta hitobito [People Tainted with Dishonor], *Misuzu*, 40 (8): 14–22. (In Japanese).

Ichinokawa, Yasutaka and Tateiwa, Shinya (1998). Shōgaisha undo kara mietekuru mono [What is Revealed Through the Disabled Persons' Movement], *Gendai shisō*, 26 (2): 258–285. (In Japanese).

Ito, Hiroto and Marui, Eiji. (1993). Funin shujutsu no yūseigakuteki tekiyō no suii to mondaiten: Seishin shōgaisha e no tekiyō o chūshin to shite [The Experience of Eugenic Sterilization in Japan: An Involuntary Solution to the Mentally Ill], *Minzoku eisei*, 59 (1): 37–44. (In Japanese).

Kanagawa Prefectural Archives. (1956). Yūsei shujutsu hiyō hojo kisoku [Rules on Subsidizing Expenses of Eugenic Operations]. (In Japanese).

Kanagawa Prefectural Archives. (1962). Yūsei hogo shinsakai kankeitei [Eugenic Protection Deliberative Assemblies], 30-7-2-715. (In Japanese).

Kanagawa Prefectural Archives. (1968). Yūsei hogo shinsakaiin no ninmeigae ni tsuite [Regarding Changes in the Eugenic Protection Commission]. (In Japanese).

Kanagawa Prefectural Archives. (1970). Yūsei hogo shinsa gikai kiroku [Records of Eugenic Protection Deliberative Assemblies], BS56–52. (In Japanese).

Krementsov, Nikolai (2010). Eugenics in Russia and the Soviet Union, in Alison Bashford, Philippa Levine (eds.), *The Oxford Handbook of the History of Eugenics*, Oxford University Press: 413–429.

Kyū yūsei hogohō ni kansuru chōsa kekka ni tsuite [On the results of research concerning the former Eugenic Protection Law], URL: <https://www.pref.kanagawa.jp/docs/nf5/prs/r7590471.html> (accessed: 16 June 2019). (In Japanese).

Levine, Philippa (2017). *Eugenics: A Very Short Introduction*, New York: Oxford University Press.

Majima, Kan (1946). Kōfuku naru fūfu: sanji chōsetsu no kagaku [Happy couples: The Science of Birth Control], Tokyo: Shinpūsha. (In Japanese).

Matsubara, Tarō (1954). Seishineisei no jissai: Tokuni hōmon shidō no tameni [Realities of Mental Health: Especially for Visiting Physicians], Kanazawa: Matsubara aiikukai. (In Japanese).

Matsubara, Yōko (1998). Nihon ni okeru yūsei seisaku no keisei: kokumin yūseihō to yūsei hogohō no kentō [Formation of Eugenic Policies in Japan: An Examination of the National Eugenics Law and the Eugenic Protection Law], Doctoral dissertation: Ochanomizu Women's University. (In Japanese).

Mescheryakov, Alexander (2012). Stat' yapontsem [Becoming Japanese], Moscow: Eksmo. (In Russian).

Norgren, Tiana (2001). *Abortion before Birth Control: The Politics of Reproduction in Postwar Japan*, Princeton: Princeton University Press.

Ōta, Tenrei (1967). Datai kinshi to yūsei hogohō [Prohibition of Abortion and the Eugenic Protection Law], Tokyo: Keieisha kagaku kyōkai. (In Japanese).

Otsubo, Sumiko (1998). *Eugenics in Imperial Japan: Some Ironies of Modernity, 1883–1945*, Doctoral Dissertation: The Ohio State University.

Otsubo, Sumiko (2005). *Engendering Eugenics: Feminists and Marriage Restriction Legislation in the 1920s*, in Barbara Molony, Kathleen Uno (eds.), *Gendering Modern Japanese History*, Harvard East Asian Monographs 251.

Otsubo, Sumiko (2013). *Emperor, Family, and Modernity: The Passage of the 1940 National Eugenics Law*, in Masato Kimura and Tosh Minohara (eds.), *Tumultuous Decade: Empire, Society, and Diplomacy in 1930s Japan*, Toronto: University of Toronto Press: 69–100.

Segi, Ken (1934). *Yūseigaku ni tsuite [On Eugenics]*, *Yuibutsuron kenkyū* 6: 55–71. (In Japanese).

Suzuki, Zenji (1983). *Nihon no yūseigaku [Eugenics in Japan]*, Tokyo: Sankyo shuppan. (In Japanese).

Taniguchi, Yasaburō and Fukuda, Masako. (1948). *Yūsei hogohō kaisetsu [An Explanation of the Eugenic Protection Law]*, Tokyo: Kenshinsha. (In Japanese).

Toshimitsu, Keiko (2016). *Sengo Nihon ni okeru josei shōgaisha e no kyōseiteki na funin shujutsu [Forced Sterilizations of Disabled Women in Postwar Japan]*, Kyoto: Research Centre of Ars Vivendi, Ritsumeikan University. (In Japanese).

Toyoda, Maho (2015). *State, Sterilization, and Reproductive Rights: Japan as Occupier and Occupied*, in Christine de Matos and Mark Caprio (eds.), *Japan as the Occupier and the Occupied*, New York: Palgrave: 45–64.

Yamazaki, Kiyoko. (2014). *The Birth of Genetics and Eugenics*, in Karen Schaffner (ed.), *Eugenics in Japan*, Fukuoka: Kyushu University Press.

Yokoyama, Takashi (2015). *Nihon ga yūsei shakai ni naru made: kagaku keimō, media, seishoku no seiji [Before Japan Became a Eugenic Nation: Scientific Enlightenment, Media, and the Politics of Reproduction]*, Tokyo: Keiso shobo. (In Japanese).

Yūsei hogohō ga okashita tsumi: Kodomo wo motsu koto wo ubawareta hitobito no shogen [The Guilt of the Eugenic Protection Law: The Testimonies of People Deprived of the Right to Have Children]. (2003). Tokyo: Gendai shokan. (In Japanese).

Поступила в редакцию 02.08.2019

Received 2 August 2019

Для цитирования: Оганесян А.Б. Принудительные стерилизации в Японии: изучая Канагавские префектуральные архивы // Японские исследования. 2020. № 2. С. 32–45. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10010

For citation: Hovhannisyán A.B. (2020). *Prinuditel'nyye sterilizatsii v Yaponii: izuchaya Kanagavskiye prefektural'nyye arkhivy [Involuntary sterilizations in Japan: Learning from Kanagawa Prefectural Archives]*, *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2020, 2: 32–45. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10010

Японские исследования. 2020. № 2. С. 46–62.

Japanese Studies in Russia, 2020, 2, pp. 46–62.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10011

Кони Закона, всадники судьбы: мотив верховой езды в японской части «Собрания стародавних повестей»

Н.Н. Трубникова, М.С. Коляда

Аннотация. В статье рассмотрены рассказы о конях и всадниках из «Собрания стародавних повестей» («*Кондзяку моногатари-сю:*», 1120-е годы). В японской части собрания верховая езда служит одним из сквозных мотивов, объединяющих рассказы на буддийские и мирские темы. Можно выделить шесть основных контекстов, в которых обсуждается эта тема. 1) Чудесный или просто необычный конь принадлежит человеку с особой судьбой, с задатками правителя, хотя и не всегда эти задатки удаётся раскрыть. 2) Конь сопутствует человеку не только в дурных делах, таких как охота и война, но и в добрых, например, помогает найти святое место для будущего храма. 3) Страсть к лошадям может толкнуть человека на преступление, но кто умеет с нею совладать, тому сопутствует успех. 4) Искусство верховой езды может ввести и наездника, и зрителя в своего рода «опьянение» сродни безумию, и против него бессилён даже строгий церемониал соревнований; впрочем, порой люди и из поражения на состязаниях извлекают для себя выгоду. 5) Встреча конного и пешего на дороге – непростой случай с точки зрения этикета, и нередко в таких случаях люди невольно раскрывают, как на самом деле относятся к ближним. 6) Родиться конём – незавидная участь, коль скоро лошади, как и прочие животные, страдают тяжелее, чем люди, но близость к человеку позволяет коню услышать слова буддийских наставлений и обрести лучшее рождение. Человеческая привязанность к лошадям оказывается благотворной для лошадей, для их будущей судьбы по закону воздаяния, а значит, и людям позволяет помочь животным. Так связи между рассказами в «*Кондзяку*» не просто работают на целостность повествования, но и выражают главную мысль книги: всеобщая связь событий в мире устроена так, что обыденная жизнь задаёт условия для того, чтобы двигаться к освобождению и милосердно заботиться о ближних.

Ключевые слова: культура Японии, японская литература, буддизм, рассказы сэцува, «Собрание стародавних повестей», лошади, верховая езда.

Авторы:

Трубникова Надежда Николаевна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Школа актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (адрес: 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82); профессор, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, 1). ORCID: 0000-0001-6784-1793; E-mail: trubnikovann@mail.ru

Коляда Мария Сергеевна, научный сотрудник, Школа актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (адрес: 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82). E-mail: warriormary@yandex.ru

Dharma Horses and Karma of Equestrian: Horseback Riding Motif in *Konjaku monogatari shū* (*Honchō* Part)

N.N. Trubnikova, M.S. Kolyada

Abstract. The article discusses the stories about horses and riders from *Konjaku monogatari shū* (1120s). In the *Honchō* part of the collection, horseback riding is one of the cross-cutting motives uniting stories on Buddhist and secular themes. There are six main contexts in which this topic is discussed. 1) A wonderful or simply unusual horse belongs to a person with a special fate, with the features of a ruler, although it is not always possible to reveal these features. 2) A horse accompanies a person not only in bad deeds, such as hunting and war, but also in good ones, for example, helps to find a sacred place for a temple. 3) Passion for horses can push a person to crime, but one who knows how to cope with it succeeds. 4) The art of riding can introduce both the rider and the spectator into a kind of “intoxication”, *yoi*, akin to madness, and even strict competition ceremonial is powerless against it; however, sometimes people benefit even from their defeat in competitions. 5) The meeting of a horseman and a pedestrian on the road is a difficult case in terms of etiquette, and often in such cases people unwittingly reveal how they really relate to their fellows. 6) To be born a horse is an unenviable fate, since horses, like other animals, suffer harder than people, but being close to a human allows a horse to hear the words of Buddhist teachings and acquire a better rebirth. Human attachment to horses turns out to be beneficial for horses and for their future fate according to the law of retribution, and, therefore, allows people to help animals. So the connections between the stories in *Konjaku* not only contribute to the integrity of the narrative, but also express the main idea of the book: the universal connection of events in the world is designed so that everyday life sets the conditions for moving towards liberation and mercifully caring for others.

Keywords: Japanese culture, Japanese literature, Buddhism, *setsuwa* short stories, “A Collection of Ancient Tales”, horses, horseback riding.

Authors:

Trubnikova Nadezhda N., Doctor of Sciences (Philosophy), Leading researcher, School for Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (address: 84, Vernadskogo Av., Moscow, 119571, Russian Federation); Professor, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (address: GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-6784-1793; E-mail: trubnikovann@mail.ru

Kolyada Maria S., Researcher, School for Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (address: 84, Vernadskogo Av., Moscow, 119571, Russian Federation). E-mail: warriormary@yandex.ru

Лошадь в культуре Японии – тема весьма обширная. Не пытаюсь очертить её в целом, скажем только, что обсуждают её чаще применительно или к древности (вопрос о появлении лошадей на Японских островах¹), или к традиции *синто*: (кони и всадники в мифах, кони

¹ Так, «теория всадников» связывает само возникновение государственности Ямато с вторжением с материка племени всадников, предположительно, в конце III в. или на рубеже IV–V вв. Согласно другой гипотезе, с искусством верховой езды японцы познакомились в начале V в. в пору походов на Корейский полуостров [Friday, 1992, 35]. Имеются, однако, археологические доказательства выращивания лошадей ещё в эпоху Дзёмон [Горбылев, 2003, 37]. Изображения лошадей со сбруей обнаруживаются среди глиняной погребальной скульптуры *ханива*. А многие фигурки *ханива*-воинов облачены в доспехи типа *кэйко*, характерные для кавалерии, а не пехоты [Friday, 1992, 36].

в святилищах²), или к японской воинской традиции (верховая езда как одно из искусств, необходимых воину) [Горбылёв, 2003].

О глубокой связи между конём и всадником говорится в песнях «Собрания мириад листьев» («Мангё:сю:», VIII в.)³, так или иначе о лошадях и верховой езде заходит речь в памятниках разных литературных жанров, в основном в связи с путешествиями или военными походами. В настоящей статье мы постараемся показать, как эта тема разворачивается в рассказах *сэцува* эпохи Хэйан и как она соотносится с буддийскими наставлениями.

Как и в других сборниках поучительных историй *сэцува*, в «Собрании стародавних повестей» («Кондзюку моногатари-сю:», 1120-е гг.) отдельные рассказы объединяются в целостное повествование не только общей идеей книги – скажем, неизбежностью воздаяния счастьем за добро и горем за зло, – но и мотивами, которые проходят через все разделы, задают переключку между рассказами на далёкие друг от друга темы⁴. Среди таких сквозных мотивов в «Кондзюку» – всадник и его конь, верховая езда как особая область жизни и как одна из человеческих страстей.

В отличие от более поздних сборников, составленных в эпоху Камакура, «Кондзюку» не имеет раздела, специально посвящённого всадникам (как в «Кокон тёмондзю:») или подраздела, отведённого им, как в «Сясэкисю:», где в свитке VIII-м среди примеров людской глупости появляется целая серия историй о том, как наездники не умеют управляться с лошадьми и вести себя на дороге. При этом в «Кондзюку» упоминания о всадниках, конях, путешествиях верхом очень часты; особенность этого собрания в том, что здесь интерьерные сцены (во дворце, в храмах, в усадьбах) далеко не преобладают.

Именно эту готовность рассказчиков пуститься в путь вместе с героями, глаза по сторонам, в «Кондзюку» и ценят исследователи. Картина японского быта здесь куда более многомерна и динамична, чем в большинстве книг эпохи Хэйан. Верховом в «Кондзюку» ездят знатные господа, дамы, монахи, жрецы, простые люди. Немалую часть жизни в седле проводят воины: в рассказе 25–3⁵ подробно описан конный поединок, в рассказе 25–5 мы видим конницу в походе, а в других рассказах 25-го свитка – сведения о том, как выбирали боевых коней, снаряжали их и т.п. На охоту также ездят верхом (27–34, 29–27 и др.). Не слезая с седла, герои «Кондзюку» беседуют, знакомятся, прощаются навсегда; читают (монах в рассказе 15–39), играют на барабанах и флейтах (музыканты в рассказе 28–7); на коне можно ускакать от демона, оборотня и привидения (27–13, 27–43). Связь коня и человека обусловлена делами прежних жизней; в рассказе 19–3 монах говорит службе: «Разве в прежних жизнях не рождался этот конь твоим отцом, матерью твоею, снова и снова? А ты

² В «Анналах Японии» («Нихон сёки», 720 г.) лошади – как и коровы, а также злаки и другие полезные растения – появляются из головы умершего божества Укэмоти-но ками. Конь Сусаноо-но микото упоминается в рассказе о бесчинствах этого буйного бога, а в толкованиях говорится, что пустить коня на чужое поле означало также навести порчу.

³ Например, у Фудзивара-но Фусасаки (№ 1192): «Конь совсем мой не шагает: || Верно, дома ты тоскуешь обо мне!» (пер. А.Е. Глускиной). Другие примеры – № 1191, 365.

⁴ Для публикации избранных рассказов «Кондзюку» исследователи нередко отбирают истории по тематическому принципу. Примеры подборок на темы «человек и природа», «люди и животные» см. [Konjaku, 2015; Konjaku, 2017].

⁵ Здесь и ниже в ссылках на «Кондзюку» первая цифра – номер свитка, вторая – номер рассказа в нём. Всего в собрании насчитывается 31 свиток, из них 8-й, 18-й и 21-й не сохранились. Мы пользуемся изданиями [Кондзюку 1993–1999; Кондзюку 2018 web].

думаешь: раз сейчас он тебе не отец и не мать, так можно его погонять, как тебе вздумается? <...> Из любви к тебе, к своему дитяти, принял он такое тело. Ему очень тяжело, есть хочется, увидел зелёные травы <...> – вот и не смог пройти мимо, хотел отведать – а ты его ударил! И мне, старому монаху, он был отцом и матерью неведомо сколько раз, и хоть я его почитаю – но стар я годами, вставать и садиться тяжело, <...> приходится ехать верхом. Что же, если по дороге попадутся травы и конь поест – разве должен я ему мешать, гнать вперёд?». Когда счастье изменяет воину, его подводит и навык наездника: «И лошадь его не скакала, и рука не слушалась», – как сказано о мятежнике Х в. Тайра-но Масакадо в рассказе 25–1. Гулкий стук копыт, ржанье лошадей – звуки, которые в «Кондзяку» слышны постоянно, фоном. Но есть среди рассказов и такие, где тема коня, всадника, искусства верховой езды выходит на первый план. Их мы и обсудим.

Кони правителей

Меру значимости взаимоотношений наездника с конём в «Кондзяку» задаёт рассказ 1–4 из индийской части, где появляются конь и конюший самого Будды Сякамуни (Шакьямуни). Если следовать этому преданию, то каждый всадник, кто доверяется своему коню, смотрит на него с благодарностью и сочувствием, уподобляется Будде. Для рассказчиков «Кондзяку» связь историй о всадниках с легендой о Сякамуни – один из способов показать, что обыденная жизнь – самая подходящая среда для того, чтобы пройти буддийский путь. Говоря о конях знатных особ, повествователи отсылают также к буддийскому учению о праведном правителе 輪王, *Ринно*., он же *чакравартин*, «вращатель колеса Дхармы», с его семью сокровищами, среди которых – верный конь⁶. В японской части «Кондзяку» в первом же рассказе буддийского раздела чудесный конь появляется как спутник царевича Сё:току-тайси (трад. 574–622), легендарного первого законодателя и основателя японского буддизма:

... у царевича был конь, присланный в дар из края Каи, – вороной, а все четыре ноги белые. Верхом на нём царевич как-то раз взлетел в небо, углубился в облака, полетел на восток и исчез из виду. Слуга по имени Цукаимаро шагал справа от коня царевича и тоже улетел. Все, кто видел это, смотрели в небо и ахали без конца. А царевич добрался до края Синано, облетел вокруг горы Микоси и через три дня вернулся (11–1).

Отметим, что здесь царевича, как и Будду, сопровождает конюший, и он даже назван по имени. Вообще в традиции почитания царевича Сё:току 太子信仰, *Тайси синко*., летучий конь упоминается сравнительно редко (хотя почти во всех версиях говорится, что царевич был рождён у дверей конюшни, отсюда одно из его имён – Умаядо). В «Кондзяку» на коне царевич облетает только японские земли, а в Китай путешествует иначе: «в повозке, запряжённой синими драконами, со свитой в пятьсот человек» (11–1).

Царевич едет верхом и тогда, когда встречает у дороги голодного нищего. Этот эпизод входит в большинство версий предания о Сё:току, но в «Анналах Японии» не сказано, как именно путешествовал царевич, а в «Японских легендах о чудесах» («*Нихон рё:ики*», VIII–

⁶ А также колесница, слон, советник, полководец, супруга и драгоценный венец. В «Кондзяку» в рассказах из времён Будды индийский колесничий превращается в конюшего – ближнего слугу, который ведёт коня, когда господин путешествует верхом.

IX вв.) его несут в паланкине. В «*Кондзяку*» же сказано так: «Конь царевича запнулся и встал. Царевич спешился, побеседовал с голодным, снял своё багряное платье, укрыл его...». Тем самым чудесный конь служит ещё и помощником в делах милосердия. «В день кончины [царевича] вороной конь громко ржал, не пил воды, не щипал травы и пал»; тогда же исчезает священная книга, за которой Сё:току летал в Китай.

Примечательно, кто оказывается следующим чудо-всадником древних времён. В том же 11-м свитке говорится, что у Фудзивара-но Хироцугу (ум. 740) был «конь-дракон; он мог летать по небу <...>. Хироцугу садился на этого коня, за час долетал до государева дворца [в Нара] и за час возвращался в Западные земли [на остров Кюсю]» (11–6). Главный герой этого рассказа – монах Гэмбо: (ум. 746), который много лет провёл в Китае, а по возвращении забрал в свои руки непомерную власть при японском дворе. Хироцугу собирает войско, восстает против Гэмбо: и терпит поражение. «Тогда Хироцугу выехал на берег моря на коне-драконе и поплыл по волнам в сторону Кореи. Взлететь, как раньше, конь-дракон не смог. Тут Хироцугу понял: увы, войско моё полегло! – вместе с конём ушёл под воду и погиб⁷.» После смерти мятежный Хироцугу возвращается как призрак (уже без коня) и убивает Гэмбо:, взлетев с ним в воздух и сбросив с высоты. Отметим, что летучий конь может оказаться и на стороне защитников государева закона и Закона Будды, и на стороне бунтовщиков, точно так же, как, например, древесные божества в том же 11-м свитке то помогают строить храмы, то мешают. Подобная неоднозначность чудес в целом характерна для «*Кондзяку*».

Другой наездник из рода Фудзивара появится в свитке 22-м, с которого начинается мирской раздел японской части «*Кондзяку*». В этом свитке вначале рассказано о Каматари, основателе рода Фудзивара, затем перечислены первые поколения рода (Хироцугу, правнук Каматари, не упомянут), а далее следует рассказ о талантливом и добродетельном министре Фудзивара-но Утимаро: (756–812), праправнуке Каматари.

Когда этот министр был ещё молод, среди принцев был Осабэ-но мия [756–812], сын государя Сиракабэ [Ко:нин, прав. 770–781]. Этот человек имел яростное сердце и внушал людям страх.

А был в то время один норовистый конь. Кто пытался его оседлать, того он непременно затапывал. Так что никто не решался на нём ездить.

И вот однажды принц Осабэ приказал Утимаро: оседлать этого коня. Люди пришли в ужас, увидев, как Утимаро: седлает его, говорили:

– Конь точно затапчет Утимаро:! Наверняка покалечит!

Так они думали и все его жалели, Утимаро: тем временем взобрался на коня – а тот повесил голову и не двигался. Утимаро: сидел на нём, как ни в чём не бывало. Потом снова и снова хлестал коня кнутом, но тот его так и не скинул. Несколько раз объехав двор, Утимаро: спешился.

Люди, кто это видел и слышал, хвалили Утимаро:, думали: это человек не как все! (22–4).

⁷ Возможно, здесь, как и в рассказе 11–1, даже летучий конь не годится для полёта за море, в другую страну. Но вероятнее, что чудесный дар иссякает из-за злых деяний Хироцугу, пошедшего против воли государя, пусть даже его возмущение было вполне справедливо. В отличие от рассказа о коне Сё:току, предание о коне Хироцугу широко известно, этого мятежника обычно изображают верхом на коне в морских волнах.

История с норовистым конём сама по себе могла бы выглядеть бытовым эпизодом среди сухих генеалогических выкладок. В то же время это и повествование о человеческом таланте: в ряду выдающихся потомков Каматари министр Утимаро:, помимо прочего, обладает талантом в обращении с лошадьми, а это – искусство не хуже других. Также эта история отсылает к рассказу 22–1, где говорится о взаимоотношениях основателя рода с принцем, будущим государем Тэнти (прав. 661–672): не дожидаясь приказа, Каматари во время игры в мяч подаёт принцу слетевшую с ноги туфлю, показывая тем самым глубину своей преданности⁸. Но, помимо этого, история Утимаро: перекликается и с рассказами 11–1 и 11–6. Хотя у Утимаро:, в отличие от Сё:току, конь не чудесный, а просто непокорный, коль скоро герой управился с ним – значит, доказал свои необычайные способности, а не только верность. Этот случай в «*Кондзяку*» даёт одно из подтверждений тому, что у семьи Фудзивара – особая судьба, судьба не правителей, но ближайших советников государей (каким был Сё:току и мог бы стать Хироцугу, если бы не происки Гэмбо: и не собственный его мятежный нрав).

Замечательный, пусть и не чудесный конь, может пониматься как знак счастливой судьбы не только для властителя, но и для воина.

[Дозорный наблюдает с башни и докладывает господину]

– ...По главной дороге движется войско человек в сто, едут на прекрасных лошадях, мчатся мимо, словно летят. Среди них я видел мужа, превосходящего прочих, он едет на большом пегом коне, одет в бледно-жёлтые одежды поверх тёмно-голубого *ао*, на нём узорчатая тростниковая шляпа и накладки [*мукабаки*] из летней шкуры оленя.

[Господин отвечает:]

– Это, наверное, Ёго. Это ему принадлежал большой пегий. Я слышал, превосходный конь! Если Ёго атакует на этом коне, кто сможет ему сопротивляться? (25–5)

Из рассказа в целом видно, что хороший конь, как и лук, и даже сильное войско – далеко не главное условие победы: куда важнее хитроумие, правильная стратегия. Но то, что воин сможет победить, окружающие видят в том числе и по тому, каков его конь. Примечательно и то, что в этой истории господин хорошо знает, как выглядит конь другого знаменитого воина. Описание коня будет и в дальнейшем для воинов важной частью описания человека наряду с другими узнаваемыми приметами, такими как расцветка доспеха⁹.

⁸ Можно сказать, что в рассказе об Утимаро: принц совмещает две роли, которые в рассказе о Каматари принадлежат разным людям: господин, кому предан человек из рода Фудзивара, и насмешник-антагонист (для Каматари это злодей Сога-но Ирука, грубо отбросивший туфлю принца).

⁹ И в эпоху Хэйан, и позже, во времена камакурского сёгуната, знатный воин был прежде всего конным лучником, его мог сопровождать конный или пеший отряд. Кони были постоянными спутниками воинов; можно вспомнить рассказ из сборника «Беседы о делах старины» («*Кодзидан*», начало XIII в.), где воин Фудзивара-но Тадафуми страдает бессонницей и просит привести коня, чтобы ночью слушать, как тот жуёт сено [Синтю: Кодзидан, 2005, 213]. Рассказ, может быть, и ироничен, но Тадафуми изображён как человек, для которого быть рядом с конём – самое привычное и приятное состояние.

Кони и святые места

Вернёмся к свитку 11-му. Во второй его половине мотив чудесных путешествий получает новый поворот: кони нужны не только для быстрых перемещений по стране, но и для поиска святых мест. Так, в рассказе 11–30 царевич, живший в пору правления государя Тэнти¹⁰, большой любитель охоты, верхом гонится за оленем вверх по склону горы:

Олень убегает к востоку, царевич следит за оленьим хвостом, на скаку упёрся в стремена, натянул уже лук – и тут олень вдруг исчез. <...> А впереди высокий обрыв, оттуда олень и упал. Конь несётся, едва не сорвался в пропасть следом за оленем – но всеми четырьмя ногами вскочил на узкий уступ скалы и удержался. А развернуться коню негде. Царевич пробует спешиться – под самым стременем глубокое ущелье, встать некуда. <...>

Тогда царевич в отчаянии молвит:

– Если обитаете вы здесь, горные боги, то спасите наши жизни! Если поможете нам, то в этой вот скале я для вас изваяю образ Мироку!

Такой он дал обет, и тотчас же конь под ним попятился и выбрался туда, где место пошире. Тогда царевич спешился, в слезах поклонился, и чтобы потом найти это место, снял свою соломенную шляпу и оставил там для приметы. А сам уехал.

Вернувшись туда снова, царевич основал Касаги-дэра 笠置寺, Храм Оставленной Шляпы, и боги помогли ему изваять образ будущего будды Мироку (Майтрейи). Здесь проводником служит, собственно, олень (вестник Будды во многих текстах), конь и всадник лишь следуют за ним. Иначе построен рассказ 11–35, где действует Фудзивара-но Исэndo (Исэбито, 759–827), ещё один праправнук Каматари. Он по приказу государя занимается делами строительства храма То:дайdzi в городе Нара (тогдашней столице) и сожалеет, что до сих пор не основал собственного храма. Исэndo молится, чтобы ему было указано подходящее место, и во сне видит две прекрасных горных вершины, ущелье, реку и старца. Этот старец – бог, хранитель гор, он благословляет строительство. Однако проснувшись, Исэndo не понимает, где искать те две горы.

А у Исэndo был белый конь, на нём чиновник ездил много лет. И вот однажды Исэndo заседлал коня и шепнул ему:

– Я слышал, в старину, когда Закон Будды был передан из Индии в Китай, доверен он был белому коню. А потому, если мой обет не окажется напрасным, а исполнится, ты непременно придёшь в то место, что я видел во сне.

Прошептал это и отпустил коня. Конь ускакал из усадьбы и скрылся из виду. А Исэndo думает: если обет мой верен, конь непременно придёт к тому месту, что я видел во сне!

Исэndo взял с собой всего одного свитского, пошёл по следам коня – и так они пришли к месту, виденному во сне. Поднимаются вдоль ущелья – видят много следов от копыт. Вскоре взобрались на гору – а там стоит конь, обратившись головою к северу.

¹⁰ Неясно, идёт ли речь о брате Тэнти, будущем государе Тэмму (прав. 673–686) или же о сыне Тэнти, будущем государе Кобун (прав. 672). Версию, что это был Тэмму, поддерживают «Предания храма Касаги» («Касагидэра-энги», XV в.).

Слова Исэndo отсылают к широко известному преданию: впервые книги буддийского канона были доставлены в Китай на белом коне, и в честь этого события назвали Баймасы 白馬寺, храм Белого Коня в Лояне (в «Кондзяку» об этом говорится в рассказе 6–2). Японский же храм получил название Курама-дэра 鞍馬寺, храм Коня под Седлом. Кроме святого места, конь в этом рассказе указывает путь и к будущей столице, городу Хэйан (река, виденная во сне, – это столичная Камогава).

Конь может быть проводником человека на пути подвижничества и в переносном смысле слова. Пример тому есть в свитке 16-м, где говорится о чудесах бодхисаттвы Каннон (Авалокитешвары). Вообще в японских буддийских преданиях конь нередко указывает именно на этого бодхисаттву, чтимого в обличье Бато: 馬頭, Каннон с головой коня – заступника лошадей, всадников, а также всех животных и всех людей, кто заботится о них. В «Кондзяку» именно в этом образе бодхисаттва не предстаёт, но в нескольких рассказах о Каннон появляются кони. Такова широко известная история о чуде с травинкой в храме Хасэдэра (здесь это рассказ 16–28). Бедный молодой воин молится Каннон о том, чтобы раздобыть средств на жизнь, и бодхисаттва посылает ему всего одну травинку. Дальше разворачивается сюжет последовательного обмена: из травинки юноша сворачивает ловушку для мух, отдаёт её встречному мальчику и получает взамен три мандарина; мандаринами угощает даму-паломницу, измученную жаждой, и в награду получает свёртки ткани. Затем он видит, как на дороге пал конь какого-то господина – замечательный конь из края Митиноку! – выменивает на ткани конскую тушу, а потом молится, и конь оживает. На коне юноша приезжает в столицу и там отдаёт его человеку, который должен срочно уехать по делам. Тот на радостях уступает юноше участок земли, и теперь у героя есть на что жить самому и помогать другим. Здесь и конь, и всякое другое достояние служат для доброго человека средством приумножить «заслуги» 功德, кудоку, а стало быть, и улучшить свою участь; будучи не только милосердным, но и хитроумным, герой рассказа отчасти уподобляется бодхисаттве с его «уловками» 方便, хо:бэн.

Но не для всех героев того же свитка конь оказывается преодолимым испытанием. Здесь мы переходим к другой вариации того же мотива: несчастная страсть к лошадям и к верховой езде как разновидность алчности. «Путь лошадирика» может завести и в ад, если вовремя не одуматься.

Кони и грешные страсти

В рассказе 16–5 уездный начальник в краю Танго заказывает столичному ваятелю статую Каннон. Прекрасное изваяние готово, и заказчик думает: чем же наградить мастера?

Из ценного имущества был у него только конь, вороной пяти или шести лет от роду, ростом в [четыре сяку и] восемь [сун]¹¹, с мягкими губами и крепкими ногами. В дороге конь шёл хорошо, скакал резво, ничего не боялся и редко ленился. Все, кто видел того коня, хотели его заполучить, но уездный начальник им безмерно дорожил и много лет держал у себя. Но тут ваятель уж так угодил, что

¹¹ Рост коня в японских текстах этой поры указывают так: сколько сун сверх четырёх сяку. Здесь получается около 145 см в холке; по меркам эпохи Хэйан, очень крупный конь. Средняя японская лошадь даже в эпоху Камакура была, согласно археологическим данным, около 130 см в холке [Conlan, 2003, 20].

уездный решился: награжу мастера этим конём! Сам вывел коня и подарил. Ваятель весьма обрадовался, заседлал коня и поехал восвояси <...>.

А что же конь? Уездный, глядя на пустую конюшню, где тот стоял, на недоёденное сено, стал горько жалеть и безмерно корить себя, что так поспешно его отдал. И чем больше думает о том, тем меньше готов смириться. Растревожился, разозлился <...> уже не может остановиться. И говорит своему ближнему [свитскому воину]:

– За хорошую работу я подарил мастеру коня, но в том раскаиваюсь, и если хочешь мне помочь, то верни моего коня! Притворись разбойником, застрели ваятеля и непременно возвращайся с конём.

Воин догнал мастера и застрелил, а коня привёл к господину. После этого уездный начальник узнаёт, что мастера почему-то никто не разыскивает, и посылает всё того же воина в столицу разузнать, что да как.

Парень приехал в столицу, с опаской заходит в дом ваятеля. Подворье там устроено вдоль переулка, дом в глубине, а перед ним сливовое дерево. И под деревом привязан тот самый конь! Один или двое слуг хлопочут возле него, а он щиплет траву. Сам же мастер сидит на крыльце и любит им, а конь – краше прежнего.

Видя такое, парень удивился безмерно. Здесь и мастер, кого он застрелил, и конь, которого он вернул. Может, мне всё это чудится? – думает он, застыл на месте. Но и ваятель жив-здоров, и конь тот самый. У свитского всё нутро перевернулось, сердце колотится, но хотя и перепугался, он передал слова уездного начальника. Ваятель отвечает:

– У меня всё по-прежнему. Многие просят уступить им этого коня, предлагают хорошую цену, но конь-то каков! Лучше всех! Я его не продаю, оставил себе.

Парень думает: странно! Поскакал домой, чтобы всё это рассказать господину.

Вернувшись, он узнаёт, что конь у уездного начальника исчез. Как во многих других *сэцува*, здесь в итоге выясняется, что бодхисаттва защитил от гибели невиновного, а грешников – от греха убийства, «заменив собой» ваятеля (*мигавару*): ту самую стрелу воин и его начальник находят вонзившейся в изваяние Каннон. Оба раскаиваются и уходят в монахи. В рассказе обстоятельно описаны и стати коня, и то, как люди им любят: здесь и рассказчик, и его слушатели/читатели могут примерить на себя страсти героев.

Ещё чаще, чем на убийство, страсть к лошадям толкает людей на воровство. О конокраде, например, говорится в рассказе 25–12. Минамото-но Ёринобу (968–1048), герой нескольких рассказов 25-го, «воинского» свитка, получает в подарок прекрасного коня. Пока коня ведут из восточных краёв в столицу, его замечает конокрад и пробирается следом. В столице сын Ёринобу по имени Ёриёси (988–1075¹²), зная нрав отца, решает: «Этого коня попросит какой-нибудь человек, который того не достоин, ему и отдадут. Пока этого не случилось, пойду взгляну сам, и если конь в самом деле так хорош, – выпрошу себе». Однако отец, не дожидаясь просьбы, сам предлагает коня сыну – и той же ночью,

¹² По другим данным, умер он в 1082 г.

прежде чем воины успели осмотреть коня как следует, конокрад уводит его. Отец и сын, не сговариваясь, отправляются в погоню, скачут порознь, но каждый из двоих знает, что другой неподалёку. Проезжая затопленное поле, вор сбавляет скорость.

Ёринобу это услышал, и, хотя из-за темноты не знал, здесь Ёриёси или нет, прокричал, как если бы они с самого начала договорились обо всём:

– Стреляй, это он! – и прежде, чем он договорил эти слова, раздалось пение тетивы.

Вместо ответа, как и ожидал, он услышал, как ускакал конь. Судя по звуку, человека в стремених не было, и Ёринобу, расслышав это, снова закричал:

– Конокрада ты уже застрелил. Поторопись, скачи туда, забери коня и возвращайся.

И не дожидаясь, пока сын заберет коня и приедет, вернулся домой.

Ёриёси догоняет коня и с ним тоже возвращается. Отец и сын спокойно спят до утра, будто ничего не случилось. Утром Ёринобу опять-таки ни словом не упоминает о ночном приключении, а просто велит вывести коня, чтобы наконец разглядеть его, Ёриёси говорит: «Раз так, возьму, пожалуй», – и забирает себе. Основной упор в рассказе делается на слаженность действий двух воинов, их умение понимать друг друга без слов. Но сдержанность тоже важна: если и хочется заполучить коня, достойный человек не показывает этого¹³.

Другой конокрад появляется в «разбойничьем» 29-м свитке. Этот вор сам способен совладать со своей алчностью. Когда столичный чиновник, хозяин превосходного коня, приходит домой со службы, из-за угла конюшни выглядывает незнакомец и говорит:

– Я вор. Увидел, на каком замечательном рыжем коне вы ездите, а мне как раз завтра надо отправляться на восток <...>, я и подумал: вот бы уехать на таком коне! И решил: украду. Открыл ваши ворота, вошёл, тихонько осмотрелся, а тут из дома вышла здешняя хозяйка. И какой-то мужчина ей говорит: я здесь! Она ему дала длинное копьё и велела залезть на крышу. Точно, они что-то замышляют! (29–13)

Казалось бы, вор мог бы увести коня, пользуясь тем, что хозяина дома нет, а в усадьбе готовится другое преступление, – но не сделал этого. Чиновник проверяет его слова, и действительно, слуги находят на чердаке убийцу: тот в сговоре с хозяйкой собирался пронзить копьём хозяина, когда тот ляжет спать. Чиновник отдаёт коня вору в благодарность за предупреждение, убийцу передаёт в руки стражи, а жену прощает. Рассказчик подытоживает: так человеку спасли жизнь редкостные стати его коня.

Искусство верховой езды

В мирских рассказах есть ещё несколько примеров увлечения лошадьми, в том числе в свитке 28-м, где обсуждаются разные виды «опьянения», *ёи* – не только выпивкой как таковой, но и едой, музыкой, женской красотой и т.п. В рассказе 28–37 некий приезжий воин

¹³ Конь и сбруя нередко служили наградой для воина за боевые подвиги. В этом рассказе Ёринобу не говорит сыну слов похвалы, но в придачу к коню даёт ему ещё и хорошее седло, хотя об этом ранее отец и сын не договаривались.

в столице скачет верхом мимо усадьбы, где живёт после отречения государь Кадзан (прав. 984–986). По невежеству воин не спешил и не поклонился должным образом, государь-монах в гневе: «Что?! Мимо моих ворот?! Проезжал верхом?! Тащите мерзавца на южный двор!». Дальше рассказчик описывает, что Кадзан увидел:

Всадник – лет тридцати, с густой чёрной бородой и немного вытянутым лицом, белокожий, собою статный. На голове соломенная дорожная шляпа, видна из-под неё только нижняя половина лица, но в самом деле, похоже, благородный человек: видно, что с норовом. Под синим кафтаном простая одежда, на ногах поножи из летней шкуры оленя, рыжей с белыми звёздочками, у пояса меч, за спиной чёрный колчан, а в нём две охотничьих стрелы и десятка четыре боевых. <...> На ногах сапоги из кабаньей шкуры, лук в кожаном чехле, конь гнедой, грива острижена, в холке [четыре *сяку*] и пять *сун* [135 см], ноги крепкие, лет ему семь или восемь. Как посмотришь – ах, что за конь! Лучший конь для всадника! Его держат справа и слева, конь горячится, а лук слуги государя-монаха забрали, ещё когда вводили всадника в ворота.

Государь-монах глядит, какой горячий конь, залюбовался, велел провести его по двору по кругу. А конь – на дыбы, упирается! Тогда государь велит: отойдите от стремян и узду отпустите! Слуги все отошли, а конь ещё пуще брыкается! Тут всадник подтянул узду, придержал коня, тот успокоился и поклонился, согнув передние ноги.

Государь восхитился ещё больше: прекрасный наездник! Приказал: верните ему лук! Лук передали, всадник его принял, взял под мышку, а сам всё гарцует. У ворот люди собрались толпой, глазают на него и шумят безмерно.

И вот, всадник объехал двор по кругу, поворотил коня к воротам и послал вперёд. Тот словно полетел прочь со двора! Толпа у ворот разом шарахнулась – кто падает, кто разбегается, чтоб не угодить под копыта, а кое-кто и угодил.

Всадник выехал в ворота <...> и исчез, будто улетел. Государевы слуги за ним погнались было, но скачет он быстро, не догонишь! Так и не поняли, куда ускакал. А государь-монах <...> хотя сильно гневался, разыскивать всадника не стал.

Из других источников, в частности, из «Великого зеркала» («*Оокагами*», XI в.) государь Кадзан известен как выдающийся поэт, подвижник и чудотворец, и при этом большой чудака. В «*Кондзяку*» мы видим, что даже отрёкшийся государь может быть страстным лошадиником, хотя самому ему конь уже ни к чему: если он и желал бы стать праведным правителем в буддийском смысле слова, эти мечты уже в прошлом.

Как и прочие виды мастерства, искусство наездника имеет в эпоху Хэйан принятые ритуализованные формы представления. Это могут быть заезды на ристалище Правой ближней стражи 右近の馬場, Укон-но баба, к северу от столицы. А кроме того, лучших коней, снаряжение и наряды для верховой езды всадники показывают на выставках-соревнованиях *кусаавасэ* наряду с другими редкостями. Как и на поэтических турнирах *утаавасэ*, участники при этом делятся на команды Левых и Правых. В рассказе 28–35 описано одно из таких состязаний в начале XI в. Левые выставляют Кинтада, одного из лучших государевых телохранителей, блестящего наездника:

Одет великолепно, конь отличный, седло богато отделано. Воистину, глядеть на него – одно удовольствие!

Он по кругу объехал площадку, переложил плеть из руки в руку, остановился – и тут выехал всадник Правой стороны. Люди глядят – а это старый монах странного вида, на голове [дурацкая] шапка, уголки её свисают, как собачьи уши. Одели его Правые в какое-то ветхое рубище, у пояса вместо меча сушеный лосось, кафтан сползает с одного плеча, штаны едва не сваливаются, под шапкой повязка, как у лицедея. А едет он на корове, заседланной простецким седлом. Кинтада при виде его в великом гневе воскликнул:

– Напрасно я вас послушался, выехал состязаться – и вижу такой позор!

И поехал прочь с ристалища (28–35).

Правые, видя замешательство Левых, начинают хохотать и издеваться, один из болельщиков пляшет, нацепив маску демона. Тут вмешивается сам канцлер, велит плясуна схватить, тот убегает, вскакивает на лошадь и мчится прочь, так и не сняв маску. «Ехал по городу, люди на улице ахали: глядите-ка! Демон среди дня скачет верхом! Дети пугались, глядя на него, думали: настоящий демон!». В этой истории даже самый изысканный светский ритуал оказывается бессилён против страсти, в данном случае – к состязаниям.

Плохой наездник тоже может порой поддаться страсти – самооправдания. В рассказе 28–6 уже немолодой Киёхара-но Мотосукэ (908–990), знаменитый книжник и поэт, во время праздника святилища Камо на виду у множества зрителей падает с лошади, теряет шапку, и все видят его лысину. Над ним смеются, а он в ответ произносит целую речь:

– Напрасно вы так! И вот почему. Даже рассудительный человек, ежели запнётся, спотыкается: обычное дело. Что уж и говорить о коне – у него-то разума быть не может! К тому же здесь на улице камни слишком выступают. А коня [конюший] тянул за узду, не давал идти, куда тому хочется, вот он и оступился, я и упал. А значит, ни я, ни конь, даже если споткнулся, не виноваты. Если конь запнулся о камень – что подделаешь? Да и китайское седло слишком плоское, усидеть невозможно. Вот я и упал, едва конь споткнулся. <...> А вы, нынешняя молодёжь, не знаете, что к чему, так и не смейтесь! Кто будет смеяться, над тем тоже посмеются!

Построение свитка 28-го примечательно: в нём есть рассказы на темы, которые в других свитках почти не встречаются, например, несколько историй о ядовитых или галлюциногенных грибах, от которых люди тоже «пьянеют». Но с ними чередуются примеры увлечений, уже не раз описанных в других свитках, в том числе и страсти к верховой езде. Тем самым общий вывод оказывается куда более весомым: речь идёт не об отдельных чудачествах, а о привязанностях, свойственных людям вообще.

Есть в «Кондзяку» и пример достойного поведения проигравшего всадника – в рассказе 23–26 герой благодаря самообладанию хоть и потерпел поражение, но в некотором смысле получил от него только выгоду:

В стародавние времена на ристалище Правой ближней стражи устроили скачки¹⁴, и первыми ехали Овари-но Канэтоки и Симоцукэ-но Ацуюки.

Канэтоки в скачках был необыкновенно искусен. Выдающийся человек, он ничуть не уступал людям старины. Но необъезженные кони были его слабым местом. Ацуюки же не имел ни малейшей неприязни к необъезженным коням. В скачках с хлыстом [*мутикурабэума*] он был необыкновенно искусен.

В тот день на скачках Ацуюки выехал на хорошо вышколенном коне. Канэтоки же выехал на знаменитом коне по кличке Мияги. Этот конь был дурной, хоть и очень быстрый, и Канэтоки совсем не подходил, но из каких-то соображений первым в тот день он выбрал именно Мияги.

Сделав три заезда, противники погнались друг с другом. И Мияги, как за ним обычно и водилось, стал так своевольничать, что всаднику, как бы он ни был искусен, оставалось только стараться не свалиться. Так Канэтоки и скакал, и гонку проиграл.

В скачках было много правил поведения – для пришедших вничью и для победителя. Но не было примеров, как должен себя вести проигравший всадник, и никто в этом ничего не понимал. А в тот день, увидев, как держится проигравший Канэтоки, множество людей поняли, что вот так-то и должно держаться, если проиграл. Как же он так сумел? Он так смотрелся, что люди думали: какая жалость!

<...> Канэтоки в тот день нарочно проиграл, по доброй воле, и люди в свете все его хвалили, – так передают этот рассказ.

Страсть к верховой езде бывает свойственна не только людям, но и, например, чудесным лисицам *кицунэ* (27–41): в обличье девушки лисица поджидает всадников у въезда в столицу, просит подвезти, а потом, заморочив их, исчезает. Её ловят стражники и жестоко наказывают, но отказаться от катанья верхом ей оказывается трудно.

Дорожный этикет

Человек на коне, кто бы он ни был, оказывается в прямом смысле выше прочих, пеших, быстрее и сильнее их. Так что сама по себе верховая езда – серьёзное испытание на сдержанность, даже если человек не пристрастен к ней сверх меры. Кому сдержаться не удаётся, тот попадает в беду: так, в рассказе 16–24 всадник решается молодецки проехать по дамбе высоко над морем, падает в воду вместе с конём, и только чудо Каннон спасает их обоих.

В нескольких рассказах сюжет строится вокруг принятых в хэйанской Японии правил дорожного этикета (ср. выше, 28–37). В частности, по этим правилам всаднику следует спешиться и поклониться, если навстречу ему идёт монах. Жрец святилища горы Фудзи (герой рассказа 17–11) никогда не делал этого, считая свой сан выше монашеского, хотя и был верным почитателем бодхисаттвы Дзидзо: (Кшитигарбхи)¹⁵. Однажды он, не сходя с

¹⁴ Время действия рассказа – 991 г.

¹⁵ Совместное почитание богов и будд в окрестностях горы Фудзи начало складываться ещё в VIII в. Важное место в обрядах Фудзи занимали подземные божества [Kimbrough (trans.), 2006]; возможно, поэтому жрец и почитает Дзидзо, Земное Чрево.

седла, заговорил на дороге с молодым монахом, а тот вдруг исчез; позже в вещем сне жрец узнал, что этот встречный был не кто иной как Дзидзо.

Знаменитый монах-книжник (рассказ 20–40) зимой едет верхом из столицы к себе в храм и замечает у обочины нищего:

– Холодно? – спрашивает монах.

– Совсем замёрз, ничего не чувю! – отвечает тот.

Монах думает: как же жаль его! Поспешил снять одно из своих одеяний и, не слезая с седла, бросил нищему.

– Вот, возьми, надень, – говорит.

Тут нищий вскочил на ноги, взял одеяние, что брошено было ему в лицо, скомкал и швырнул обратно, да так, что опять-таки угодил монаху прямо в лицо.

Странно! – думает монах. Спрашивает: ты что? А нищий говорит:

– Когда что-то подаёшь человеку, надо спешиться и подать учтиво. Когда бросаешь подачку, сидя верхом, кто ж её примет?

И исчез, будто растаял.

Монах горько раскаивается и всем ученикам потом велит: не обижайте нищих! Кем был этот встречный, в рассказе не говорится, но ситуация отсылает к преданию о царевиче Сётоку и нищем (ср. 11–1).

Ещё в одной истории (26–14) действуют недавно назначенный наместник края Митиноку (Муцу) и его подчинённый, который принимается «отдавать распоряжения обо всём, что касается лошадей», хотя его ещё не назначили главным конюшим края. (А назначение это обещает быть весьма выгодным, ведь в Митиноку разводят лучших коней всей Японии). Наместник по неизвестной причине терпеть не может этого подчинённого и по дороге устраивает так, чтобы его не пропустили через заставу. Позже подчинённый разбогатеет и расквитается с бывшим своим господином, задержав его на другой заставе. Рассказ подробно описывает формальности, связанные с проездом по японским дорогам эпохи Хэйан, и злоупотребления в этой области; о свитке 26-м см. [Бабкова, 2019].

Кони и «путь скотов»

Акутагава Рюноскэ (1892–1927) называл «*Кондзяку*» «человеческой комедией»: любые мотивы, звучащие здесь, так или иначе имеют отношение к человеку. О судьбе же коня как таковой речь заходит в связи с темой перерождений по закону воздаяния, и в частности, о «мире скотов» 畜生界, *Тикусё:кай*. Жизнь коня, как и любого другого животного, считается заведомо намного более тяжёлой, чем жизнь даже самого несчастливого человека. Кто мучает лошадей, слишком нагружает их и бьёт, тому при жизни воздаётся адскими муками (20–29, тот же сюжет, что в «*Нихон рё:ики*» 1–21).

Рассказчик «*Кондзяку*», насколько мы знаем, нигде не даёт прямого ответа на вопрос, что нужно было натворить в прежних жизнях, чтобы родиться лошадью. Об этом говорят более поздние авторы, например, Мудзю: Итиэн (1226–1312), составитель «*Сясэкисю:*», в другом своём сочинении: «Достойные монахи, если не имеют мудрости и не следуют по

Пути, непременно возрождаются хорошими конями»¹⁶. В «*Кондзяку*» можно проследить похожий взгляд. В рассказе 31–14 трое монахов странствуют по горам острова Сикоку и нечаянно забредают в иной мир. Тамошние жители двоих из них истязают и затем превращают в коней¹⁷; третьему удаётся сбежать. По словам рассказчика, «быть может, то был мир скотов», хотя обитатели его и выглядели как люди, пусть и страшные на вид, а один имел облик демона. Здесь герои сбились с дороги в буквальном смысле, самонадеянно путившись в путь по незнакомым местам; вероятно, рассказ можно понимать и как наглядную картину утраты буддийского Пути, ведь пострадавшие монахи не пытаются ни помочь друг другу, ни воззвать к буддам.

Возможно и обратное: конь возрождается человеком и вступает на Путь. В рассказе 14–24 усердный, но малоспособный монах изучает «Лотосовую сутру». Однажды он просит, чтобы гадатель предсказал ему судьбу по чертам лица. Тот, однако, говорит: «В прошлой жизни ты получил тело белого коня. И теперь из прошлого рождения унаследовал светлый цвет кожи. А ещё голос у тебя гулкий, похож на стук конских копыт. Всё это усвоено в прошлом рождении». Монах сомневается: «Если рассмотреть облик, прислушаться к голосу, можно предсказать, долго ли проживёшь, будешь ли богат. Но как можно узнать, кем кто был в прошлой жизни?! Ведь чтобы знать прежние рождения, надо быть буддой!». Чтобы выяснить правду, монах молит о помощи будд и получает откровение во сне: в самом деле, прежде он был белым конём, как-то раз вёз подвижника «Лотосовой сутры», и за эту заслугу стал человеком. В 14-м свитке «*Кондзяку*» эта история стоит в ряду других, где разные существа, ненадолго встретившись с подвижниками сутры, услышав хоть малую её часть, обретают лучшее рождение. Похожие истории о конях встречаются и в других японских текстах; например, в «*Сясэкисю*:» (II–10) знаменитый монах Какукай (1142–1223) узнаёт, что прежде был моллюском, и какой-то ребёнок прихватил его с собой, идя в храм. Слушая наставления Закона, моллюск затем рождался храмовым псом, быком, конём, слугой-фонарщиком, а в итоге смог стать монахом. Отметим, что в этом случае лошадиное рождение непосредственно предшествует человеческому.

Вероятно, причина этого коренится как раз в том, о чём говорится в рассказах о лошадиниках: люди так привязаны к коням, что берут их с собою всюду, а значит, дают им возможность услышать буддийские наставления, поучаствовать в милосердных делах, и даже не понимая того, накопить «заслуги» и возродиться людьми. Так страсти одних существ, губельные для них самих, идут на пользу другим – а значит, и те, кто этим страстям поддаётся, тоже обретают «заслуги», пусть и невольно. Эта всеобщая связь событий в мире в «*Кондзяку*» не просто описана, но и показана самим построением книги, переключкой мотивов в разных её частях. И получается, что путь всадника, как и любой из мирских путей, ведёт туда же, что и Путь Будды, что обыденная жизнь с её страстями и неудачами создаёт все надобные условия для освобождения.

¹⁶ В сочинении «Зерцало жён» («*Цума-кагами*», 1300 г.) [Сясэкисю 2017, 217]. У Мудзю: Итиэн герои сетуют: мало нынче стало достойных монахов, вот почему редко рождаются хорошие кони.

¹⁷ Зачем, не вполне понятно; в рассказе говорится, что коней собираются убить и зарыть на заливаемом поле, можно понимать это как кровавое жертвоприношение. В другой истории (26–8) люди пытаются обжиться в ином мире, и там нет домашних животных – «ни лошадей, ни коров, ни даже собак». Люди завозят туда щенков и жеребят («и те, и другие прижились и расплодились»); возможно, и в рассказе 31–14 подразумевается, что кони, хотя и относятся к «скотам», но живут только среди людей, а в иных мирах своих коней нет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бабкова М.В. О понятии «воздаяние» в 26-м свитке «Собрания стародавних повестей» // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 86–97.

Горбылёв А.М. Сердце коня – мое сердце // Япония: Путь кисти и меча. 2003. № 4. С. 36–46.

Собрание песка и камней («Сясэкисю», конец XIII в.). Перевод со старояпонского Н.Н. Трубниковой. М.; СПб.: ЦГИ, 2017.

Кондзяку моногатари-сю: : [Собрание стародавних повестей] / Син Нихон котэн бунгаку тайкэй : [Новое больше собрание памятников японской классической литературы]. Т. 33–37 / под ред. Конно Тоору, Икэгами Дзюньити, Коминэ Кадзуаки, Мори Масато. Токио: Иванами, 1993–1999.

Кондзяку моногатари-сю: : [Собрание стародавних повестей] / Ятагарасу-наби. Котэн бунгаку дэнси тэкисуто кэнсяку : [Портал Ятагарасу. База данных электронных текстов классической литературы]. Под ред. Накагава Сатоси. 2014–2018. URL: http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html (дата обращения: 09.06.2020).

Синтё: Кодзидан : [Беседы о делах старины с новыми комментариями]. Под ред. Асами Кадзухико, Ито: Тамами, Утида Миоко и др. Токио: Касама сёин, 2010.

Conlan T.D. State of War: the Violent Order of Forteen-century Japan. Center for Japanese Studies, The University of Michigan, 2003.

Friday K. Hired Swords: The Rise of Private Warrior Power in Early Japan. Stanford: Stanford University Press, 1992.

Japanese tales from times past: stories of fantasy and folklore from the Konjaku Monogatari Shu translated by Naoshi Koriyama and B. Allen, with a foreword by K. Thornber. North Clarendon, VT: Tuttle Publishing, 2015.

Kimbrough R.K. (trans.) The Tale of the Fuji Cave // Japanese Journal of Religious Studies. 2006. Vol. 33, no. 2. P. 1–22 (Online only).

Of Birds and Beasts, Fish and Fowl: Japanese Tales of Times Now Past. Trans. De Wolf, Ch., with Masayuki Furuse, Takatoshi Kuhara, Fuyuko Yamamoto, Kenji Yoshida. Tokyo: Babel Press, 2017.

REFERENCES

Asami, Kazuhiko, et al., eds. (2010). Shinchū Kojidan [Newly commented Tales about Old Matters], Tokyo: Kasama shoin. (In Japanese).

Babkova, Maya V. (2019). O ponyatii «vozdayaniye» v 26-m svitke «Sobraniya starodavnikh povestey» [The Meaning of the Notion *Hō* in 26th Volume of *Konjaku Monogatari Shū*], *Voprosy Filosofii*, 1: 86–97. (In Russian).

Conlan, Thomas D. (2003). State of War: the Violent Order of Forteen-century Japan, The University of Michigan, Center for Japanese Studies.

De Wolf, Charles, et al., trans. (2017). Of Birds and Beasts, Fish and Fowl: Japanese Tales of Times Now Past, Tokyo: Babel Press.

Friday, Karl (1992). Hired Swords: The Rise of Private Warrior Power in Early Japan, Stanford: Stanford University Press.

Gorbylev. Aleksei M. (2003). Serdtse konya – moye serdtse [Heart of the Horse is my heart], *Yaponiya: Put' kisti I mecha*, 4: 36–46. (In Russian).

Kimbrough, R. Keller, trans. (2006) The Tale of the Fuji Cave, *Japanese Journal of Religious Studies*, 33/2: 1–22 (Online only).

Konjaku monogatari shū. URL: http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html (accessed: 9 June 2020).

Konno, Tōru et al., eds. (1993–1999) Konjaku monogatari shū, SNKBT series, Vol. 33–37, Tokyo: Iwanami. (In Japanese).

Koriyama, Naoshi and Allen, Bruce, trans. (2015) Japanese tales from times past: stories of fantasy and folklore from the Konjaku Monogatari Shu, with a foreword by Karen Thornber, North Clarendon, VT: Tuttle Publishing.

Nakagawa, Satoshi, ed. (2014–2018) Konjaku monogatari shū, Digital edition, URL: http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html (accessed: 9 June 2020). (In Japanese).

Trubnikova, N.N., trans. (2017). Sobraniye peska i kamney [*Shasekishū*], Moscow, Saint Peterburg: TsGI. (In Russian).

Поступила в редакцию 17.10.2020

Received 17 October 2020

Для цитирования: Трубникова Н.Н., Коляда М.С. Кони Закона, всадники судьбы: мотив верховой езды в японской части «Собрания стародавних повестей» // Японские исследования. 2020. № 2. С. 46–62. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10011

For citation: Trubnikova N.N., Kolyada M.S. (2020). Koni Zakona, vsadniki sud'by: motiv verkhovoy ezdy v yaponskoy chasti “Sobraniya starodavnikh povestey” [Dharma Horses and Karma of Equestrian: Horseback Riding Motif in *Konjaku monogatari shū* (Honchō Part)], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 2: 46–62. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10011

Японские исследования. 2020. № 2. С. 63–81.

Japanese Studies in Russia, 2020, 2, pp. 63–81.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10012

Космическая политика Японии: государственная поддержка частного бизнеса

Э.В. Уханова

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Японии по освоению и использованию космического пространства, а именно, место и роль в ней частных компаний. Наблюдаемый в настоящее время рост глобального рынка космических услуг происходит в основном за счёт развития частного сектора в ряде государств: увеличивается количество компаний, связывающих свою деятельность с космосом, расширяется спектр предлагаемых ими услуг, повышается их качество. Долгое время японские частные компании не имели возможности коммерциализировать накопленный научно-технический потенциал, и только в середине 2000-х годов японское руководство пересмотрело свою позицию в отношении использования космоса, открыв для предприятий аэрокосмической и оборонной промышленности пути для выхода на внутренний и внешний рынки. В статье показано последовательное развитие нормативно-правовой базы Японии в отношении космического пространства. К настоящему моменту в Японии действует комплексная стратегия освоения космического пространства, учитывающая интересы частного сектора. Действия правительства Японии по развитию собственного частного сектора космонавтики направлены как на развитие внутреннего спроса на космические услуги, так и на завоевание высоких позиций на международном рынке путём повышения конкурентоспособности японских компаний. Разработан ряд государственных программ, направленных на привлечение новых компаний в космическую сферу, а также программы, нацеленные на создание и развитие инновационных направлений в этой отрасли. В статье также рассмотрено практическое взаимодействие государственного и частного секторов японской космонавтики на современном этапе, выявлены её основные проблемы, тенденции и перспективы, а также описаны ключевые игроки космического рынка Японии и реализуемые ими проекты. Анализ современного состояния космической политики Японии с точки зрения поддержки частного сектора позволяет сделать вывод о высокой оценке руководством страны значимости развития космических услуг, технологий и промышленности для экономики и безопасности.

Ключевые слова: космическая политика, частный сектор, коммерциализация, стартап, «Новый космос», JAXA, Япония.

Автор: Уханова Эркелей Владимировна, кандидат исторических наук, ассистент кафедры Теории и истории международных отношений, Факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ) (адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9). E-mail: erkeley9@mail.ru

Japan's space policy: state support for commercial sector

E.V. Ukhanova

Abstract. The article discusses the Japanese government's policy on space use and development, concentrating on the role and place of private companies and commercial space development in general. The global space services market is evidently growing nowadays, mainly thanks to the private sector growing in a number of countries. The number of companies and new start-ups dedicating their work to space activities is constantly increasing, and the range of services they are offering is expanding along with the improvement of quality. For a long time, Japanese private companies simply had no chances to commercialize their huge technological experience and scientific research. It was in the mid-2000s when the Japanese leadership finally made the decision to revise its stand regarding the use of space, thus opening the way for aerospace and defense enterprises to enter the domestic and foreign space markets. Japanese space law framework has come a long way of growth and completion shown in the article. Today, Japan has a comprehensive space development strategy carefully embracing the needs and interests of the private sector. The Japanese government is working on the development of the country's own self-sufficient private sector aiming both at stimulating domestic demand for space services and at conquering the foreign markets. A number of state programs have been developed with the goal of attracting new companies to the space sector, as well as programs concentrating on the creation of brand new technologies for the space industry. The article also attempts to analyze the process of practical implementation of space programs and projects involving both state and private companies. Japan's commercial space market problems, specific features, and future prospects also add to the picture.

Keywords: space policy, commercial space, commercialization, start-up, New Space, JAXA, Japan.

Author: *Ukhanova Erkeley V.*, PhD (History), assistant, School of International Relations, Saint-Petersburg University (address: 13B Universitetskaya Emb., St Petersburg, 199034, Russian Federation). E-mail: erkeley9@mail.ru

Значимость освоения космического пространства и его потенциал с точки зрения экономики и обеспечения безопасности в современном мире очевидны, о чём свидетельствует новая «космическая гонка». Япония в этом смысле не является исключением. Однако, по мнению самих японцев, осознание (недопустимости) упущенных возможностей по использованию космического пространства в своих интересах пришло к ним с опозданием. Поэтому сегодня Япония находится в положении догоняющего ушедших далеко вперед США, Китая, России, Европейского космического агентства.

В настоящее время стратегия Японии по освоению космоса базируется на двух составляющих – военной и коммерческой, что соответствует современным глобальным тенденциям в космической отрасли. С 2015 г. Япония официально считает эти два компонента равно важными для обеспечения своих национальных интересов. В связи с этим требуют изучения вопросы, касающиеся частного сектора японской космонавтики: правовое регулирование, взаимодействие с государством, современное состояние и перспективы.

Краткая история частной космонавтики

Процесс освоения космического пространства на начальных этапах своего развития ввиду высокой ресурсозатратности являлся прерогативой государства. С развитием технологий, с повышением степени их надёжности космос стал доступен и для частного капитала, прежде всего, в США. Коммерческий спутник можно было доставить на орбиту Земли, воспользовавшись услугами НАСА, с 1962 г., а в 1984 г. в США был принят закон, направленный на привлечение частного капитала в развитие космических технологий и освоение космоса [Commercial Space...]. После катастрофы шаттла «Челленджер» (1986 г.) услугами частных компаний стала пользоваться и НАСА. В 1990-е годы крупнейшие компании-подрядчики Министерства обороны США, в том числе McDonnell Douglas, Lockheed Martin, Boeing, стали предлагать услуги доставки космических аппаратов на орбиту и вскоре заняли львиную долю рынка коммерческих пусков. В 2010-е годы уверенную позицию в этой области заняла SpaceX (попутно потеснив российские компании на мировом рынке коммерческих пусков), среди её конкурентов – Northrop Grumman Innovation Systems, Blue Origin, Bigelow Aerospace, Rocket Lab.

В Европе нишу частных пусков занимает Arianespace. В России, Китае и Индии на рынке доставки грузов на земную орбиту, как и в космической отрасли в целом, по-прежнему доминирует государственный сектор. На российском рынке космических пусков с коммерческими грузами лидером является АО «Главкосмос Пусковые Услуги» – дочерняя компания Роскосмоса. В условиях констатируемого кризиса космической отрасли России привлекают внимание частные компании, которые в перспективе могли бы заполнить собой возникающие проблемные места: S7 Space, МТКС, Спутникс, Космокурс, ОКБ Пятое поколение [Россия: лидерство...]. Отметим также ряд компаний, разрабатывающих собственные проекты, но не имеющих на данный момент соответствующей государственной лицензии: Лин Индастриал, КБ ЛАРОС.

В 2014 г. в Китае частные компании получили разрешение инвестировать в космические технологии. Среди успешных стартапов – Landspace, OneSpace, Galactic Energy, LinkSpace, которые вносят свой вклад в китайскую космическую промышленность, демонстрирующую опережающие темпы развития.

В Индии десятки частных компаний занимаются космическими исследованиями, включая технологии доставки грузов на орбитальные высоты. В настоящее время в стадии разработки находится нормативная база, которая должна позволить частному капиталу ещё активнее участвовать в космической деятельности.

Тенденция к коммерциализации космической деятельности налицо: объём мирового рынка космических услуг растёт с каждым годом. По экспертным оценкам, в 2018 г. он составил 360 млрд долл. США, лишь 22,4 % из которых пришлось на государственный сектор [2018 Global...]. При этом растёт не только количество занятых в космической отрасли предприятий, но и расширяется сфера их деятельности. Современное понимание компании, занятой в космической отрасли, может включать в себя: производство спутников, средств доставки, других систем, размещаемых в космосе; производство наземного спутникового оборудования; услуги, в которых применяются спутниковые технологии (спутниковое телевидение, радио, широкополосная передача данных); услуги, опирающиеся на анализ спутниковых данных (также включая данные наземных систем) [Start-Up Space, 2019, p. 2].

Долгосрочные планы в области освоения космоса с привлечением частного капитала имеет и Япония, для чего в период 2008–2016 гг. была упорядочена нормативно-правовая база и система государственных органов, контролирующих космическую отрасль.

Космические законы Японии

В 1969 г. космическая деятельность Японии была ограничена решением парламента, провозгласившим исключительно «мирные» («невоенные») способы освоения космического пространства [Resolution...]. Курс был взят на развитие научно-технологического потенциала с практическим приложением, в первую очередь, в социальной и экономической сферах. На протяжении последующих сорока лет любые космические программы, включая эксплуатацию государственных космических систем, официально обосновывались научными целями и задачами. Это привело к тому, что вплоть до принятия нового законодательства в 2008 г. японские частные компании не принимали непосредственного участия в космической деятельности: не производились коммерческие космические запуски, на земной орбите не было японских частных спутников дистанционного зондирования. Единственной областью, связанной с космонавтикой, в которой могли работать частные компании, было производство спутников по государственному контракту. По заказу японских министерств Mitsubishi Heavy Industries производила коммуникационные спутники, Toshiba – спутники вещания, NEC – метеорологические спутники [Aoki, p. 367].

Исключение военной составляющей из космической программы Японии, как представляется, и явилось основной причиной её отставания в коммерческом освоении космоса. Ведь именно военные разработки впоследствии становятся фундаментом для развития космического бизнеса (известные примеры – GPS и ГЛОНАСС, разработанные для целей оборонных ведомств США и РФ, но ныне широко используемые для автомобильной навигации и в других гражданских областях). Поэтому закономерно то, что японское бизнес-лобби – Кэйданрэн – выступало за отмену решения 1969 г., видя в нём главное препятствие для освоения японскими компаниями внутреннего и зарубежных рынков космических услуг [Maeda, p. 4]. «Открытие» космической сферы для предприятий аэрокосмической и оборонной промышленности позволило бы японским компаниям конкурировать с американскими производителями, которые на основе Американо-японского соглашения о закупке спутников (1990 г.) в рамках системы государственных закупок поставляли абсолютное большинство использовавшихся японским правительством спутников связи, вещания и метеорологических спутников. Таким образом, Японией был наработан значительный научный потенциал, но не было возможности его коммерциализировать.

Осложнение региональной обстановки в 1990-х – 2000-х годах, прежде всего, развитие северокорейской ракетно-ядерной программы, и общая логика развития оборонной политики Японии после окончания холодной войны также способствовали пересмотру позиции японского государства в отношении использования космического пространства. Пока на рассмотрении парламента (2007–2008 гг.) находился законопроект, который должен был установить новые правила ведения космической деятельности, были предприняты первые шаги в направлении её коммерциализации. В 2007 г. Mitsubishi Heavy Industries получила от Японского агентства аэрокосмических исследований (JAXA) эксклюзивное право на производство и запуски ракет-носителей H-IIA и год спустя осуществила первый

коммерческий запуск спутника связи, принадлежавшего частной компании JSAT Corporation. В 2009 г. был заключён первый зарубежный контракт: южнокорейский многоцелевой спутник KOMPSAT-3 был выведен ракетой Н-ПА на солнечно-синхронную орбиту с космодрома Танэгасима в 2012 г. [Launch Result...].

В 2008 г. был принят «Основной закон о космосе», ставший основой для выработки полноценной, отвечающей современным вызовам космической стратегии Японии [Утюкихон...]. В законе ясно виден переход от космической политики, сосредоточенной на науке, к политике, отдающей приоритет интересам национальной безопасности и частного сектора. Так, в статье 16 зафиксировано обязательство государства всячески поощрять участие частных компаний в освоении и использовании космического пространства путём проведения налоговой и финансовой политики, упрощающей частные вложения в космическую промышленность. Кроме того, государство могло выступать и потребителем частных услуг, привлекая компании для проведения экспериментальных и исследовательских работ, совершенствования ракетных стартовых площадок, а также обеспечивать передачу результатов собственных исследований и разработок в частные руки. Таким образом, предполагалось взаимодействие государства и частных компаний в целях повышения конкурентоспособности японской космической промышленности на мировом рынке.

Сотрудничество государственного и частного секторов теперь распространялось и на сферу обороны: в законе было закреплено новое толкование «мирного» характера космической деятельности Японии как «ненаступательного», «оборонительного». Это означало, что Министерство обороны Японии вправе заниматься разработкой, производством, управлением собственными спутниками, предназначенными для противоракетной обороны и поддержки операций Сил самообороны. Хотя первые японские спутники разведки были выведены на орбиту ещё в 2003 г., официально они считались «спутниками для сбора информации» и производились Mitsubishi Electric Corporation в рамках сотрудничества с США.

В целях реализации нового курса в 2009 г. экспертной комиссией был разработан первый «Основной план космической политики». В список главных целей, поставленных перед космической отраслью Японии, было включено «возвращение стратегической промышленности для XXI века» [Basic, 2009, p. 3]. Другими словами, японское правительство отныне будет считать космическую промышленность стратегически значимой (подобно электронной и автомобильной) и, соответственно, будет способствовать эффективному развитию её частного сектора. Документом были определены несколько ключевых программ по созданию спутниковых систем на условиях частно-государственного партнёрства: системы наблюдения суши и океанов, системы наблюдения глобальных изменений окружающей среды, информационные и телекоммуникационные спутники, системы спутниковой навигации, спутники для обеспечения безопасности. Космические исследования и разработки планировалось сосредоточить на программах развития науки, деятельности человека в космосе, развитии солнечной энергетики.

Впоследствии для реализации перечисленных проектов правительством были разработаны программы поддержки предприятий малого бизнеса, венчурных компаний и университетов, занимающихся, в первую очередь, производством, запусками и орбитальными испытаниями малых и микроспутников. Поддержка заключалась в трансфере технологий из некосмических отраслей в космическую (и обратно),

предоставлении доступа к данным правительственных спутников, производственным площадкам и пусковым установкам. Количество занятых в космической отрасли предприятий увеличивалось за счёт специальных мер по сокращению налога на инвестиции, отмены налога на экспорт пусковых услуг. Кроме того, предоставлялся таможенный «иммунитет», упрощался порядок получения финансирования и страхования рисков.

В 2015 г. был разработан новый «Основной план космической политики», в котором отмечались происходившие на глобальном рынке космических услуг изменения, связанные с увеличением числа его участников. Было выдвинуто предположение, что внутренние рынки старых и новых космических держав не смогут обеспечить необходимые условия и инфраструктуру для активной деятельности и государственных, и частных компаний, и это откроет новые возможности для японской космической отрасли, в первую очередь, в строительстве спутников и предложении пусковых услуг.

Важная роль отведена государственной поддержке создаваемых в рамках частного сектора новых связанных с космосом предприятий, способных обрабатывать большие данные, получаемые с помощью спутниковых систем дистанционного зондирования и позиционирования. В частности, речь идёт о программе G-spatial society – перехода к обществу, которое активно использует геопространственные данные. Необходимую для этого единую информационную инфраструктуру, позволяющую определять местоположение объекта внутри и снаружи помещений, будет обеспечивать созвездие из семи квазизенитных спутников. Отметим, что такая система актуальна в условиях плотной городской застройки, так как спутниковый сигнал не отражается от стен высотных зданий и повышается точность позиционирования – до сантиметра. К настоящему моменту на орбиту выведены четыре из семи спутников, в создании которых участвовали компании-гиганты Mitsubishi Electric Corp., NEC Corp. [Exhibition...].

Совокупность предпринимаемых мер по расчётам японского правительства позволит в течение десяти лет довести суммарный (государственный и частный) объём производимого космического оборудования до 5 трлн иен [New basic, 2015, p. 7].

Предусмотренное «Основным планом космической политики» совершенствование правовой базы было продолжено принятием в 2016 г. двух законов: «Закона о запуске спутников и управлении спутниками» [Дзинко] и «Закона об обеспечении надлежащей обработки данных спутникового дистанционного зондирования» [Эйсэй]. Законами была упорядочена система получения разрешений и лицензий на осуществление соответствующего вида космической деятельности. Так, согласно «Закону о запуске спутников и управлении спутниками», для запуска спутника с территории Японии или с использованием воздушного судна, зарегистрированного в Японии, необходимо получить разрешение премьер-министра (статья 4). Процедура получения такого разрешения включает в себя подачу заявки и пакета документов, а также страхование возможного ущерба (статья 9), причём правительство берёт на себя обязательство обеспечить компенсацию части ущерба, который не может быть покрыт частной страховкой (статья 40). Деятельность по управлению спутниками с территории Японии требует наличия соответствующей лицензии, выдаваемой премьер-министром (статья 20).

Аналогичным образом в «Законе об обеспечении надлежащей обработки данных спутникового дистанционного зондирования» установлено, что лицо, намеревающееся использовать спутниковые приборы дистанционного зондирования с использованием

наземной радиостанции для управления и контроля, расположенной в Японии, должно получить лицензию у премьер-министра (статья 4). Кроме того, премьер-министр вправе запретить передачу определённых данных дистанционного зондирования в течение ограниченного времени, если это необходимо в целях национальной безопасности (статья 19).

Принятие этих двух законов упростило процесс получения лицензий и разрешений частными компаниями. Приём заявок согласно установленным стандартам начался в августе 2017 г., заявители должны обращаться в Комитет по национальной космической политике в составе Канцелярии Кабинета министров [Applying for...].

В мае 2017 г. тот же Комитет представил стратегию развития космической индустрии под названием Space Industry Vision 2030 [Утю сангё...]. Документ рассматривает космическую отрасль как движущую силу Четвёртой промышленной революции. Она будет основываться на инновациях в космических технологиях при снижении затрат благодаря компактности спутников и ракет, а также на объединении больших данных, искусственного интеллекта и Интернета вещей. В связи с этим отмечается необходимость дальнейшей коммерциализации космической отрасли, поскольку именно частные (венчурные) компании в силу своих небольших размеров, организационной гибкости и открытости новым идеям способны создавать инновации и эффективные бизнес-модели. Подобные компании развивают сферу космических услуг, в том числе производство малых спутников и малых ракет, техническое обслуживание спутников, освоение космических ресурсов, космический туризм.

Как отмечается в Space Industry Vision 2030, в области коммерциализации космической деятельности Япония пока ещё отстаёт от США и Европы по ряду причин: недостаточность финансирования предприятий, чья деятельность связана с рисками, нехватка человеческих ресурсов (технические кадры, IT-кадры, кадры с управленческими навыками) и клиентов на стадии роста рынка. Для решения этих проблем, отмечено в документе, JAXA уже предоставляет частным компаниям необходимое техническое руководство и консультации, а также возможности по эксплуатации своих испытательных установок, но этого недостаточно.

В помощь новым предприятиям в 2017 г. JAXA выпустило брошюру о технологиях дистанционного зондирования, в которой собрана основная информация, связанная с различными типами данных дистанционного зондирования, которые существуют в Японии и за рубежом [JAXA's useful...]. Используя этот материал, заинтересованные компании могут принять решение об использовании в своей деятельности спутниковых данных. В 2018 г. агентство JAXA запустило второе поколение открытого хранилища G-Portal, сделав данные государственных спутников доступными и бесплатными [G-Portal]. Любой желающий может ознакомиться с информацией о состоянии атмосферы, суши, океанов, движении льдов и т.д. и использовать её в своей работе. Например, префектуральные власти Японии, как и небольшие предприятия, отслеживают температуры морских вод для целей рыболовства.

Сервисы спутниковой навигации, разрабатываемые при участии частных компаний, планируется опробовать во время Олимпийских и Паралимпийских игр в Токио в 2020 г.¹ Демонстрационные тесты проведены на маршрутах между местами проведения соревнований и ближайшими станциями метро. В период Олимпиады основными

¹ В связи с пандемией коронавируса были перенесены на 2021 г.

пользователями будут иностранцы, а после Игр сервисы приспособят для нужд людей с ограниченными возможностями в рамках программ по созданию безбарьерной среды [Implementation, p. 74]. Таким образом, создаются условия для применения спутниковых данных в различных областях, включая персональные сервисы, туризм, логистику, сельское хозяйство, борьбу со стихийными бедствиями, картографирование, строительство и многие другие.

«Новый космос» и Япония

Примерно к 2006 г. можно отнести начало формирования новой тенденции в сфере коммерческого космоса, которая получила название Новый космос (New Space). В это понятие включается деятельность венчурных предприятий по освоению и использованию космического пространства. Это могут быть исследования и разработки в области космического туризма, длительного пребывания человека в космосе, транспортировки грузов, освоения космических природных ресурсов, а также лунные и марсианские программы. Компании могут использовать как собственные ресурсы, так и пользоваться поддержкой государства, крупных компаний, инвесторов («ангелов» и «супер-ангелов»), обычного населения (краудфандинг). Наиболее известным примером компании «Нового космоса» является американская SpaceX.

В Японии для поддержки космических стартапов разработана комплексная программа, состоящая из нескольких этапов. В 2016 г. была запущена интернет-платформа S-NET, на которой любой желающий (компания, частное лицо), интересующийся возможностями космического бизнеса, может получить консультации и предложить свою идею для обсуждения. Таким образом происходит аккумуляция информации и идей на одной площадке, формируется бизнес-сообщество космической отрасли. В рамках S-NET проводятся мастер-классы и публичные мероприятия, призванные распространять информацию о космосе и повышать интерес со стороны общества. Усилия предпринимаются и с целью повышения практической полезности сети S-NET. В 2018 г. канцелярия кабинета министров и Министерство экономики, торговли и промышленности заключили соглашения о сотрудничестве в развитии космической отрасли с Japan Space Systems (некоммерческая организация, занимающаяся продвижением космических технологий и их коммерциализацией) и Remote Sensing Technology Center of Japan (занимается исследованиями, разработками и продвижением технологий дистанционного зондирования). Совместную работу предполагается вести по пяти направлениям: увеличение числа консультационных центров S-NET, поддержка региональных властей в продвижении инициатив по созданию новых компаний, проведение в регионах Японии лекций о возможностях использования спутниковых данных и бизнес-мероприятий [METI...].

Для привлечения новых игроков на космический рынок необходимы новые идеи – такой подход реализован в инициативе S-Booster. С 2017 г. под таким названием проводится конкурс бизнес-идей, связанных с космосом, для реализации которых возможно создание новых венчурных компаний. Участвовать в конкурсе может любая компания или частное лицо, которые могут представить новую идею, свежий взгляд на решение какой-либо проблемы или разработать новый способ приложения космических технологий. Заявитель может выбрать один из двух видов участия: конкурс бизнес-планов или конкурс

перспективных концепций, то есть идей, которые могут быть реализованы в течение трёх и десяти лет соответственно. Отобранные заявки далее с помощью экспертов доводятся до стадии коммерческой жизнеспособности. За один месяц в 2017 г. было получено более трёхсот заявок на участие в конкурсе, что свидетельствует о высоком уровне интереса к рынку космических услуг со стороны японского бизнеса.

В 2018 г. была создана интернет-площадка S-Matching, с помощью которой авторы новых идей и технологий могут найти инвесторов для реализации своих проектов [Outer...]. Организация развития новой энергетики и промышленных технологий (NEDO) является оператором площадки, а JAXA предоставляет поддержку в технических вопросах предлагаемых проектов. На момент запуска в марте 2018 г. к S-Matching уже присоединились 46 различных инвесторов, готовых предоставлять не только финансирование, но и кадровую поддержку новых идей [Takakura, p. 28]. Платформа S-Matching, таким образом, даёт возможность найти партнёров как разработчикам, так и инвесторам.

На этапе практической реализации стартап может получить необходимое финансирование и в виде risk money. Общая сумма, выделенная на эти цели на пятилетний период (до 2023 г.), составляет 100 млрд иен и предоставляется Банком развития Японии и Innovation Network Corporation of Japan [Утю бэнтя...]. Такая пакетная частно-государственная поддержка нацелена на скорейшую реализацию наиболее перспективных идей.

Важную роль в продвижении коммерциализации играет популяризация космоса. С 2013 г. каждые два года проводится вручение наград S-AWARD за достижения в области освоения и использования космического пространства. В 2017 г. было принято решение о возможности присуждения этих наград венчурным компаниям, отличившимся именно своими инновационными разработками [Утю кайхацу...]. Победители получают финансовую и техническую поддержку со стороны правительства Японии. Ещё один положительный эффект S-AWARD заключается в подтверждении хорошей деловой репутации победителя, так как награды вручает лично премьер-министр.

Поворот Японии к «Новому космосу» и активизация усилий правительства по развитию частного сектора в последние годы свидетельствуют о стремлении сократить отставание японской космонавтики от ведущих космических держав. Главной проблемой на этом пути является высокая зависимость японской космической промышленности от спроса, создаваемого государством, который составляет 90 % рынка. Выход на зарубежные рынки и создание внутреннего спроса на коммерческие услуги, по мнению официальных лиц, должны вывести космическую промышленность Японии на мировой уровень [Japan...]. Пока японский рынок не демонстрирует больших объёмов, но у японских компаний есть преимущество в виде уже имеющегося технологического потенциала и традиционно мощной промышленности, что позволяет сокращать расходы на производство. Способность проектировать и строить, например, ракеты полностью своими силами позволит сохранять цены на услуги пуска на привлекательном для заказчика уровне. Так, в 2018 г. Canon Electronics, IHI Aerospace, Shimizu Corporation и Банк развития Японии создали новую компанию под названием Space One для предоставления пусковых услуг на малых ракетах. В совместном предприятии Canon Electronics отвечает за производство электронных компонентов, IHI Aerospace – за разработку ракет, Shimizu Corporation занимается управлением инфраструктурой и предоставлением услуг консалтинга, Банк развития Японии

решает финансовые вопросы. В 2019 г. Space One объявила о планах строительства собственного стартового комплекса в префектуре Вакаяма, который станет первым в Японии частным космодромом. К середине 2020-х годов компания планирует производить по 20 запусков в год [Announcement...].

Interstellar Technologies, созданная группой инвесторов в 2013 г., – другой пример стартапа на рынке пусковых услуг. В мае 2019 г. компания произвела успешный испытательный запуск малой исследовательской ракеты Мото-3 и продолжает работу над более крупной ракетой Zero. Последняя разрабатывается совместно с JAXA и будет использоваться для запусков недорогих малых спутников, что, в свою очередь, будет привлекать больше компаний в сферу их производства и использования. По оценкам инвесторов Interstellar Technologies, развитие многоцелевых и многоразовых ракет способствует росту космического рынка, а в ближайшее десятилетие стоит ожидать бума в секторе малых спутниковых аппаратов [Japanese New Space: Interstellar...]. В связи с этим показателен пример стартапа Synspective, который был основан в феврале 2018 г., а к июлю 2019 г. смог привлечь 100 млн долл. инвестиций на развитие программы малых спутников [Japanese...]. В октябре 2019 г. компания объявила о начале сотрудничества с норвежской KSAT, предоставляющей услуги управления созвездиями спутников с Земли [Norway's...]. Synspective специализируется на предоставлении универсальных решений с использованием спутниковых геопространственных данных. Технология, используемая компанией, была разработана в рамках правительственной программы ImPACT по строительству созвездия малых спутников для получения радиолокационных изображений Земли. Услуги Synspective уже востребованы в разных областях, включая инфраструктуру, городское планирование, финансы, предотвращение катастроф, энергетику. Первый демонстрационный спутник компания планирует запустить в 2020 г.

В сфере частно-государственного партнёрства Япония следует примеру США: подобно НАСА JAXA старается привлекать частный капитал к участию в своих проектах. В мае 2018 г. было объявлено о старте программы по созданию новых предприятий и исследовательских проектов совместно с частными компаниями под названием J-SPARC (JAXA Space Innovation through Partnership and Co-creation). Партнёрами JAXA могут стать частные компании, предприниматели, университеты, исследовательские институты, готовые работать над новыми идеями с момента их появления до практической реализации и коммерциализации. JAXA ведёт приём заявок, отбирает лучшие и предоставляет техническую поддержку, оборудование, консультации экспертов, помощь в подготовке демонстраций. J-SPARC нацелена на развитие нескольких ключевых направлений: расширение сферы деятельности человека в космосе, космические развлечения, решение социальных проблем на Земле. Пока в проектах участвуют, в основном, крупные японские компании.

В числе проектов в рамках J-SPARC – проект по созданию первого космического медиабизнеса. JAXA, SKY Perfect JSAT Corporation и Bascule Inc. в ноябре 2019 г. объявили о планах создания на борту японского экспериментального модуля Кибо (Международная космическая станция) студии телевидения для трансляции видеосигнала с МКС на Землю и обратно [Establishing...]. По замыслу разработчиков к 2022 г. будет создана новая система коммуникаций, которая позволит наладить «живое» общение между МКС и зрителями на Земле. Первые демонстрации запланированы на лето 2020 г.: будет показано действие нового

протокола передачи данных разработки Bascule Inc., в 2021 г. ожидается передача SKY Perfect JSAT изображений супервысокого разрешения с наружных камер модуля. JAXA рассматривает этот проект как возможность продемонстрировать перспективность низкой околоземной орбиты для ведения экономической деятельности.

Ряд проектов реализуется JAXA совместно с крупнейшим авиаперевозчиком Японии ANA Holdings. Один из них рассчитан на сокращение расхода топлива самолётов за счёт оптимизации траектории их полёта на основе спутниковых данных. Идея заключается в коррекции плана полёта воздушного судна в режиме реального времени, исходя из данных о направлении и силе ветра в каждой точке маршрута. Это актуально для трансокеанских маршрутов, где нет фиксированных точек наблюдения за состоянием атмосферы, а спутники предоставляют техническую возможность получения точных данных. Экономический эффект оценивается в экономии 3,56 млн тонн топлива в год при сокращении его потребления на 1%, что, соответственно, сокращает выбросы парниковых газов в атмосферу [Эйсэй-дэ...]. Идея принадлежит одному из сотрудников ANA Holdings, который предложил её для участия в конкурсе S-Booster-2017, по результатам которого проект получил главный приз [S-Booster...]. В январе 2019 г. ANA Holdings и JAXA подписали контракт об использовании спутников и проведении предварительных исследований.

Перспектив освоения космоса касается другой проект ANA Holdings и JAXA в рамках инициативы J-SPARC. В 2018 г. компании объявили о начале совместных работ над проектом AVATAR X, целью которого является роботизация деятельности человека в космосе с помощью технологий «аватар» – роботов, дистанционно управляемых людьми. Пилот и его аватар синхронизируются таким образом, что человек может получать и воспринимать информацию, собираемую его роботом в режиме реального времени. По планам разработчиков, технология аватар будет использоваться в космическом строительстве, в техническом обслуживании и эксплуатации космических станций и других объектов, включая объекты на Луне и Марсе, а также в целях космического туризма. На первом этапе программы (2018 г.) был создан консорциум с участием правительства, частных компаний, научных кругов, стартапов для выработки концепции и дорожной карты проекта. Второй этап предусматривает создание специальной исследовательской площадки AVATAR X Lab@OITA в префектуре Оита (о. Кюсю), где будут проводиться испытания аватаров в приближенных к лунным условиям. На третий этап (2020 г.) запланировано проведение испытаний на низкой околоземной орбите, а четвёртый предусматривает выход на Луну, Марс и в перспективе – в глубокий космос [Утю кукан..]. В программу AVATAR X вовлечены около тридцати компаний и организаций.

JAXA и продовольственная компания OneTable работают над проектом BOSAI SPACE FOOD, нацеленным на решение проблем производства и поставок продовольствия на Земле и в космосе. Проект основан на идее о том, что закрытое пространство и ограниченное количество воды и пищи, характерные для пребывания в космосе, аналогичны ситуации в пострадавших от природных и техногенных катастроф районах. BOSAI SPACE FOOD – это новая категория продуктов питания, которые можно употреблять как в условиях бедствия на Земле, так и в космосе. В настоящее время ведётся сбор заявок от желающих присоединиться к проекту [Босай бунья...].

Лунную программу Японии поддерживает совместный коммерческий проект JAXA, Toyota Motor Corporation и Bridgestone Corporation по созданию пилотируемого лунного

ровера с запасом хода в 10 тыс. км [Japanese Space Exploration...]. Собственный луноход разрабатывают iSpace Inc. и NGK SPARK PLUG – это первая в мире коммерческая программа лунных исследований под названием HAKUTO-R. На 2021 г. запланирована доставка и испытания твердотельных аккумуляторов производства NGK SPARK PLUG на Луне. По прогнозам разработчиков, освоение лунных ресурсов потребует решения вопросов хранения источников энергии и их использования в экстремальных температурных условиях Луны, и технологии, отработанные в рамках HAKUTO-R, позволят им занять свою нишу в космическом бизнесе [Japan's iSpace...].

Действия правительства Японии по расширению участия в освоении космоса частных компаний включают в себя и усилия по выходу на зарубежные рынки. Рабочие группы, объединяющие специалистов из различных министерств, занимаются анализом космических нужд и перспектив отдельных стран. Используя эту информацию, японские компании могут оценить спрос и предложить свои услуги. Перспективными областями международного сотрудничества считаются не только предоставление пусковых услуг и строительство спутников, но и обучение персонала и техническая поддержка космических программ тех стран, которые только начинают свой космический путь. Увеличивая количество участников мирового космического рынка, можно создавать новые возможности для японских стартапов и крупных аэрокосмических предприятий. Так, в 2016 г. JAXA и Министерство транспорта, мореходства и связи Турции подписали соглашение, предусматривающее для последней возможность запуска с экспериментального модуля Кибо своего микроспутника. Кроме того, Mitsubishi Electric поставляет в Турцию спутники связи.

На текущий момент наблюдается спрос, в основном, на услуги по строительству и запуску спутников. Традиционными партнёрами Японии можно считать Сингапур, Таиланд, Малайзию, Филиппины, в числе новых – страны ЮВА, Ближнего Востока, Африки. В январе 2019 г. с космодрома Утиноура на орбиту выведен вьетнамский спутник MicroDragon, в октябре того же года NEC и Sumitomo Corp. получили от правительства Вьетнама заказ на строительство спутника LotuSat-1 [Vietnam...]. В октябре 2019 г. японская Axelspace Corporation подписала соглашение с Broadband Systems Corporation (Руанда) о предоставлении данных дистанционного зондирования Земли. Первым совместным проектом станет мониторинг строительства международного аэропорта на юго-востоке Руанды [Japan's AxelSpace...]. Mitsubishi Heavy Industries предоставит ракету-носитель для марсианской программы ОАЭ. Запуск запланирован на 2021 г. и приурочен к 50-летию со дня основания этого ближневосточного государства.

В 2019 г. SKY Perfect JSAT подписала соглашение о сотрудничестве с Airbus в рамках проекта SpaceDataHighway, реализуемого совместно с Европейским космическим агентством. SpaceDataHighway. Это система спутников, находящихся на разных орбитах и передающих сигналы с помощью сверхширокополосной лазерной связи, которая способна с высокой скоростью передавать большие массивы данных. Система введена в эксплуатацию в 2016 г. и покрывает территорию от восточного побережья Америки до Индии, а японская компания будет работать над сегментом в АТР [Airbus...]. Увеличение количества иностранных заказов, таким образом, является главным способом расширения японского присутствия на мировом рынке.

В начале эры космонавтики только вооруженные силы и космические ведомства двух сверхдержав были способны выводить спутники на орбиту, теперь же это можно сделать,

выбрав подходящую частную компанию, а цены на услуги снижаются с каждым годом. Очевидно, что с выходом на рынок азиатских компаний конкуренция в частном секторе не будет явлением исключительно экономическим, поскольку космос стал ареной новой гонки вооружений [Фененко, 2008].

Таким образом, Японией к настоящему времени сформулирована комплексная стратегия, которая позволит ей стать полноценной участницей мировых процессов освоения космоса. Важнейшая роль здесь отводится частному сектору: государством реализуется ряд крупных проектов по созданию новых отраслей космической промышленности и привлечению в них частных компаний. Важно подчеркнуть, что получают поддержку не только крупные компании, известные всему миру, но и предприятия среднего и малого бизнеса и даже отдельные идеи рядовых японцев. Это способствует качественному совершенствованию космической отрасли японской экономики, которая ставит целью достижение позиций мирового лидера в области космических услуг. Таким образом, особенностью космической политики Японии на современном этапе является полноценное сопровождение и поддержка государством частного сектора: от идеи до её реализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Босай бунъя-ни окэру J-SPARC дзигё консэпуто кёсо-ни кансуру обоэгаки-но тэйкэцу-ни цуйтэ. Ван-Тэбуру-JAXA кёдо-дэ BOSAI SPACE FOOD PROJECT-о сидо : [OneTable и JAXA совместно запустили BOSAI SPACE FOOD PROJECT: заключение меморандума о совместной разработке концепции J-SPARC в области предотвращения стихийных бедствий] // Japan Aerospace Exploration Agency. 30.08.2018. URL: http://www.jaxa.jp/press/2018/08/20180830_jsparc_j.html (дата обращения: 10.01.2020).

Дзинко эйсэйто-но утиагэ оёби дзинко эйсэй-но канри-ни кансуру хорицу (Хэйсэй 26-нэн хорицу дай 76-го) : [Закон о запуске спутников и управлении спутниками. 2016 г., No 76]. URL: https://www8.cao.go.jp/space/english/activity/documents/space_activity_act.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

Россия: лидерство в космосе уходит в прошлое // Eurasianet. 15.10.2019. URL: <https://russian.eurasianet.org/россия-лидерство-в-космосе-уходит-в-прошлое> (дата обращения: 14.01.2020).

Утю бэнтя икусэй-но тамэ-но аратана сиэн паккэдзи : [Новый пакет поддержки развития космического предприятия] URL: <https://www8.cao.go.jp/space/policy/pdf/package.pdf> (дата обращения: 14.01.2020).

Утю кайхацу риё тайсё : [Премия за освоение космоса]. URL: <http://www.uchuriyo.space/taishou/> (дата обращения: 14.01.2020).

Утю кихон хо (Хэйсэй 20-нэн 5-гацу 28-нити хорицу дай 43-го) : [Основной закон о космосе, 28 мая 2008 г., No 43]. URL: http://www.shugiin.go.jp/internet/itdb_housei.nsf/html/housei/kaiji169_1.htm (дата обращения: 10.01.2020).

Утю кука-дэ AVATAR-о кацуё сита дзигё-о кёсо итасимас. AVATAR X Program-о сидо, сёрай-ва гэцумэн-э : [Создание совместного бизнеса по использованию AVATAR в космосе. Запуск программы AVATAR X: к будущему на Луне] // Japan Aerospace

Exploration Agency. 06.09.2018. URL: http://www.jaxa.jp/press/2018/09/20180906_avatarx_j.html (дата обращения: 10.01.2020).

Утю сангё бидзён 2030. Дай 4-дзи сангё какумэйка-но утю риё содзо : [Обзор космической индустрии 2030. Использование космоса в рамках Четвёртой промышленной революции]. URL: <https://www8.cao.go.jp/space/vision/mbrlistsitu.pdf> (дата обращения: 12.01.2020).

Фененко А.В. Конкуренция в космосе и международная безопасность // Международные процессы. 2008. Т. 6, № 3. С. 26–41.

Эйсэй-дэ сё-энэ хико руто кэтгэй. Дзэнникку-га JAXA-то дзицугэн мэдзасу : [ANA и JAXA поставили цель: энергоэффективные лётные маршруты по спутнику] // SankeiBiz. 31.05.2019. URL: <https://www.sankeibiz.jp/business/news/190531/bsd1905310500011-n1.htm> (дата обращения: 15.01.2020).

Эйсэй римото сэнсингу кироку-но тэкисэйна ториацукай-но какухо-ни кансүру хорицу (Хэйсэй 26-нэн 11-гацу 16-нити хорицу дай 77-го) : [Закон об обеспечении надлежащей обработки данных спутникового дистанционного зондирования. 16.11.2016 г., № 77]. URL: https://www8.cao.go.jp/space/english/rs/rs_act.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

S-Booster 2017 сайсю сэмбацукай : [Финальный отбор S-Booster 2017] // Cabinet Office, Government of Japan. URL: https://www.cao.go.jp/minister/1708_m_matsuyama/photo/2017-028.html (дата обращения: 15.01.2020).

2018 Global Space Economy. URL: https://brycotech.com/downloads/2018_Global_Space_Economy.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

Airbus And Japan's JSAT Partner To Design SpaceDataHighway Relay Node // Spacewatch. 27 February 2019. URL: <https://spacewatch.global/2019/02/airbus-and-japans-jsat-partner-to-design-spacedatahighway-relay-node/> (дата обращения: 10.01.2020).

Announcement: Selection of planned construction site for small rocket launch complex // SPACE ONE Co., Ltd. 26 March 2019. URL: https://www.space-one.co.jp/doc/pressrelease190326_en.pdf (дата обращения: 14.01.2020).

Aoki S. Current status and recent developments in Japan's national space law and its relevance to Pacific Rim space law activities // Journal of space law. 2009. Vol. 35. P. 363–438.

Applying for a Permission Related to the Launching of Spacecraft, etc. and License Related to the Control of Spacecraft // Space Activity Act Group, National Space Policy Secretariat, Cabinet Office. URL: <https://www8.cao.go.jp/space/english/activity/application.html> (дата обращения: 12.01.2020).

Basic Plan for Space Policy: Wisdom of Japan Moves Space. Tokyo: Strategic Headquarters for Space Policy, 2009. 76 p.

Commercial Space Launch Act, Oct. 30, 1984. URL: <https://uscode.house.gov/statutes/pl/98/575.pdf> (дата обращения: 10.01.2020).

Establishing a studio inside the International Space Station in 2020 for the world's first two-way streaming of live programs! Launch of space media business collaborations between JAXA, Bascule and SKY Perfect JSAT // Japan Aerospace Exploration Agency. 6 November 2019. URL: <https://global.jaxa.jp/press/2019/11/20191106a.html> (дата обращения: 15.01.2020).

Exhibition of the QZS-4 // Cabinet Office, Government Of Japan. 18 August 2017. URL: https://qzss.go.jp/en/events/kamakura_170809.html (дата обращения: 10.01.2020).

G-Portal. URL: <https://gportal.jaxa.jp/gpr/index/index> (дата обращения: 10.01.2020).

Implementation Plan of the Basic Plan on Space Policy (revised FY2017). Tokyo: National Space Policy Secretariat, 2017. 118 p.

Japan changes tack and turns to private sector in space race // The Financial Times. 22 October 2018. URL: <https://www.ft.com/content/932a2822-b085-11e8-87e0-d84e0d934341> (дата обращения: 10.01.2020).

Japanese New Space: Interstellar Technologies' Momo-3 Test Vehicle Successfully Reaches Space // Spacewatch. 7 May 2019. URL: <https://spacewatch.global/2019/05/japanese-new-space-interstellar-technologies-momo-3-test-vehicle-successfully-reaches-space/> (дата обращения: 10.01.2020).

Japanese Space Exploration: Bridgestone Joins JAXA And Toyota In Commercial Moon Mission // Spacewatch. 16 April 2019. URL: <https://spacewatch.global/2019/04/japanese-space-exploration-bridgestone-joins-jaxa-and-toyota-in-commercial-moon-mission/> (дата обращения: 15.01.2020).

Japanese Space Industry Startup Synspective Raises US \$100 Million in Funding // Spacewatch. 29 July 2019. URL: <https://spacewatch.global/2019/07/japanese-space-industry-startup-synspective-raises-us-100-million-in-funding/> (дата обращения: 14.01.2020).

Japan's AxelSpace Partners With Rwanda's Broadband Systems Corporation To Provide Satellite Imagery To African Countries // Spacewatch. 7 October 2019. URL: <https://spacewatch.global/2019/10/japans-axelspace-partners-with-rwandas-broadband-systems-corporation-to-provide-satellite-imagery-to-african-countries/> (дата обращения: 10.01.2020).

Japan's iSpace Adds NKG Spark Plug As Corporate Partner In Lunar Mission // Spacewatch. 27 February 2019. URL: <https://spacewatch.global/2019/02/japans-ospace-adds-nkg-spark-plug-as-corporate-partner-in-lunar-mission/> (дата обращения: 10.01.2020).

JAXA's useful Earth observation technologies. URL: https://global.jaxa.jp/projects/sat/alos2/pdf/daichi2_jaxas_useful.pdf (дата обращения: 12.01.2020).

Launch Result of the Global Changing Observation Mission 1st - Water "SHIZUKU" (GCOM-W1) and the Korean Multi-purpose Satellite 3 (KOMPSAT-3) by H-IIA Launch Vehicle No. 21 // Mitsubishi Heavy Industries, Ltd. 12 May 2012. URL: https://www.mhi.com/notice/notice_120518_1.html (дата обращения: 10.01.2020).

Maeda S. Transformation of Japanese Space Policy: From the 'Peaceful Use of space' to 'the Basic Law on Space' // The Asia-Pacific Journal. 2009. Vol. 44. P. 1–7.

METI to enhance the "Space new economy creation network (S-NET)" program to be more sustainable, autonomous, practical // Ministry of Economy, Trade and Industry. 13 July 2018. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2018/0713_002.html (дата обращения: 15.01.2020).

New Basic Plan on Space Policy. Tokyo: Strategic Headquarters for Space Policy, 2015. 21 p.

Norway's KSAT Partners With Japan's Synspective To Support Global SAR Constellation // Spacewatch. 14 October 2019. URL: <https://spacewatch.global/2019/10/norways-ksat-partners-with-japans-synspective-to-support-global-sar-constellation/> (дата обращения: 14.01.2020).

Outer Space Entrepreneurs: Business Matching Platform, "S-Matching," Launched for Encouraging Investment in Space Industry // Ministry of Economy, Trade and Industry. 31 May 2018. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2018/0531_004.html (дата обращения: 15.01.2020).

Resolution concerning the fundamentals of space development and exploitation by Japan, House of Representatives, 9 May 1969 / Defense of Japan. Tokyo, 1987. Appendix 22.

Start-Up Space. Update on Investment in Commercial Space Ventures. 2019. URL: https://brycetechnology.com/downloads/Bryce_Start_Up_Space_2019.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

Takakura H. Recent Trends in Japan's Space Policy – Centered on Promoting the Space Industry // Japan SPOTLIGHT. July/August 2018. P. 24–28.

Vietnam Formally Orders EO LotuSat-1 From Japan's NEC And Sumitomo Corp. // Spacewatch. 22 October 2019. URL: <https://spacewatch.global/2019/10/vietnam-formally-orders-eo-lotusat-1-from-japans-nec-and-sumitomo-corp/> (дата обращения: 10.01.2020).

REFERENCES

Aoki, S. (2009). Current status and recent developments in Japan's national space law and its relevance to Pacific Rim space law activities, *Journal of space law*, 35: 363–438.

Bryce Space and Technology. (2018). Global Space Economy. URL: https://brycetechnology.com/downloads/2018_Global_Space_Economy.pdf (accessed: 10 January 2020).

Bryce Space and Technology. (2020). Start-Up Space. Update on Investment in Commercial Space Ventures. URL: https://brycetechnology.com/downloads/Bryce_Start_Up_Space_2019.pdf (accessed: 10 January 2020).

Cabinet Office, Government of Japan. (2016). Eisei rimoto senshingu kiroku no tekiseina toriatsukai no kakuho ni kansuru horitsu (Heisei 26 nen 11 gatsu 16 nichi horitsu dai 77 go) [Act on Ensuring Appropriate Handling of Satellite Remote Sensing Data (Act No. 77 of November 16, 2016)], URL: https://www8.cao.go.jp/space/english/rs/rs_act.pdf (accessed: 10 January 2020). (In Japanese).

Cabinet Office, Government of Japan. (2016). Jinko eisei to no uchiage oyobi jinko eisei no kanri ni kansuru horitsu (Heisei 26 nen horitsu dai 76 go) [Act on Launching of Spacecraft, etc. and Control of Spacecraft (Act No. 76 of 2016)]. URL: https://www8.cao.go.jp/space/english/activity/documents/space_activity_act.pdf (accessed: 10 January 2020). (In Japanese).

Cabinet Office, Government of Japan. (2017). Exhibition of the QZS-4. URL: https://qzss.go.jp/en/events/kamakura_170809.html (accessed: 10 January 2020).

Cabinet Office, Government of Japan. (2017). S-Booster 2017 saishu sembatsukai [Final selection S-Booster 2017]. URL: https://www.cao.go.jp/minister/1708_m_matsuyama/photo/2017-028.html (accessed: 15 January 2020).

Cabinet Office, Government of Japan. (2017). Uchu sangyo bijon 2030. Dai 4 ji sangyo kakumeika no uchu riyo sozo [Space Vision 2030. Space use under the 4th Industrial Revolution]. URL: <https://www8.cao.go.jp/space/vision/mbrlistsitu.pdf> (accessed: 12 January 2020). (In Japanese).

Cabinet Office, Government of Japan. (2018). Implementation Plan of the Basic Plan on Space Policy (revised FY2017), Tokyo: National Space Policy Secretariat.

Cabinet Office, Government of Japan. (2018). Uchu bencha ikusei no tame no aratana sien pakkeji [New support package for space venture development]. URL: <https://www8.cao.go.jp/space/policy/pdf/package.pdf> (accessed: 14 January 2020). (In Japanese).

Cabinet Secretariat. (2009). Basic Plan for Space Policy: Wisdom of Japan Moves Space, Tokyo: Strategic Headquarters for Space Policy.

Cabinet Secretariat. (2015). New Basic Plan on Space Policy, Tokyo: Strategic Headquarters for Space Policy.

Defense of Japan. (1987). Resolution concerning the fundamentals of space development and exploitation by Japan, House of Representatives, 9 May 1969.

Eurasianet. (2019). Rossiya: liderstvo v kosmose ukhodit v proshloye [Russia's space leadership is in the past]. URL: <https://russian.eurasianet.org/россия-лидерство-в-космосе-уходит-в-прошлое> (accessed: 14 January 2020). (In Russian).

Fenenko, A. (2008). Konkurentsia v kosmose i mezhdunarodnaya bezopasnost' [Space Competition and International Security], *Mezhdunarodnyye protsessy*, 6 (3): 26-41. (In Russian).

Japan Aerospace Exploration Agency. (2017). JAXA's useful Earth observation technologies. URL: https://global.jaxa.jp/projects/sat/alos2/pdf/daichi2_jaxas_useful.pdf (accessed: 12 January 2020).

Japan Aerospace Exploration Agency. (2018). Bosai bun'ya ni okeru J-SPARC jigyo konseputo kyoso ni kansuru oboegaki no teiketsu ni tsuite. OneTable-JAXA kyodo de BOSAI SPACE FOOD PROJECT wo shido [On Memorandum of Understanding on Co-creation of J-SPARC Business Concept in the Field of Disaster Prevention. OneTable and JAXA jointly launched "BOSAI SPACE FOOD PROJECT"]. URL: http://www.jaxa.jp/press/2018/08/20180830_jsparc_j.html (accessed: 10 January 2020). (In Japanese).

Japan Aerospace Exploration Agency. (2018). G-Portal. URL: <https://gportal.jaxa.jp/gpr/index/index> (accessed: 10 January 2020).

Japan Aerospace Exploration Agency. (2018). Uchu kukan de AVATAR wo katsuyo shita jigyo wo kyoso itashimasu. "AVATAR X Program" wo sido, shorai wa getsumen e [Co-creating a business utilizing AVATAR in outer space. Launched "AVATAR X Program", going to the Moon in the future]. URL: http://www.jaxa.jp/press/2018/09/20180906_avatarx_j.html (accessed: 10 January 2020). (In Japanese).

Japan Aerospace Exploration Agency. (2019). Establishing a studio inside the International Space Station in 2020 for the world's first two-way streaming of live programs! Launch of space media business collaborations between JAXA, Bascule and SKY Perfect JSAT. URL: <https://global.jaxa.jp/press/2019/11/20191106a.html> (accessed: 15 January 2020).

Japan Space Forum. (2019). Uchu kaihatsu riyo taisho [Space Development Award]. URL: <http://www.uchuriyo.space/taishou/> (accessed: 14 January 2020). (In Japanese).

Maeda, S. (2009). Transformation of Japanese Space Policy: From the 'Peaceful Use of space' to 'the Basic Law on Space', *The Asia-Pacific Journal*, 44: 1-7.

Ministry of Economy, Trade and Industry. (2018). METI to enhance the "Space new economy creation network (S-NET)" program to be more sustainable, autonomous, practical. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2018/0713_002.html (accessed: 15 January 2020).

Ministry of Economy, Trade and Industry. (2018). Outer Space Entrepreneurs: Business Matching Platform, "S-Matching," Launched for Encouraging Investment in Space Industry. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2018/0531_004.html (accessed: 15 January 2020).

Mitsubishi Heavy Industries, Ltd. (2012). Launch Result of the Global Changing Observation Mission 1st - Water "SHIZUKU" (GCOM-W1) and the Korean Multi-purpose Satellite 3 (KOMPSAT-3) by H-IIA Launch Vehicle No. 21. URL: https://www.mhi.com/notice/notice_120518_1.html (accessed: 10 January 2020).

SankeiBiz. (2019). Eisei de sho ene hiko ruto kettei. Zennikku ga JAXA to jitsugen mezasu [Decision on energy-saving flight route by satellite: ANA aims to achieve with JAXA]. URL: <https://www.sankeibiz.jp/business/news/190531/bsd1905310500011-n1.htm> (accessed: 15 January 2020). (In Japanese).

Space Activity Act Group, National Space Policy Secretariat, Cabinet Office. (2017). Applying for a Permission Related to the Launching of Spacecraft, etc. and License Related to the Control of Spacecraft. URL: <https://www8.cao.go.jp/space/english/activity/application.html> (accessed: 12 January 2020).

SPACE ONE Co., Ltd. (2019). Announcement: Selection of planned construction site for small rocket launch complex. URL: https://www.space-one.co.jp/doc/pressrelease190326_en.pdf (accessed: 14 January 2020).

Spacewatch. (2019). Airbus And Japan's JSAT Partner To Design SpaceDataHighway Relay Node. URL: <https://spacewatch.global/2019/02/airbus-and-japans-jsat-partner-to-design-spacedatahighway-relay-node/> (accessed: 10 January 2020).

Spacewatch. (2019). Japanese New Space: Interstellar Technologies' Momo-3 Test Vehicle Successfully Reaches Space. URL: <https://spacewatch.global/2019/05/japanese-new-space-interstellar-technologies-momo-3-test-vehicle-successfully-reaches-space/> (accessed: 10 January 2020).

Spacewatch. (2019). Japanese Space Exploration: Bridgestone Joins JAXA And Toyota In Commercial Moon Mission. URL: <https://spacewatch.global/2019/04/japanese-space-exploration-bridgestone-joins-jaxa-and-toyota-in-commercial-moon-mission/> (accessed: 15 January 2020).

Spacewatch. (2019). Japanese Space Industry Startup Synspecitive Raises US \$100 Million in Funding. URL: <https://spacewatch.global/2019/07/japanese-space-industry-startup-synspecitive-raises-us-100-million-in-funding/> (accessed: 14 January 2020).

Spacewatch. (2019). Japan's AxelSpace Partners With Rwanda's Broadband Systems Corporation To Provide Satellite Imagery To African Countries. URL: <https://spacewatch.global/2019/10/japans-axelspace-partners-with-rwandas-broadband-systems-corporation-to-provide-satellite-imagery-to-african-countries/> (accessed: 10 January 2020).

Spacewatch. (2019). Japan's iSpace Adds NKG Spark Plug As Corporate Partner In Lunar Mission. URL: <https://spacewatch.global/2019/02/japans-ispaces-adds-nkg-spark-plug-as-corporate-partner-in-lunar-mission/> (accessed: 10 January 2020).

Spacewatch. (2019). Norway's KSAT Partners With Japan's Synspecitive To Support Global SAR Constellation. URL: <https://spacewatch.global/2019/10/norways-ksat-partners-with-japans-synspecitive-to-support-global-sar-constellation/> (accessed: 14 January 2020).

Spacewatch. (2019). Vietnam Formally Orders EO LotuSat-1 From Japan's NEC And Sumitomo Corp.. URL: <https://spacewatch.global/2019/10/vietnam-formally-orders-eo-lotusat-1-from-japans-nec-and-sumitomo-corp/> (accessed: 10 January 2020).

Takakura, H. (2018). Recent Trends in Japan's Space Policy — Centered on Promoting the Space Industry, *Japan SPOTLIGHT*, July/August: 24–28.

The Financial Times. (2018). Japan changes tack and turns to private sector in space race. URL: <https://www.ft.com/content/932a2822-b085-11e8-87e0-d84e0d934341> (accessed: 10 January 2020).

The House of Representatives. (2008). Uchu kihon ho (Heisei 20 nen 5 gatsu 28 nichi horitsu dai 43 go) [Basic space law, 28 May 2008, Act No. 43]. URL:

http://www.shugiin.go.jp/internet/itdb_housei.nsf/html/housei/kaiji169_1.htm (accessed: 10 January 2020). (In Japanese).

US Congress. (1984). Commercial Space Launch Act. URL: <https://uscode.house.gov/statutes/pl/98/575.pdf> (accessed: 10 January 2020).

Поступила в редакцию 30.01.2020

Received 30 January 2020

Для цитирования: Уханова Э.В. Космическая политика Японии: государственная поддержка частного бизнеса // Японские исследования. 2020. № 2. С. 63–81. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10012

For citation: Ukhanova E.V. (2020). Kosmicheskaya politika Yaponii: gosudarstvennaya podderzhka chastnogo biznesa [Japan's space policy: state support for commercial sector], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 2: 63–81. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10012

Японские исследования. 2020. № 2. С. 82–95.

Japanese Studies in Russia, 2020, 2, pp. 82–95.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10013

Типы персонажей в произведении Дзиппэнся Икку «То:кайдо:тю: хидзакуригэ»

А.Ю. Борькина

Аннотация. Статья поднимает проблему классификации многочисленных персонажей произведения Дзиппэнся Икку «То:кайдо:тю: хидзакуригэ», одного из ярчайших представителей жанра *коккэйбон*, относящегося к юмористическому пласту развлекательной литературы *гэсаку* эпохи Токугава. При этом объектом исследования становятся как специфические черты, так и основные функции героев, комическое взаимодействие которых составляет основу развития повествования «То:кайдо:тю: хидзакуригэ». Система персонажей рассматривается как один из важнейших факторов популярности произведения, которое считается одним из первых бестселлеров подобного масштаба в рамках литературы *гэсаку*. Все персонажи подразделяются на три группы: протагонисты, «блуждающие» персонажи и «провинциальные» персонажи, внутри которых также выделяются более дробные категории. Протагонисты воплощают собой образ типичных *эдокко*, столичных жителей, презирающих провинциальные обычаи и сосредоточенных на чувственных наслаждениях. Построение произведения вокруг путешествия двух мужских персонажей восходит к традициям японской путевой литературы, однако по сравнению с предшественниками, в работе Икку просматривается и ряд новаторских тенденций. Юмористическое взаимодействие главных героев разнообразно и происходит, прежде всего, в условиях «комедии положений» или на основе механизмов фарсов *кё:гэн*. «Блуждающие» персонажи представлены такими категориями, как персонажи, связанные с транспортом; путешественники; мошенники и авантюристы; персонажи религиозной сферы; воины. Каждая из категорий наделена определённым набором характеристик и функций: например, мошенники и авантюристы являются двигателями повествования и инициируют комические ситуации, а персонажи религиозной сферы сглаживают конфликтные ситуации между протагонистами и прочими действующими лицами. То же разнообразие черт и функций присуще и «провинциальным» персонажам, представленным обслуживающим персоналом постоянных дворов; торговцами; хозяевами чайных домиков и провинциальными жителями. Так, девушки-зазывалы на постоянных дворах почтовых станций То:кайдо:, создают особую атмосферу произведения и вводят в повествование новые локации, а торговцы представляют читателю знаменитые продукты той или иной местности. Основные положения анализа иллюстрируются фрагментами исследуемого произведения в переводе автора статьи.

Ключевые слова: Япония, эпоха Токугава, *гэсаку*, юмористическая литература, *коккэйбон*, Дзиппэнся Икку, тракт То:кайдо:.

Автор: Борькина Анастасия Юрьевна, старший преподаватель, Департамент востоковедения и африканистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (Санкт-Петербург) (190121, Санкт-Петербург, Союза Печатников ул., д. 16). ORCID: 0000-0002-9445-1958; E-mail: an_borkina@mail.ru

Types of characters in Jippensha Ikku's *Tōkaidōchū Hizakurige*

A.Yu. Borkina

Abstract. The problem of the classification of numerous characters in Jippensha Ikku's *Tōkaidōchū Hizakurige*, one of the prominent works of *kokkeibon* ("funny books"), a genre of entertaining literature *gesaku*, is raised in the article. Typical features of the characters, whose comical interaction is the main motive of the narration, altogether with their primary functions are the objects of the research. The system of the characters is perceived here as one of the most significant factors of the literary work's popularity, taking into consideration the fact that *Tōkaidōchū Hizakurige* was one of the first *gesaku* bestsellers of such scale. All the characters are divided into three groups, namely, the protagonists, the "wandering" characters, and the "provincial" characters, among which smaller categories are pointed out. The protagonists are typical *edokko*, the citizens of the capital, who despise provincial traditions and are concentrated on sensuous pleasures. A narration developed around the journey of two male characters is a typical literary device for the traditional Japanese travel literature, however, compared to his literary predecessors, Ikku shows some new tendencies as well. The comical interaction of the main characters varies and takes place mainly in the form of "situational comedy", or *kyōgen*. The "wandering" characters are presented by such categories as transportation sphere's characters, swindlers, travelers, religious characters, warriors. Each category has its own features and functions, for instance, swindlers stimulate the narration's flow as well as cause comical situations, whereas religious characters smooth out the conflicts between the protagonists and other characters. The same is also relevant for the "provincial" characters, who are represented by the staff of post station inns, traders, owners of tea houses, and provincial residents. Girls from the inns create the special atmosphere of *Hizakurige* and introduce new locations into the narration, while traders present the famous products of various provinces. The main points of analysis are illustrated with the fragments of the original text, translated by the author of the article.

Keywords: Japan, Tokugawa period, *gesaku*, humorous fiction, *kokkeibon*, Jippensha Ikku, To:kaido: road.

Author: Borkina Anastasia Yu., senior lecturer, Department of Asian and African studies, National research university "Higher school of economics" (HSE University) (address: 16 Soyuz Pechatnikov Street, St Petersburg, 190121, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9445-1958; E-mail: an_borkina@mail.ru

Сочинение Дзиппэнся Икку 十返舎一九 (1765–1831) «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» 東海道中膝栗毛 («На своих двоих по тракту То:кайдо:», 1802–1809, далее – «Хидзакуригэ»), одно из наиболее значительных произведений жанра *коккэйбон* 滑稽本 («забавные книги») в частности и развлекательной литературы эпохи Токугава (1603–1867) *гэсаку* 戯作 в целом, являлось, помимо всего прочего, и небывало популярным сочинением своей эпохи. Множество разнообразных факторов обеспечили особое положение «Хидзакуригэ» в серии подобных ему работ, повысив как художественную ценность произведения Икку, так и завоевав для него огромное читательское признание. Одним из определяющих моментов было, несомненно, создание писателем целого комплекса ярких, узнаваемых персонажей, юмористическое взаимодействие которых направляет повествование. «Хидзакуригэ» по сути своей строилось как бесконечное общение героев друг с другом, при этом, учитывая объём произведения и широту охвата различных слоёв населения, а также мастерство

воспроизведения живой разговорной речи, читатели с легкостью узнавали себя и свои повседневные заботы в персонажах Дзиппэнся Икку. Наконец, через полифонию голосов в «Хидзакуригэ» звучит и голос самого писателя, который в условиях усилившейся в конце XVIII – начале XIX в. цензуры, предпочёл высказываться опосредованно и в шуточной манере.

Как отмечает Т.И. Редько, «образная система произведения восходит к традиции народной смеховой культуры» [Редько, 1983, с. 635]. В центре повествования «Хидзакуригэ» находится путешествие двух героев, Ядзиро:бэй 弥次郎兵衛 (в тексте произведения также Ядзи) и Китахати 北八 / 喜多八 (в тексте произведения также Кита), из Эдо в святилище Исэ и дальше, в Киото и Осака. Будучи одним из первых в литературной традиции *гэсаку* произведений такого внушительного объёма, «Хидзакуригэ» представляет читателю настоящий «макромир» тракта То:кайдо:, многочисленные почтовые станции, постоянные дворы и чайные домики которого населены разнообразными персонажами. Всех персонажей произведения можно условно разделить на три группы: 1) два протагониста; 2) «блуждающие» персонажи; 3) «провинциальные» персонажи.

Образы Ядзи и Кита, главных действующих лиц произведения, можно по праву считать одной из лучших писательских находок Икку в «Хидзакуригэ». При этом сама идея построения повествования вокруг путешествия двух героев-мужчин для японской литературы новаторской не является и успешно применяется, например, в таких произведениях, как «Тикусай» 竹斎 (1615–1624) Томияма До:я 富山道治 (1585–1634) и «То:кайдо: мэйсёки» 東海道名所記 («Записки о достопримечательностях То:кайдо:», 1660) Асаи Рё:и 浅井了意 (?–1691) [Traganou, 2005, P. 104–106]. Отмечается, однако, что, в отличие от предшественников, среди которых чётко разграничивались позиции «главный» / «второстепенный» персонаж, Ядзи и Кита действуют в произведении на равных [Икку, 1958, с. 4]. Взаимодействие главных героев можно рассматривать и в другом ключе – многие специалисты отмечают схожесть их поведения с персонажами средневековых фарсов *кё:гэн* 狂言 – *ситэ* и *адо*, главного и второстепенного актёров. Подчас полностью повторяя в своих диалогах сюжеты популярных *кё:гэн* [Early Modern Japanese Literature, 2002, P. 733], герои, с помощью основного комического приёма фарсов – игр словами – создают атмосферу шуточной непринуждённости и некоторой театральности, выстраивают «субкультуру игры, фантазии и творчества» [Gerstle, 2005, P. 364] и погружают читателя в мир юмора и гротеска:

«Приосанившись, Ядзи пошёл дальше. А тем временем, сильно опередивший Ядзи Китахати, узнав от местных, что в лесу живёт лисица-оборотень, испугался, что она околдует его, и решил вернуться и подождать Ядзи. Он сидел на обочине и курил, когда из-за поворота показался Ядзи.

– Ой, Ядзи, это ты? – окликнул его Кита.

– А ты что здесь делаешь? – удивился Ядзи.

– Я ведь хотел дойти до постоянного двора, найти нам место для ночлега, да тут мне рассказали, что, мол, в этом лесу живёт злобная лисица, вот я и решил тебя подождать, чтобы вместе пойти, – объяснил Кита.

Тут Ядзи вдруг задумался, а не приняла ли лисица облик Китахати, чтобы его обмануть.

– А ну иди прочь! – не подавая виду, что ему страшно, нагло крикнул Ядзи. – Обдурить меня хочешь?!

– Эй, Ядзи, ты что такое несёшь? – удивился Кита. – Ты это от голода, что ли, злой такой. На вот, поешь, я рисовых лепешек притащил.

– Ещё чего! Не буду я это дерьмо жрать! – заорал Ядзи.

– Ха-ха-ха! Да это же я, Китахати. Ядзи, ты чего?

– Ага, так я тебе и поверил. На вид и впрямь вылитый Китахати. Ловко прикидываешься, чудище! – тут Ядзи набросился на Кита.

– Ай-ай-ай, Ядзи, ты что делаешь?! – взвыл тот.

– Что делаю? Да я тебя сейчас до смерти забью! – с этими словами Ядзи неожиданно сбил Кита с ног и навалился на него сверху, прижимая к земле.

– Ох, больно-то как! – застонал Кита.

– Больно тебе?! А ну давай, покажи свой настоящий облик, чудище!

– Ядзи, ты чего это мой зад щупаешь?

– Чего, чего. Превращайся обратно, говорю. Где же твой хвост? Вот я тебя! – тут Ядзи заломил Кита руки за спину и связал длинным полотенцем. Китахати же был настолько поражён происходящим, что даже не сопротивлялся.

– Ну что же, теперь вставай и пошли, – скомандовал Ядзи.

Так они и добрались до Акасака – Кита со связанными руками впереди, а Ядзи сразу за ним (пер. по [Икку, 1958, с. 200–201])».

Главные герои «Хидзакуригэ» происходят из провинции Суруга. Ядзи – представитель торгового сословия, промотавший своё состояние, Кита – неудавшийся актер бродячей труппы. Растратив все деньги, доставшиеся Ядзи в наследство от родителей, герои бегут в столицу. В Эдо Ядзи и Кита поселяются в Хаттё:бори, в районе Канда. Жизнь их протекает в весьма стеснённых обстоятельствах, так что в конце концов герои в поисках лёгкой наживы ввязываются в аферу с женитьбой Китахати, однако планы их рушатся, и они вновь остаются ни с чем. Именно тогда Ядзи и Кита решают сменить обстановку и отправиться в путешествие. Главных героев «Хидзакуригэ» довольно затруднительно ассоциировать с какой-либо определённой социальной группой, при этом некоторая маргинальность их образа не вызывает у читателя отторжения, а, напротив, воспринимается (вкупе с мотивом их путешествия) как воплощение освобождения от строгого общественного порядка, побега из мира жёстких норм токугавской Японии, буквального и метафорического [Тэруока, Гундзи, 1967, р. 331].

Некоторые исследователи считают, что Ядзи воплощает в произведении образ самого Икку [Aston, 1907, р. 371], ссылаясь, прежде всего, на сцену из пятой части, где Ядзи в обществе провинциальных любителей поэзии притворяется столичной знаменитостью Дзиппэнся Икку:

«– Прошу прощения, – обратился он к Ядзи, – Вы случайно не из Эдо?

– Да, так и есть, – ответил тот.

– Я от самого Сироко за вами иду, – сказал мужчина, – и всё ваши стихи слушаю. Я хоть и мало в этом смыслю, но уж очень мне понравилось то, что вы сочиняли! Занятные вещицы.

– Да ерунда, так каждый сможет, – отозвался Ядзи.

– Нет, правда, вы меня прямо поразили! Тут недавно из Эдо приезжал к нам Сёсадō Сюнман-сэнсэй¹, и другие тоже.

¹ Сё:садо: Сюнман 尚左堂俊満 (1757–1820) – мастер гравюры укиё-э.

– Да вы что? Ничего себе!

– А вы под каким псевдонимом пишете? – поинтересовался мужчина.

– А я Дзиппэнся Икку, – ответил Ядзи.

– О, я о вас много слышал. Неужто вы и вправду Дзиппэнся Икку? А меня зовут Каботя Гомадзиру. Как же я рад с вами познакомиться! Вы в святилище Исэ направляетесь? – спросил Гомадзиру.

– Да, туда. Специально для моей книги, «На своих двоих».

– Вот оно что. Как это необычно для писателя! – удивился Гомадзиру. – Наверное, вы по дороге сюда успели повидаться со многими вашими друзьями из Ёсида, Окадзаки и Нагоя.

– Нет, не встречался ни с кем. Видишь ли, Гомадзиру, – начал Ядзи, – конечно, на То:кайдо: полно мест, где меня ждут, да только если я начну к каждому заходить и на пирушки оставаться, затянется моё путешествие. Вот я и решил нигде не задерживаться. Поэтому я путешествую в простой одежде, подобно пилигриму, легко и непринуждённо, ставя во главе всего стремление к прекрасному (пер. по [Икку, 1958, с. 262]).»

Шутка его, однако, заканчивается неудачно, и на встрече с провинциальными любителями поэзии «лже-Икку», присвоивший стихи известного в то время в стране сочинителя, оказывается разоблачён и с позором изгнан. Безусловно, в ряде моментов некоторые параллели с создателем «Хидзакуригэ» прослеживаются весьма явно. Известно, что Икку сам много путешествовал по Японии, а поводом к написанию первой части «Хидзакуригэ» послужила его поездка в Хаконэ [Shores, 2012, P. 48]. Сохранилось немало свидетельств и об эксцентричной натуре писателя, который часто подшучивал над окружающими. Наконец, общение «лже-Икку» с провинциальными поэтами-любителями также имеет некоторую реальную подоплёку. По мере выпуска новых частей «Хидзакуригэ» и перевода на всё более профессиональную основу работы над ними, Дзиппэнся Икку начал активно привлекать к оформлению произведения художников и поэтов, многие из которых происходили из провинции. Для «Хидзакуригэ» поэты создавали в основном *гасан* 画賛 – стихотворные строки, которые вписывались в иллюстрации [Talamo, 2013, P. 12]. Лучшие из них за определённую плату размещались на страницах бестселлера Икку, авторы же в свою очередь обеспечивали себе широкую известность, так что общение Икку с провинциальными творцами было активным и весьма плодотворным. При этом, однако, не стоит переоценивать «биографичность» героев. Персонажи «Хидзакуригэ», в целом, скорее представляют собой не олицетворение конкретных личностей, а собирательные образы горожан эпохи Токугава.

На первый взгляд главные герои «Хидзакуригэ» весьма непритягательны – глупы и ограниченны, подвержены многим порокам, невоспитанны и грубоваты. Однако на самом деле Ядзи и Кита довольно безобидны, а их поведение представляет собой средоточие комического в произведении. В погоне за женщинами, едой и дешёвыми развлечениями они предпринимают многочисленные попытки обмануть окружающих, но чаще всего сами страдают от своих же махинаций. Попадая же в конфликтные ситуации, герои ловко выходят из них с помощью природной смекалки и живого юмора, лёгкого и непринуждённого смеха *окаси* [Григорьева, 1979, с. 157]. Смех в произведении Икку, таким образом, направлен, прежде всего, на самих смеющихся, что не только располагало читателей к героям, но

и освобождало персонажей в самом смехе, позволяя в скрытой форме выразить критику тех или иных общественных явлений [Лихачёв, Панченко, Поньрко, 1984, с. 5, 9]. Ядзи и Кита являют собой типичный образ *эдокко* 江戸っ子 – столичного жителя, сноба и гуляки, представляющий одно из воплощений общей «эстетики вульгарного» в городской культуре токугавской Японии [Wells, 1997, P. 36]. Интересно при этом отметить тот факт, что сами герои, по сути, не являются настоящими *эдокко*, что дополнительно усиливает иронизацию столь популярного в ту эпоху образа жителя столицы. Значительная доля вышеупомянутых конфликтов протагонистов с другими персонажами действительно проистекает из региональных различий. Главные герои, зачастую незнакомые с традициями той или иной провинции, попадают из-за этого в неловкое положение, однако чувство принадлежности к жителям столицы, привилегированной в сознании *эдокко* группы [Smith, 1993, P. 36], не позволяет им обратиться за разъяснением и помощью к провинциалам:

«– Эй, Китахати, – зашептал Ядзиро:бэй, – а что это за круглые штуковины на тарелках?

– И вправду, что это? – Китахати попытался потыкать странный предмет палочками, но он оказался настолько твёрдым, что у него не получилось отщепить ни кусочка. Приглядевшись получше, Китахати вдруг понял, что на подносе перед ним лежит камень.

– Да это же камень! Камень! – воскликнул, удивленно, Кита.

– Это что, правда, камень?! – спросил Ядзи у прислужницы.

– Да, именно так и есть, – ответила та.

– Вот это да! Где ж это видано-то, – пробормотал Кита.

– Не желаете ли ещё коньяку²? – спросила прислужница.

– Да, можно бы ещё немножко, – ответил Ядзи, протягивая чашку. – Ерунда какая-то, – сказал он, дождавшись, когда прислужница выйдет из комнаты. – Как мы должны эти камни жрать?!

– Слушай, ну должен же быть какой-то способ, как эти камни съесть, раз нам их подали, – сказал Кита. – Говорил же он, мол, угощу вас едой, которой славится эта местность. Кажется, эти камни и есть та самая еда.

– Ни разу о таком не слышал, – пробурчал Ядзи (пер. по [Икку, 1958, с. 266–267])».

Ещё одной важной особенностью главных героев «Хидзакуригэ» является тот факт, что на протяжении всего повествования они не претерпевают никакого развития. Ядзи и Кита в ходе своего многолетнего (с учётом последовавших за «То:кайдо:» продолжений) путешествия не становятся старше или мудрее, продолжая отыгрывать определённые для них писателем ещё в самом начале амплуа. Мир тракта То:кайдо: от страницы к странице погружает главных героев в типовые ситуации и конфликты, в которых они действуют хоть и остроумно, но весьма предсказуемо. Это объясняется тем, что в связи с необходимостью обеспечить возможность выпуска всё новых и новых частей «Хидзакуригэ», Икку помещает своих персонажей в особое «измерение вечности», так что они фактически обретают самостоятельность и становятся связующим звеном для сколь угодно многочисленного

² Паста или желе из корнеплода одноимённого растения.

количества продолжений [Конита, 2004, р. 9]. Можно сказать, что так «Хидзакуригэ» и другие, подобные ему произведения литературы *гэсаку*, выходявшие в свет по частям и пользовавшиеся большой популярностью у публики, требовавшей продолжения приключений любимых героев, в некоторой степени заложили и традицию публиковавшихся в газетах периода Мэйдзи (1868–1912) *цудзуки-моно* 続き物, повестей и романов с продолжением [Мацубара, 2009, р. 43–44.]. Таким образом, тандем главных героев «Хидзакуригэ» представляет собой образ легкомысленных, недалёких, но при этом свободных от условностей гуляк, воплощающих узнаваемые человеческие черты, как отрицательные, так и положительные. Как нельзя лучше вписываются такие персонажи в одну из главенствующих эстетических концепций периода Токугава, *ики* 粋, в рамках которой любое явление окружающей действительности, даже приземлённое или откровенно вульгарное, обладавшее определённым ярко выраженным свойством, воспринималось как возможность встречи с прекрасным [Герасимова, 2016, с. 38]. По определению *ики*, мужчины должны были «быть бодры душой и телом», «разбираться в людях», «знать толк в развлечениях» [Герасимова, 2016, с. 42] и способны находить наслаждение в самых обыденных проявлениях жизни. Ядзи и Кита, будучи популярнейшими персонажами своей эпохи, по сути – «вневременные фигуры», близкие и современному читателю.

Вторая группа, так называемые «блуждающие» персонажи (термин японского литературоведа Мацуда Осаму 松田修 (1927–2004)), включает в себя разнообразных путешественников, паломников и прочих персонажей, перемещающихся по тракту То:кайдо: и вступающих во взаимодействие с главными героями [Кинсэй бунгаку кэнкю: дзитэн, 1986, с. 134]. Образы их яркие и узнаваемы, несмотря на то, что создаются они зачастую с помощью всего лишь нескольких реплик; при этом данные персонажи позволяют Икку создать максимально реалистичную картину тогдашней Японии, а также формируют в произведении атмосферу некоторой неприкаянности, эфемерности существования героев, что, по-видимому, можно рассматривать как одно из воплощений идеи «зыбкого мира» *укиё* 浮世, столь значимой в эпоху Токугава. В связи с этим интересно также отметить, что ни «блуждающие», ни «провинциальные» персонажи (которые будут подробнее рассмотрены ниже) не обладают именем – обычно Икку называет их или по роду деятельности, или по гендерной и возрастной принадлежности, тогда как персонификации удостоиваются лишь немногие из героев. Это дополнительно усиливает характер изменчивости внутреннего пространства произведения – тракта То:кайдо: и населяющих его персонажей. «Блуждающих» персонажей можно весьма условно разделить на шесть основных классов: 1) персонажи, связанные с транспортом (носильщики паланкинов, возницы, лодочники); 2) авантюристы и мошенники; 3) персонажи религиозной сферы (паломники, монахи и монахини и др.); 4) представители воинского сословия; 5) путешественники; 6) прочие (дети, бродячие торговцы, музыканты и др.). Каждый из классов характеризуется набором отличительных черт и функций персонажей, проявляющихся во взаимодействии данных персонажей с главными героями и запускающих развитие сюжетных ходов в произведении. Так, например, персонажи, связанные с транспортом, обеспечивая перемещение главных героев между локациями, являются одними из главных инициаторов движения повествования в произведении. Фактически они зачастую выступают в качестве связующего элемента, объединяя фрагменты, посвящённые похождениям протагонистов в тех или иных пунктах их следования по

То:кайдо: . Помимо всего прочего, с такими персонажами связаны одни из самых удачных комических эпизодов «Хидзакуригэ». Возницы, носители паланкинов, лодочники в произведении Икку являются, наряду с главными героями, выразителями свободолюбия и непринуждённости, сопряжённых с экспрессивной речью и грубоватым, но хлётским юмором. Таковы, например, возницы из эпизода Кавасаки-Канагава, виртуозные ругательства которых не только приводят в восторг Ядзи и Кита, но и особо отмечаются самим Икку:

«Договорившись о цене, Ядзи и Кита взобрались на лошадей и отправились в путь. Позвякивали колокольчики на упряжи, тихо ржали лошади.

Навстречу им выехал ещё один возница.

– Ты, паршивец, сегодня рано, чёрт тебя подёри! – крикнул он.

– Да пошёл ты! – крикнул в ответ один из возниц, с которыми ехали Ядзи и Кита.

– Вот засранец! Сам завали!

Обменявшись ругательствами, эти двое, таким образом, поприветствовали друг друга и соблюли принятые у возниц правила этикета (пер. по [Икку, 1958, с. 55])».

Подобные герои бывают задействованы и в стандартных для «Хидзакуригэ» ситуациях «комедии положений». Одной из наиболее примечательных является сцена из пятой части, где Ядзи и Кита оказываются втянуты в конфликт возниц. Когда герои, после долгих пререканий по поводу цены, наконец-то садятся на нанятых ими лошадей, вдруг появляется знакомый одного из возниц и требует от того уплаты долга. Денег у возницы нет, поэтому мужчина заявляет, что в счёт долга он возьмёт лошадь. Далее следует забавная сцена пререкания хозяина лошади и его знакомого, в ходе которой несчастному Китахати несколько раз приходится то слезать с лошади, то вновь садиться на неё. Заканчивается всё тем, что вконец замученная лошадь встаёт на дыбы и пытается ускакать прочь прямо с Китахати на спине, он же, не удержавшись, падает с седла.

Другую, не менее важную для произведения группу «блуждающих» персонажей составляют авантюристы и мошенники. Они также функционируют в качестве одного из основных двигателей повествования «Хидзакуригэ», при этом их взаимодействие с главными героями зачастую инициирует возникновение дополнительных перипетий сюжета – новых комических ситуаций. Герои данного класса обычно хитрее простодушных протагонистов, однако при этом их мошенничества в большинстве случаев безобидны, как, например, в эпизоде с фокусником из О:цу, обманом выигрывающим пари по поеданию лепёшек. Бывают, однако и исключения, так, столкновение героев с дорожным воров в Мисима на некоторое время оставляет Ядзи и Кита без средств и, являясь переломным моментом в повествовании, ознаменовывает конец их привольного, безбедного путешествия.

Персонажи религиозной сферы играют значимую роль в поддержании хода беседы – основополагающего элемента структуры «Хидзакуригэ» в целом. Они практически не вступают в конфликты с протагонистами, а, напротив, часто смягчают накалившуюся обстановку между главными героями и «провинциальными» персонажами. Они скромны и добродушны в обращении и активно делятся с главными героями поучительными историями из жизни, при этом нередко эти рассказы носят комический характер. Так,

например, на постоялом дворе в Камбара пилигрим-рокубу 六部 рассказывает героям о причинах, побудивших его совершить паломничество – незадачливый рокубу раньше был дельцом в Эдо, и однажды решил нажиться на продаже различных коробочек и ящичков для хранения мелких вещей. По его расчётам, поскольку в Эдо постоянно дует сильный ветер, это неминуемо должно было в итоге привести к росту глазных болезней среди населения, повальной слепоте и увлечению игре на музыкальных инструментах. Тут-то и должен был вступить в дело продавец ящичков:

«Сямисэн³, значит, станет много, на них всех котов переведут, а крысы всё и заполонят. И, ясное дело, погрызут в домах утварь, а, главное, ящики. Тут-то я и открою свою лавочку, стану уважаемым человеком и преуспевающим дельцом. Так я всё и задумал (пер. по [Икку, 1958, с. 113])».

Торговля его, однако, не заладилась, и тогда ему ничего не оставалось, как стать пилигримом. На том же постоялом дворе другой паломник поведал Ядзи и Кита историю чудесного происхождения своей внучки, родившейся, ни много ни мало, от божества Грома, однажды посетившего их дом. Дитя хоть и оказалось лишено каких бы то ни было волшебных сил, они всё же приняли решение отправиться в паломничество, чтобы очиститься и восстановить душевное спокойствие.

Интересно отметить тот факт, что с религиозными персонажами связан и один из немногочисленных «фантастических» эпизодов «Хидзакуригэ», непосредственно сопряжённых с протагонистами. На одном из постоялых дворов Ядзи и Кита встречаются со жрицей-медиумом, которая помогает Ядзи вызвать дух его умершей жены и поговорить с ним. На первый взгляд, сцена разительно отличается от остальных подобных эпизодов произведения Икку, лишь маскирующихся под «сверхъестественные» – призраки в них оказываются сушащимся на дереве бельём или дымом от костра, а злобная лисица-оборотень – незадачливым Китахати, по стечению обстоятельств оказавшимся в глупом положении. Однако и в данной сцене в конце следует комическое развенчание, хоть и менее очевидное – дух требует передать ему денежное подношение через жрицу. «Привидения» и «монстры», таким образом, возникают перед героями «Хидзакуригэ» исключительно из их собственного невежества и наваждений, и именно в момент развенчания «таинственного» и рождается смех [Kato, 1983, p. 45].

Самураи и военные феодалы-даймё: 大名 как одно из важнейших сословий в японском обществе эпохи Токугава постоянно присутствуют на страницах «Хидзакуригэ», явно и подспудно. Разговорами о процессиях даймё:, остановившихся на постой в близлежащих поселениях, полнятся многочисленные почтовые станции То:кайдо:, через которые пролегает путь Ядзи и Кита. Протагонисты часто оказываются ущемлены в правах представителями воинского сословия, так, случается, что им не удаётся найти место для ночлега, поскольку все постоялые дворы в округе заняты процессией феодала; самураи также пользуются привилегией при оплате переправы, но когда герои пытаются обмануть лодочника и выдать себя за воинов, то терпят неудачу; девушки из процессий даймё: нередко насмеваются над провинциальной внешностью героев, с восхищением глядящих

³ Сямисэн 三味線 – трёхструнный щипковый музыкальный инструмент, корпус которого мог покрываться кошачьей кожей.

вслед их паланкинам. Однако здесь же Икку проявляет и некоторое своеобразие, переворачивая и нарушая нормы самурайского общества и позволяя своим персонажам выйти за рамки сословных условностей, сбежать из строго нормированного токугавского социума в мир фантазии и гротеска, где «сама жизнь играет, а игра на время становится самой жизнью», где оказывается возможным подвергнуть осмеянию и представителей правящего сословия [Бахтин, 1990, с. 13]. Наиболее показательной в этом отношении является сцена встречи Ядзи и Кита с процессией феодала по пути в Кавасаки, где герои не только отказываются пропустить процессию, пав ниц по этикетному обычаю, но и отпускают грубые шутки с сексуальным подтекстом по отношению к самому *даймё*: и его свите. Примечательно, что ещё один подобный эпизод связан с персонажами рассмотренной выше религиозной сферы – там осмеянным оказывается неприглядного вида буддийский проповедник и его безвольная паства, на проповеди повторяющая за ним все его действия, вплоть до сморкания, кашля и сопровождающего их потока ругательств.

Путешественники, ещё одна весьма многочисленная категория персонажей второго плана, используются Икку прежде всего в целях демонстрации различий в бытовом укладе жизни японских провинций. Обычно такого рода персонажи происходят из западного региона Японии и зачастую вступают с протагонистами в привычное для того времени противостояние юго-запада и северо-востока. Чаще всего предметом дискуссии становятся города-центры, Киото и Эдо, а также заведения, располагающиеся в них. В подобных эпизодах Икку наглядно демонстрирует характерную для эпохи Токугава культурно-бытовую самостоятельность отдельных провинций, а также высокую степень заинтересованности населения в изучении собственной страны изнутри и знакомстве со своеобразными обычаями и традициями каждого региона. Кроме того, здесь проявляется и отмеченный выше снобизм столичных жителей, происходящих как из новой столицы, Эдо, так и из прежней, Киото.

Последняя из перечисленных групп «блуждающих персонажей» является самой обширной и неоднородной по составу, в полной мере воплощая собой идею подвижного, текучего мира *укиё*. Персонажи данной сферы скорее создают фон, атмосферу событий «Хидзакуригэ», однако, порой, некоторые из них могут принимать на себя функции других групп. Так, дети часто действуют как авантюристы, однако характер их афер обычно ещё более безобиден, чем у настоящих мошенников, так что нанести серьёзного вреда протагонистам они не могут.

Третью крупную группу составляют «провинциальные» персонажи, по функциям и характеристикам часто сходные с «блуждающими», однако имеющие, в отличие от них, относительно постоянное место проживания. Их также можно разделить на ряд классов: 1) обслуживающий персонал постоянных дворов; 2) торговцы; 3) хозяева и работники чайных домиков и забегаловок; 4) местные жители. Как и в случае с «блуждающими» персонажами, каждый из классов характеризуется некоторым количеством функций и специфических особенностей, в целом же можно сказать, что провинциальные персонажи, во-первых, помогают Икку сделать акцент на различиях обычаев и нравов в столице и в провинциях, а также дополнительно усиливают дух комизма в произведении.

Персонал постоянных дворов делится на несколько категорий: хозяева гостиниц, девушки-зазывалы, провинциальные куртизанки. Хозяева обычно гостеприимны и радушны и функционируют в качестве медиатора, посредника при решении конфликтов между

главными героями и другими постояльцами. Однако иногда, как в сцене со сломанной бочкой для мытья в Одавара, они и сами могут инициировать конфликт. Девушки-зазывалы являются одним из наиболее колоритных образов «Хидзакуригэ» – такое их описание встречается, например, в эпизоде о поселении Гою: «По обеим сторонам дороги на порогах постоялых дворов девушки, с лицами, разукрашенными настолько сильно, что они походили на маски, зазывали посетителей. Они громко орали и хватили за рукава всех, кто проходил мимо. Еле-еле вырвавшись от них, Ядзи пошёл дальше (пер. по [Икку, 1958, с. 199])». В результате этой сцены герой даже сочиняет стихотворение:

«Увидал лица,
Страшенные, как маски.
В ужасе крикнув:
«Молю, отпустите!»,
Из Гою бежал со всех ног (пер. по [Икку, 1958, с. 199])».

Помимо поддержания атмосферы путешествия по То:кайдо: (всюду привычной – подобное описание девушек-зазывал с минимальными изменениями многократно повторяется во всех частях «Хидзакуригэ»), данные персонажи также исполняют важнейшую функцию введения в повествование новых локаций. Поскольку пространство «Хидзакуригэ» дискретно, и герои существуют, по сути, лишь в точках своего перемещения по тракту, именование и утверждение каждой последующей локации является, по сути, формированием новой сцены действия в произведении.

Отметим также, что данная группа персонажей включает в себя наибольшее количество женских образов по сравнению с другими вышеперечисленными категориями. Мир «Хидзакуригэ» в целом – измерение мужчин, полное маскулинности, практичности, грубого, приземлённого юмора *коккэй* 滑稽 [Симпан Нихон бунгаку-си, 1973, с. 941]. Поэтому многочисленный женский персонал постоялых дворов – зазывалы, куртизанки, служанки – по сути, является единственным источником информации о женском быте и мировосприятии, представленным в произведении Икку, что придаёт этим образам дополнительную ценность.

Разного рода лавочники и торговцы, составляющие вторую крупную группу «провинциальных» персонажей часто хитры, нечисты на руку и не гнушаются обчитать главных героев или продать им некачественный продукт. Обычно их функция состоит в репрезентации характерного для данной местности продукта или товара, что в очередной раз подчёркивает значимость культурных различий между регионами и популярность путешествий внутри страны, имевших место в эпоху Токугава и сохраняющихся вплоть до наших дней. Обычно торговцы достаточно активны, иногда даже навязчивы, хотя встречаются и исключения, как, например, хозяин лавки, торгующей особой тканью, производством которой славится поселение Наруми. Будучи слишком увлечён игрой, он не может ответить Ядзи и Кита, сколько стоит его ткань, а в конце концов выходит из себя и набрасывается на незадачливых покупателей, которые, по словам лавочника, не дают ему покоя.

Похожи на торговцев и персонажи-представители сферы общественного питания. Они также представляют региональные различия, но теперь в области продуктов питания, при

этом большинство из них, как и торговцы, часто обманывают протагонистов, предлагая им невкусную или подпорченную еду:

«– Кита, глянь! Рыбка-то, подтухла, вон какие глаза мутные! – заметил в ответ Ядзи.

Да, потускнел и
Мутен взор у рыбы,
Протухшей напроць.
Вот так и были чертовкой
Мы одурачены (пер. по [Икку, 1958, с. 56–57])».

Наконец, категория местных жителей включает в себя провинциалов разнообразных возрастов и профессий, с которыми взаимодействуют главные герои по пути своего следования. Участвуя в действии во множестве амплуа, они, однако, имеют ряд общих черт. Несмотря на всю простоту, неотёсанность и грубоватость провинциалов, Икку рисует большинство из них живыми, достаточно сообразительными и острыми на язык персонажами, что, безусловно, позволяло читателю ассоциировать себя с данными героями и, таким образом, дополнительно повышало популярность произведения.

Таким образом, на страницах «Хидзакуригэ» Икку создает целый комплекс персонажей, юмористические диалоги и взаимодействия которых и становятся ядром повествования в произведении. При этом персонажи «Хидзакуригэ» типичны и узнаваемы, что не только сделало их популярными среди тогдашних читателей, которые могли ассоциировать себя с ними, одновременно посмеиваясь над героями и сочувствуя им, но и позволило произведению сохранить свою актуальность и понятность и по сей день. Именно эта «вневременная» сущность персонажей, а также их яркие комические образы, по-видимому, могут считаться одной из главных художественных ценностей «Хидзакуригэ».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: «Художественная литература», 1990. 543 с.

Герасимова М.П. От эпохи Эдо до наших дней. Эстетический идеал городской культуры // Японские исследования. 2016. № 4. С. 36–54.

Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М.: главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. 368 с.

Дзиппэнся Икку. То:кайдо:тю: хидзакуригэ : [На своих двоих по тракту То:кайдо:]. Токио: Иванами сётэн, 1958. Т. 62. 503 с.

Кинсэй бунгаку кэнкю: дзитэн : [Энциклопедический словарь по литературе периода Кинсэй] / под ред. Окамото Масару, Кира Суэо. Токио: О:фу:ся, 1986. 498 с.

Конита Сэйдзи. Эдо гэсаку-но рэнсай ко:со: : [Идея публикации произведения по частям в литературе гэсаку] // Japanese Literature. 2004. № 5. Р. 2–10.

Лихачёв Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: «Наука», 1984. 295 с.

Мацубара Макото. Дзию: минкэн ундо: то гэсакуся: «Дзию:то: дзидай» ни окэру Ватанабэ Бункё: то Нодзаки Сабун то но хикаку кара : [Движение за свободу и народные

права и *гэсакуся*: на основании сравнения деятельности Ватанабэ Бункё: и Нодзаки Сабун в «эпоху Либеральной партии»] // *Japanese Literature*. 2009. № 58. P. 43–51.

Редько Т.И. Повествовательная проза: [Японская литература первой половины XIX в.] // *История всемирной литературы*. Т. 6. М.: «Наука», 1983. С. 631–635.

Симпан Нихон бунгаку-си : [Новое издание истории японской литературы] / под ред. Хисамацу Сэнъити. Токио, Сибундо:, 1973. Т. 5. 1061 с.

Тэруока Ясутака, Гундзи Масакацу. Эдо симин бунгаку-но кайка : [Расцвет городской литературы Эдо]. Токио: Сибундо:, 1967. 458 с.

Aston W.G. A History of Japanese Literature. London: William Heinemann, 1907. 409 p.

Early Modern Japanese Literature: An Anthology, 1600–1900 / Shirane Haruo., ed. New York: Columbia University Press, 2002. 1027 p.

Gerstle A.C. The Culture of Play: Kabuki and the Production of Texts // *Oral Tradition*. 2005. №20. P. 188–216.

Kato Shuichi. A History of Japanese Literature / Transl. by Don Sanderson. Tokyo, New York, San Francisco: Kodansha International Ltd., 1983. Vol. 3. 307 p.

Shores M.W. Jippensha Ikku, *Hizakurige* and Comic Storytelling // *Early Modern Japan: An Interdisciplinary Journal*. 2012. № 20. P. 46–75.

Smith D. H. The Floating World in Its Edo Locale 1750–1850 // *The Floating World Revisited* / Jenkins D., ed. Portland Art Museum, Hawaii University Press, 1993. P. 25–45.

Talamo M. *To:kaido:chu: hizakurige*: popular work or fruit of a well-planned commercial strategy? An inquiry from a sociological perspective // *Acta Asiatica Varsoviensia*, 2013. № 26. P. 7–23.

Traganou J. The To:kaido: Road: traveling and representation in Edo and Meiji Japan. Taylor & Francis e-Library, 2005. 267 p.

Wells M. Japanese Humour. UK, Palgrave Macmillan, 1997. 196 p.

REFERENCES

Aston, W.G. (1907). A History of Japanese Literature, London: William Heinemann.

Bakhtin, M.M. (1990). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya I Renessansa* [Francois Rabelais and the popular culture of Middle Ages and Renaissance], Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Early Modern Japanese Literature: An Anthology, 1600–1900. (2002). Shirane Haruo (ed.), New York: Columbia University Press.

Gerasimova, M.P. (2016). Ot epokhi Edo do nashikh dney. Esteticheskiy ideal gorodskoy kul'tury [From Edo period to Present Day. The Aesthetic Ideal of Urban Culture], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 4: 36–54. (In Russian).

Gerstle, A.C. (2005). The Culture of Play: Kabuki and the Production of Texts, *Oral Tradition*, 20: 188–216.

Grygoryeva, T.P. (1979). Yaponskaya khudozhestvennaya traditsiya [Japanese artistic tradition], Moscow: Nauka. (In Russian).

Jippensha, Ikku. (1958). *Tōkaidōchū hizakurige* [Shank's Mare], Tokyo: Iwanami shoten, Vol. 62. (In Japanese).

- Kato, Shuichi. (1983). *A History of Japanese Literature*, Don Sanderson (transl.), Tokyo, New York, San Francisco: Kodansha International Ltd., Vol. 3.
- Kinsei bungaku kenkyū jiten (1986). [The Dictionary of Kinsei literature], Okamoto Masaru, Kira Sueo (ed.), Tokyo: Ōfūsha. (In Japanese).
- Konita, Seiji. (2004). Edo gesaku-no rensai kōsō [An idea of serialization in gesaku literature], *Japanese Literature*, 5: 2–10. (In Japanese).
- Likhachev, D.S., Panchenko, A.M., Ponyrko, N.V. (1984). *Smekh v Drevney Rusi* [Laughter in Ancient Russia], Leningrad: Nauka. (In Russian).
- Matsubara, Makoto. (2009). Jiyū minken undō to gesakushā “Jiyūtō jidai” ni okeru Watanabe Bunkyo to Nozaki Sabun to no hikaku kara [The Freedom and People’s Rights Movement and gesakusha: based on the comparison of Watanabe Bunkyo and Nozaki Sabun activities in the “Liberal party epoch”], *Japanese Literature*, 58: 43–51. (In Japanese).
- Redko, T.I. (1983). Povestvovatel’naya proza: [Yaponskaya literatura pervoy poloviny XIX v.] [Narrative fiction: [Japanese literature of the first half of the 19th century]], in *Istoria vseмирnoy literatury*. Moscow: Nauka, 1983, Vol. 6: 631–635. (In Russian).
- Shinpan Nihon bungaku-shi (1973). [A new edition of the Japanese literature’s history], Hisamatsu Sen’ichi (ed.), Tokyo: Shibundō, Vol. 5. (In Japanese).
- Shores, M.W. (2012). Jippensha Ikku, *Hizakurige* and Comic Storytelling, *Early Modern Japan: An Interdisciplinary Journal*, 20: 46–75.
- Smith, D. H. (1993). The Floating World in Its Edo Locale 1750–1850, in Jenkins, D. (ed.) *The Floating World Revisited*, Portland Art Museum, Hawaii University Press, 1993: 25–45.
- Talamo, M. (2013). *To:kaido:chu: hizakurige*: popular work or fruit of a well-planned commercial strategy? An inquiry from a sociological perspective, *Acta Asiatica Varsoviensia*, 26: 7–23.
- Teruoka, Yasutaka and Gunji, Masakatsu. (1967). Edo shimin bungaku-no kaika [The blossom of Edo city’s literature], Tokyo: Shibundō. (In Japanese).
- Traganou, J. (2005). *The To:kaido: Road: traveling and representation in Edo and Meiji Japan*, Taylor & Francis e-Library.
- Wells, M. (1997). *Japanese Humour*, UK: Palgrave Macmillan.

Поступила в редакцию 29.02.2020

Received 29 February 2020

Для цитирования: Борькина А.Ю. Типы персонажей в произведении Дзиппэнся Икку «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» // Японские исследования. 2020. № 2. С. 82–95. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10013

For citation: Borkina A.Yu. (2020). Tipy personazhey v proizvedenii Dzipp-ensya Ikku “To:kaydo:tyu: khidzakurige” [Types of characters in Jippensha Ikku’s *Tōkaidōchū Hizakurige*], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 2: 82–95. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10013

Японские исследования. 2020. № 2. С. 96–111.

Japanese Studies in Russia, 2020, 2, pp. 96–111.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10014

Образование новобранцев и подготовка командного состава японской императорской армии в первые годы эпохи Мэйдзи (1868–1912)*

Е.М. Османов

Аннотация: Цель данной статьи – рассмотреть историю формирования системы обучения и подготовки кадрового состава японской императорской армии периода Мэйдзи. В структуре нового государства вооружённым силам отводилась ключевая роль. Они должны были обеспечить безопасность новой власти, способствовать отмене неравноправных договоров, стать инструментом создания богатой страны. Исходя из этого, на всём протяжении периода Мэйдзи основное внимание руководства Японии прямо или опосредованно уделялось вооружённым силам, о чём свидетельствует выбранный в качестве основы государственной политики Японии лозунг «фукоку кё:хэй» – «богатая страна – сильная армия». Заложенные бакуфу основы подготовки армейских кадров были успешно использованы и усовершенствованы правительством Мэйдзи. Бывшая оппозиция, пришедшая к власти в результате революции и занявшая все ключевые посты в новом государственном аппарате, своей первоочередной задачей видела укрепление собственной власти, опасность которой представляли как внутренние (угроза мощных восстаний), так и внешние (давление Запада) факторы. Единственная возможность сделать это заключалась не просто в создании вооружённых сил, но и в подготовке преданных офицеров, то есть среднего и высшего командного состава этих вооружённых сил. В первые годы Мэйдзи образование военнослужащих проходило в войсковых частях и военных школах. Таким образом, мы вправе говорить о том, что военное образование подразделилось на общее и специальное, то есть была создана система, существующая и по сей день во всех без исключения странах. Процесс становления военно-учебных заведений в Японии отличали такие существенные принципы, как постоянный поиск путей совершенствования системы офицерской подготовки, изучение и использование профессионального передового опыта западных стран. В статье рассматриваются основополагающие военно-учебные заведения, в числе которых: Военная гимназия – «Ё:нэнгакко:», Военное (офицерское) училище – «Сикангакко:», Военная академия – «Рикугун дайгакко:».

Ключевые слова: японская императорская армия, О:мура Масудзиро:, Ямагата Аритомо, Военная гимназия, Офицерское училище, Военная академия.

Автор: Османов Евгений Магомедович, кандидат исторических наук, доцент кафедры Теории общественного развития стран Азии и Африки, Санкт-Петербургский Государственный Университет (адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9). E-mail: osmanov1979@mail.ru

* Исследование выполнено в рамках гранта Дж.Т.И. по Маркетингу и Продажам «Лингвистическая эволюция в контексте развития информационно-коммуникационных технологий» (рук. И.С. Ибрахим).

Education of recruits and training of commanding staff of the Japanese Imperial Army in the early years of the Meiji era (1868–1912)*

E.M. Osmanov

Abstract. The purpose of this article is to analyze the history of the formation of the training and educational system of the Japanese Imperial Army personnel in the Meiji period. In the structure of the new state, the armed forces were given a key role. They were supposed to ensure the security of the new government, contribute to the abolition of unequal treaties, and become an instrument for creating a rich country. On this basis, throughout the Meiji period, the main attention of the Japanese leadership was directly or indirectly paid to the armed forces, as evidenced by the slogan “*fukoku kyo:hei*” – “a rich country – a strong army”, chosen as the basis of Japanese state policy. The foundations for training army personnel laid down by the *bakufu* were successfully used and improved by the Meiji government. The former opposition, which came to power as a result of the revolution and took all the key posts in the new state apparatus, saw as its first priority the strengthening of its own power, the danger to which was represented by both internal (the threat of powerful uprisings) and external (Western pressure) factors. The only opportunity to do this was not just to create the armed forces, but also to train loyal officers. In the early years of Meiji, military education took place in military units and military schools. Thus, we have the right to say that military education was subdivided into general and special, that is, a system was created that exists to this day in all countries without exception. The process of formation of military schools in Japan was distinguished by such essential principles as the constant search for ways to improve the officer training system, studying and using professional best practices of Western countries. The article discusses the basic military educational institutions, including the Military Gymnasium – Yōnen gakkō, the Military (Officer) School – Shikan gakkō, Military Academy – Rikugun daigakkō.

Keywords: Japanese Imperial Army, Ōmura Masujirō, Yamagata Aritomo, Military Gymnasium, Officer School, Military Academy.

Author: *Osmanov Evgeny M.*, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Theory of Social Development of Asian and African Countries, St Petersburg University (address: 11 Lieutenant Shmidt Emb., St Petersburg 199034, Russian Federations). E-mail: osmanov1979@mail.ru

Цель данной статьи – рассмотреть историю формирования системы обучения и подготовки кадрового состава японской императорской армии периода Мэйдзи. Для исследования выбраны ключевые и, в то же время, наименее освещённые в историографии проблемы, подробный анализ которых позволяет значительно углубить и во многом по-новому оценить сильные и слабые стороны японских вооружённых сил. Созданная в этот период военная система показала свою эффективность в ряде крупных военных конфликтов, завершившихся победой Японии. В общественном сознании японцев эти победы представлялись вполне естественными, обусловленными «особенностью и уникальностью» существовавшей в Японии императорской системы, находящейся под благосклонным покровительством синтоистских божеств. Но в действительности на эффективность этой

* The research was undertaken with the support of the grant J.T.I. Marketing and Sales “Linguistic evolution in the context of the development of information and communication technologies” (headed by I. S. Ibrahim).

системы влияло множество факторов, в числе которых традиционные способы воздействия на социум, характерные для восточного, в том числе и японского менталитета; порядок и законы, на основе которых строилась жёсткая дисциплина, патриотизм и военный фанатизм, обеспечивающие победы японского оружия. Немаловажную роль в этом сыграла система обучения новобранцев и подготовка командного состава армии.

Процесс становления военно-учебных заведений в Японии отличали такие существенные принципы, как постоянный поиск путей совершенствования системы офицерской подготовки, изучение и использование профессионального передового опыта западных стран.

Выбор темы исследования обусловлен тем, что до настоящего времени в мировой историографии вопросы подготовки японских военнослужащих периода Мэйдзи остаются практически неизученными. Не существует и переводов с японского языка текстов официальных документов и инструкций, регламентирующих жизнь солдат и офицеров императорской армии. В качестве основы исследования были использованы архивные материалы периода Мэйдзи, официальные сборники документов и императорских указов, документы и уставы, обращенные к военнослужащим, труды известных отечественных и японских военных теоретиков.

Создав вооружённые силы, основой которых, в отличие от ранее существовавших самурайских воинских формирований, стали представители простого народа, основная масса которых были выходцы из крестьянского сословия, правительство столкнулось с серьёзной проблемой. Её суть заключалась в том, что, несмотря на имевший место достаточно высокий уровень общей грамотности японского населения, в новых исторических реалиях японцы не могли угнаться за существующими темпами вестернизации, что порождало не только различные мифы относительно западного образа жизни и технических средств, но и вызывало определённые сложности, связанные с организованной на европейский лад армейской жизнью.

Таким образом, одна из целей правительства заключалась в том, чтобы вооружённые силы, ядром которых была молодёжь, сделать проводником новых знаний, которые после демобилизации военнослужащих должны были распространяться и в среде гражданской части японского общества. Следовательно, в условиях, когда европеизированная система образования практически полностью отсутствовала, именно вооружённые силы, помимо своих прямых задач, несли на себе и образовательную функцию. В данном ключе очевидной является взаимосвязь вооружённых сил и японского общества в целом. Многие военнослужащие вспоминали, что своему успеху в жизни они обязаны в первую очередь тем знаниям и навыкам, которые они получили в ходе армейской службы.

Популярный в СССР и современной России лозунг «армия – школа жизни» в несколько изменённом виде начал использоваться в Японии уже в семидесятые годы позапрошлого столетия. В японских наставлениях для военнослужащих можно встретить следующее выражение: «Армия защищает империю, а военная служба – открывает путь к новым знаниям» (軍隊は帝国を守り、軍役は新知識の道を開ける Гунтай ва тэйкоку о мамори, гунъэки ва синтисики но мити о акэру) [Айдзава, 1886, с. 4].

Заслуживает внимания и сам процесс внедрения этих новых знаний. Так, в 1875 г. военным руководством была разработана инструкция, в соответствии с которой каждый новобранец при поступлении в гарнизон получал пакет документов, в числе которых были и правила прохождения службы, некоторые разделы которых предусматривали разъяснения

относительно тех или иных новшеств, с которыми бывшие крестьяне были абсолютно не знакомы. Кроме того, командному составу всех рангов предписывалось не реже, чем раз в неделю, проводить собрания, на которых надлежало не только отвечать на вопросы военнослужащих, но и проводить определённую тематическим планом беседу. В ходе таких бесед солдатам разъяснялись насущные политические и экономические вопросы, международная ситуация и западные достижения как в области военного дела, так и в организации службы.

Здесь уместно провести некую аналогию с опытом российской армии во времена существования рекрутской системы (до 1874 г.). Поскольку призванный на военную службу был обязан посвятить ей практически всю свою жизнь¹, вопрос «комфортного» психологического внедрения рекрута в эту систему стоял достаточно остро. Для решения этой проблемы к каждому рекруту в полку приставляли особого солдата из старослужащих – так называемого дядьку, который не только выступал своеобразным психологом, но и обучал новобранца необходимым знаниям и навыкам. Поэтому не случайно, что именно в армии солдат становился человеком грамотным, что открывало перед ним определённую перспективу – получить должность сторожа, дворника, швейцара, писаря сельской общины и т.д.

Однако, как отмечал барон А. Гакстгаузен, общий нездоровый климат в российской армии привёл к тому, что отставные солдаты стали «зародышем пролетариата» в России [Гакстгаузен, 1870, с. 82]. При формировании своих вооружённых сил японцы учли тот факт, что насильственное внедрение знаний, равно как и жестокое обращение, озлобляет солдата, толкает его на путь противоправных действий, что в Японии семидесятых годов XIX столетия представляло реальную опасность. Поэтому за основу был взят принцип ненасильственного внедрения знаний и правил, в основе которого лежали традиционные конфуцианские морально-этические ценности, облачённые в соответствующую эпохе форму.

Мэйдзийскому правительству, провозгласившему первоочередной задачей создание сильной армии и флота, были необходимы многочисленные, хорошо обученные офицерские кадры. Отсутствие образованных офицеров в войсках бакуфу привело к его неспособности оказать действенное сопротивление нарастающей в стране оппозиции и, как следствие этого, к его краху.

Печальный опыт бакуфу заставил осознать мэйдзийское руководство, что основа вооружённых сил – их профессиональный командный состав. Как отмечает известный военный теоретик профессор А.И. Каменев: «Офицеры являются настоящим фундаментом, на котором должно покоиться величественное здание современной армии. Если прочен фундамент, то устойчиво и всё здание; но, если внизу вместо крепкого камня песок и мусор, то, как бы ни были изящны кариакиды, как бы ни сверкали на солнце позолоченные шпицы башен, и красота его, и кажущаяся прочность – это только опаснейший обман» [Каменев, 1999, с. 292]. Данное утверждение, выдвинутое в отношении российской армии последней четверти XIX века, с полным основанием можно отнести к любому времени и любой армии,

¹ До 1793 г. срок военной службы в российской армии не регламентировался и был практически пожизненным. С 1793 г. срок службы стал составлять 25 лет, в 1830-е годы он был уменьшен до 20 лет. Во время правления Александра II срок службы был сокращён до 15 лет, из которых действительная служба занимала 12 лет. За счёт введения системы увольнений в 1860-х годах сроки действительной службы сократились ещё больше и ко времени принятия Устава о воинской повинности в 1874 г. при общем сроке службы в 15 лет действительная служба составляла 7 лет.

в том числе и японской. Но в отличие от большинства офицеров российской армии, которые, получив, а нередко и неофициально купив чин, пренебрегали обучением и воспитанием солдат, подготовка офицерского корпуса в Японии всецело строилась на понимании его исключительной роли в войсках. Следствием этого понимания стало открытие военных учебных заведений, готовящих действительно высокопрофессиональные кадры.

Процесс становления военно-учебных заведений в Японии отличали такие существенные принципы, как постоянный поиск путей совершенствования системы офицерской подготовки применительно к складывающейся в Японии и за её пределами общественно-политической и экономической ситуации, изучение и использование профессионального передового опыта западных стран.

Огромную роль при этом играла идеология государства в целом и вооруженных сил, в частности. «Солдату необходимо указать наилучшую дорогу к славе, поднять в нём те нравственные качества, которые необходимы для военной службы, постараться привязать её к последней, дабы он мог отдаться ей всей душой, всеми помыслами» [Тулзаков, 1913, с. 133] – гласило руководство по подготовке солдат императорской армии, изданное незадолго до японо-китайской войны.

Обязанность воспитания солдат возлагается на офицерский корпус, поэтому именно подготовка офицеров, на наш взгляд, является основой сильных, сплоченных вооружённых сил. Как справедливо отмечает А.И. Каменев: «Военное образование никогда не может достигнуть своего полного развития без основательного народного просвещения; но и самое высшее народное просвещение не может восполнить недостатка в военном образовании. Если поражения войска происходят вследствие недостатка первого, то победы его возникают из процветания последнего» [Каменев, 199, с. 292].

Всё это прекрасно понимали проводники реформ в Японии. Одновременно с созданием в 1870-х – 1880-х годах широкой сети военно-учебных заведений, в стране шло введение всеобщего обязательного образования и строительство общеобразовательных школ. О месте, которое отводилось правительством этому образованию, свидетельствует принятие уже в 1872 г. «Положения об образовании» – «Гакусэй» 学制, провозгласившего создание централизованной системы школьного обучения в масштабах всей страны. Поскольку рассмотрение процесса становления всеобщего образования не входит в задачи статьи, логичным будет переход непосредственно к рассмотрению создания системы военного обучения, а точнее – к подготовке командного состава армии и флота.

Первым военным учебным заведением, созданным правительством Мэйдзи, стала Военная школа – «Хэйгакко:» 兵学校. Школа была открыта в августе 1868 г. в Киото по настоянию О:мура Масудзиро: 大村益次郎 (1824–1869), ответственного за военные вопросы при новом правительстве. В январе 1869 г. школа была переименована в «Хэйгакудзё» 兵学所. В июле 1869 г. школа, сменившая название на Военное училище – «Хэйгакурё:» 兵学寮, была переведена в Осака. За счёт всех этих перестановок, О:мура, настаивавший на создании вооружённых сил на основе всеобщей воинской повинности, старался найти ту модель обучения офицеров будущей армии, которая бы совершенно не зависела от старых условий и порядков и отвечала современным требованиям подготовки командного состава на Западе. На возражения консервативных членов правительства о том, что ещё неизвестно, на какой основе будут созданы вооружённые силы, О:мура, при поддержке видного военного деятеля

периода Мэйдзи Ямагата Аритомо 山縣有朋 (1838–1922), замечал, что «в любом случае вначале нужно подготовить кадровый состав и только затем набирать солдат. Иначе, без грамотного командования, дело создания сильной армии будет обречено на провал» [Тобэ, 1998, с. 30].

Всем княжествам, исходя из их размеров, было предписано отправить от пяти до 20 человек для обучения в училище. При этом О:мура требовал, чтобы это были не только самураи, но и представители крестьянского сословия. «Счастье той армии, которая силу свою основывает не на отборе особых талантов, которая не ищет в мирное время «выдающихся» начальников, не верит в призрачные таланты мирного времени, а заботится только о безжалостном удалении негодных элементов (по отношению к Японии – рядовых самураев – *Е.О.*), основывает свою силу на одинаково хорошем подборе и воспитании своего командного состава, без заблаговременного подразделения на «талантов» и простых смертных» [Морозов, 1909, с. 75]. Эту непреложную и для современной армии истину, сформулированную подполковником Генерального Штаба Российской армии Н.А. Морозовым, О:мура Масудзиро: понял одним из первых в Японии. Но осуществлению смелых планов по созданию действительно демократичной и правильной системы военного обучения О:мура помешала его скоропостижная смерть от руки реакционного самурая. Дело, начатое О:мура, продолжил во многом разделявший его взгляды Ямагата.

Несмотря на попытки привлечь к обучению в военном училище представителей всех сословий, приоритет по-прежнему оставался за самураями. Не желавшие терять исключительные права в формируемой военной системе страны, они всячески старались поступить в военное училище. В свою очередь крестьянство, традиционно стоявшее ниже военного сословия, сохраняло раболепное отношение к ним и не желало добровольно идти в училище, опасаясь, что это будет расценено как посягательство на монопольное право самураев. Вдобавок, нежелание крестьян обучаться военному делу объясняется теми же причинами, по которым они противились идти в армию по принятому в 1872 г. закону о воинской повинности (возникшими от недостатка информации мифами об опасности военной службы).

В апреле 1870 г. последовала серьёзная реорганизация училища, также преследующая цель упорядочивания системы подготовки командного состава армии. Результатом этого стало открытие при военном училище двух отделений: юношеского – «сэйэнгакуся» 青年学舎 и подросткового – «ё:нэнгакуся» 幼年学舎. Задача первого отделения заключалась в подготовке младших офицерских кадров, а во второе были переведены ученики Школы иностранных языков в Иокогама – «Иокогама (Ёкохама?) гогакусё» 横浜語学所. К тому же к училищу была приписана сформированная в январе 1869 г. учебная часть – «кё:до:тай» 教導隊, занимавшаяся подготовкой офицеров в полевых условиях.

В феврале 1872 г. Военное училище переводится в Токио и с этого времени находится в ведении созданного военного министерства. К названию училища добавили пояснение – «рикугун» 陸軍 (армия, сухопутные силы), отличающее его от Военно-морского училища. В первых числах марта в военное училище были переведены ученики Военной школы – «Нумадзу хэйгакко:» 沼津兵学校, открытой недалеко от Нагасаки в 1868 г. для обучения верных императору самураев с помощью французских инструкторов.

Обучение во всех подразделениях военного училища строилось по французской модели и вначале практически не отличалось от того, что было в последние годы бакуфу. Помимо французских преподавателей, переведённых из Нумацу, в «Хэйгакурё» работало множество французских военных офицеров, приглашённых правительством в 1869–1872 гг.

Ямагата и его сторонники прекрасно понимали роль руководящего и преподавательского состава военно-учебных заведений в подготовке командного состава армии. Условно эту роль можно выразить следующими принципами: во-первых, ответственностью перед страной и армией, которую несут военно-учебные заведения. Во-вторых, ограничением свободы проявления инициативы и самостоятельности обучаемых, что является важной составляющей правил армейского общежития и интересов служебной деятельности. Наконец, ролью, которую играет то или иное военно-учебное заведение в формировании воинского духа, представления о долге и чести, корпоративного духа и чувства товарищества.

Этими незыблемыми для армии положениями Япония всецело обязана иностранным военным инструкторам. В первые годы Мэйдзи, когда ведущая роль в преподавательском составе принадлежала иностранцам, японское руководство не могло активно влиять и управлять этими кадрами. Но уже с начала 1880-х годов, когда значительную часть преподавателей составляли японцы, правительство всячески подчёркивало и усиливало эту роль, главным образом за счёт умелой идеологической обработки этих самых преподавателей.

Как отмечают японские военные историки, образование, построенное именно по французской модели, положило начало распространению в стране передовой западной военной науки [Тобэ, с. 83]. Вместе с тем, вводя европейское образование и порядки, правительству и высшим военным кругам было чрезвычайно трудно сломать традиционный распорядок и уклад жизни учеников, большую часть которых, как мы уже отмечали, составляли самураи.

Так, одним из первых указов, принятых в военном училище, стал запрет на ношение мечей учениками. Данный указ стал первым шагом к полному запрету ношения мечей всеми без исключения самураями, принятому в 1876 г. Учеников заставляли стричь волосы, что поначалу в их глазах расценивалось как варварский обычай, превращающий их в подобие европейцев [Ягю, 1983, с. 48].

Особую проблему для учеников представляла европейская еда. В первое десятилетие Мэйдзи считалось, что европейцы достигли высокого уровня развития благодаря употреблению в пищу мяса и молочных продуктов. Для того чтобы японцы также приобрели навыки и силу европейцев, всем ученикам было предписано отказаться от традиционной японской пищи и есть только европейскую. Однако не только еда, но даже сам вид европейских столовых приборов из лужёной меди вызывал у учеников отвращение. «Мы не кошки и не собаки, чтобы есть из такой посуды» [Ягю, 1983, с. 48] – возмущались они.

Недовольство учеников вызывало и введение униформы европейского образца. Особенно ненавистны им были головные уборы, без которых нельзя было появляться на занятиях. Запрет на использование зонта во время дождя также вызывал у учеников не лучшие чувства. Всё это нередко приводило к открытому выражению недовольства. Многие, невзирая на запреты правительства, бросали учебу и бежали в свои княжества. Такая же ситуация складывалась и с введением в стране всеобщей воинской повинности в 1873 г. Значительная часть солдат покидала казармы именно в связи с насильственно насаждаемыми европейскими порядками.

Вместе с тем в военном училище вводились порядки, пришедшие по душе ученикам. Одним из примеров можно считать установление выходного дня в воскресенье и увольнительные, предоставляемые лучшим ученикам.

Ещё одним интересным примером европеизации является введение в обиход абсолютно новых для Японии временных единиц – минуты и секунды. Впервые они были приняты в военном училище, что, вследствие специфики военного дела, было, безусловно, необходимым и прогрессивным шагом. С введением всеобщей воинской повинности эти понятия, проникнув в сознание простых солдат, постепенно распространились на заводы и учреждения, и к середине 1870-х годов уже не являлись для японцев чем-то необычным.

Симпатии учеников военного училища снискали также европейские музыкальные инструменты и военные марши [Клобукова, 2018]. Таким образом, мы имеем ещё одно подтверждение тому, что вначале военное училище, а затем и вся армия, были изначальными проводниками европейской культуры и образа жизни на японской земле.

С переводом училища в столицу, созданные в его структуре подразделения получили самостоятельность, что, вкупе с открытием ряда новых ниже рассматриваемых военно-учебных заведений, положило конец существованию первого в истории Японии регулярного военного училища. Роль этого училища в военной жизни Японии трудно переоценить. Благодаря ему в стране сложилась грамотная система подготовки военных специалистов. К моменту введения всеобщей воинской повинности и создания на её основе многочисленных вооружённых сил система подготовки командного состава этой армии не только уже успешно действовала, но и смогла подготовить необходимые на первое время кадры. По мере увеличения численности армии требовалось все больше профессиональных офицеров, и созданная система с этим успешно справлялась.

Первой ступенью подготовки командного состава армии в результате реорганизации военного училища стала Военная гимназия – «Ё:нэнгакко:» 幼年学校, получившая самостоятельность от «Хэйгакурё:» в июне 1872 г. С мая 1875 г. гимназия переходит под прямое управление военного министерства.

В создаваемой системе военно-учебных заведений гимназии отводилась вспомогательная роль. Поскольку гражданское среднее образование только начинало распространяться в стране, уровень общего образования будущих офицеров императорской армии оставлял желать лучшего. Изобилующие специальными предметами военно-учебные заведения более высокого ранга не могли дополнительно включить и в без того перегруженные учебные планы общеобразовательные предметы. Таким образом, задачей военной гимназии стала общая начальная подготовка лиц, желающих посвятить себя военной службе.

Так же как и в других военно-учебных заведениях, образование в военной гимназии строилось по французской модели. Один из первых учеников гимназии, поступивший в 1873 г. Сиба Горо: 柴五郎 (1859–1945) говорил: «Все преподаватели, включая директора гимназии, были французы. Соответственно занятия также велись на французском языке. Родной язык, родная история, мораль и каллиграфия в учебном плане отсутствовали. Вместо этого нас заставляли изучать историю и географию Франции» [Тобэ, 1998, с. 88]. Во главе гимназии стояла группа французских офицеров, приглашённая правительством еще в 1871 г.

Вызывавший многочисленные нарекания учебный процесс кардинально изменился в 1875 г. Занятия стали проводиться на японском языке, ввели мораль, историю Японии

и каллиграфию. Основное внимание в гимназии уделялось изучению иностранных языков, причём изначально это был только французский, а с 1879 г. было введено преподавание немецкого и с 1885 – русского языка. Ученики получали право самостоятельного выбора одного из трёх языков. Поскольку гимназия играла роль средней школы, доля собственно военных предметов в учебном плане была ничтожна и включала лишь историю военного искусства, лекции по которой читались один раз в месяц. Несмотря на то, что в задачу гимназии входило «воспитание и укрепление духа будущих солдат и их практическая подготовка к тяжелой воинской службе» [Этогава, 2003, с. 8], практические занятия проводились лишь один раз за весь период обучения. Возраст поступающих был установлен в 15 лет, срок обучения – в три года. Число учеников не превышало 50 человек.

Изначально все затраты на обучение брало правительство, что соответствовало разработанным ещё О:мура Масудзиро: планам привлечения к военной службе выходцев из небогатых семей, не имевших средств на оплату обучения и другие сопутствующие затраты.

В 1880 г. обучение в гимназии стало платным. Исключение было сделано лишь для детей погибших и получивших тяжёлые ранения офицеров. Вместе с тем, наиболее способным ученикам, семьи которых находились в крайне тяжелом финансовом положении, правительство нередко полностью или частично возмещало понесенные расходы. Все эти исключения были отменены в 1896 г., то есть после окончания войны с Китаем. На наш взгляд, отмена бесплатного обучения была вызвана повышением статуса армии в обществе и государстве. Если в 1870-х годах финансовый стимул был основным, определявшим желание идти на военную службу, то с 1880-х годов, благодаря повышению статуса вооружённых сил в обществе, обучение военному делу и военная служба стали рассматриваться как особая привилегия, дающая почёт и уважение. В связи с этим уже не было недостатка в желающих обучаться военному делу и правительство могло свободно направить высвободившиеся средства на другие цели.

В начале 1880-х годов система образования в гимназии вновь претерпела некоторые изменения. Французские инструкторы были заменены немецкими, что связано с начавшимся в 1879 г. переводом армии на немецкий стиль. Главным образом, это можно объяснить тем, что в отличие от «демократичной» французской, немецкая система носила ярко выраженный авторитарный характер и пресекала всякое проявление индивидуальности. Именно прусская модель как нельзя лучше соответствовала избранному Японией курсу на внешнюю экспансию.

С окончанием японо-китайской войны, Японии, начавшей подготовку к войне с Россией, требовалось многократное увеличение офицерского корпуса. Для этого с 1896 г. помимо военной гимназии в Токио, получившей название Центральной военной гимназии – «Тюо ё:нэнгакко:» 中央幼年学校, в пяти городах (Осака, Нагоя, Хиросима, Сэндай и Кумамото) открылись Провинциальные военные гимназии – «Тихо: ё:нэнгакко:» 地方幼年学校. Ученики, закончившие провинциальные отделения гимназий, в течение двух лет обучались в центральной гимназии. Таким образом, общий срок обучения увеличивался с трёх до пяти лет. Вместе с тем возраст поступающих был снижен с 15 до 13 лет, что соответствовало возрасту учеников обычных средних школ. Но снижение возрастного ценза имело более вескую причину – желание правящих кругов контролировать и воспитывать занятых в военной системе лиц как можно с более раннего возраста. Бывшие ученики гимназии отмечали, что хотя они практически не изучали военную науку, изучение истории

и особенно морали делало из них марионеток в руках верховного военного руководства [Тобэ, 1998, с. 83].

Число учеников центральной гимназии, так же как и каждой провинциальной, составляло 50 человек. Таким образом, общее число учащихся гимназии ежегодно составляло 300 человек. Если до японо-китайской войны из 50 выпускников гимназии лишь 20 человек продолжали обучение в ниже рассматриваемом Военном (офицерском) училище – «Сикан гакко:» 士官学校, то после её окончания из 300 выпускников свыше 250 могли продолжить обучение в военном училище.

Второй ступенью подготовки офицерского состава сухопутных сил стало Военное (офицерское) училище. Училище было открыто летом 1875 г., но полностью строительство учебного комплекса было завершено только к 1878 г.

Как уже было отмечено, до открытия военного училища подготовка офицеров проводилась на юношеском отделении («сэйнэнгакуся») Военного училища («Хэйгакурё:»). До упразднения в апреле 1872 г. это отделение подготовило около 500 офицеров, большая часть которых составила средний командный состав формируемой с января 1873 г. армии. Тот факт, что военное училище было открыто спустя три года после закрытия подросткового отделения, объясняется отсутствием выпускников военной гимназии, первый выпуск которой состоялся весной 1875 г. Таким образом, реорганизация «Хэйгакурё:» привела к сбою в подготовке офицерских кадров как раз в то время, когда от их наличия зависело будущее Японии.

Но полностью подготовка офицеров прервана не была. В октябре 1873 г. была открыта Военная школа Тояма – «Рикугун То:яма гакко:» 陸軍東山学校, играющая роль временного военного училища. В качестве учеников туда направлялись лучшие унтер-офицеры регулярной армии. Также школа занималась переподготовкой офицеров, которые по тем или иным причинам не получили должностей в вооруженных силах. За два года существования временное училище выпустило около 400 офицеров, что в целом позволило укомплектовать сухопутные силы командным составом среднего звена. Подготовка офицеров включала овладение традиционными боевыми искусствами, главным из которых была техника владения мечом. Большое значение уделялось штыковому бою, дзюдзюцу и даже сумо [Power, 1998, p. 12].

В связи с недостатком преподавателей, инструкторами в школе работали самураи, прошедшие обучение в «Хэйгакурё:» в 1868–1871 гг. Разумеется, уровень образования, полученный у таких «преподавателей», был крайне низок. Особенно ярко это проявилось во время крупнейшего самурайского восстания 1877 г., когда прошедшие подготовку во временном училище командиры взводов и рот императорской армии не единожды совершали серьёзные стратегические и тактические ошибки. Возможно, данный факт стал причиной окончательной достройки военного училища, завершившейся в середине 1878 г.

С этим событием связан один довольно любопытный факт: церемонию завершения строительства посетил император и в честь этого была повторно проведена выпускная церемония учеников, окончивших школу в декабре 1877 г. Выступая с торжественной речью, император сказал: «Считая мощь войск полностью зависящей от степени подготовки офицеров, мы начали постройку этого училища. Сейчас, после успешного окончания строительных работ, Мы вместе с вами отмечаем это радостное событие. Развитие

и процветание нашей армии всецело зависят от воспитания грамотных офицеров, и поэтому Я возлагаю особые надежды на училище» [Мэйдзинэнкан хо:рэй дзэнсю: 1993, с. 1684]. С этого времени посещение выпускных церемоний в военном училище императором стало традицией, которую после смерти Муцухито продолжили императоры Тайсё 大正 (Ёсихито 嘉仁) (1879–1926) и Сёва 昭和 (Хирохито 裕仁) (1901–1989), что ещё раз подтверждает исключительную значимость военного образования в истории милитаристской Японии.

Что касается системы и сроков обучения, изначально они повторяли порядок, принятый в военной гимназии. Единственное серьёзное отличие заключалось в наличии большого числа военных дисциплин. Система обучения коренным образом изменилась в 1885 г., когда французские инструкторы были заменены немецкими офицерами во главе с профессором Берлинской военной академии майором Клеменсом Меккелем (1842–1906). Если раньше для поступления в училище необходимо было сдать только вступительный экзамен, то с принятием немецкой модели, помимо вступительного экзамена, желающие поступить в училище должны были в течение года пройти военную службу в определённом подразделении действующей армии. При этом срок обучения сокращался наполовину и составлял полтора года. Исключение было сделано только для выпускников военной гимназии, которые проходили службу в течение шести месяцев. Польза принятой системы очевидна. Будущие офицеры получали опыт службы в качестве рядовых солдат и унтер-офицеров, что, безусловно, помогало им после назначения на должность. Помимо военной службы до зачисления в училище, выпускники, прежде чем получить звание, вновь проходили службу в течение шести месяцев, но уже в качестве офицеров-стажёров. По окончании срока командир подразделения, в котором служил стажёр, составлял отчёт о его службе, на основании которого экзаменационная комиссия училища решала, достоин ли он офицерского звания или нет.

Момент, когда выпускник получал офицерский чин, был решающим в его жизни: он как бы переступал невидимую и формально не существующую черту, отделявшую новую военную элиту от простого народа. Этот переход в корне менял его положение в обществе. Неслучайно законодательные вопросы производства в офицеры тщательно регулировались и контролировались военным министерством и генеральным штабом.

С переходом на немецкую систему обучения, присутствующие в учебном плане военного училища немногочисленные общеобразовательные предметы (история, каллиграфия) были исключены. Вместе с тем увеличилось количество часов для иностранных языков (немецкий, французский и русский). В числе основных военных предметов училища были история западного военного искусства, тактика, стратегия, организация и управление армией, строевая подготовка, стрелковое дело, геоморфология, картография, верховая езда, фортификация и связь.

Важное отличие военного училища от военной гимназии заключалось в бесплатном образовании на протяжении всего его существования (до декабря 1945 г.), что было связано с невозможностью поступления туда посторонних лиц, то есть не окончивших гимназию, либо не имевших протекции в высшем армейском командовании. Специалист по военной истории периода Мэйдзи Хирота Тэраюки отмечает, что «военное училище давало определённому кругу лиц возможность занять высокое положение в обществе, не затратив при этом ни иены» [Хирота, 1997, с. 58].

Ещё одной особенностью училища было отсутствие определённого числа ежегодно набираемых учеников. До 1885 г. в среднем в училище поступало 20–30 человек, но с переходом на немецкую систему число поступающих стало неуклонно расти, и к 1894 г. достигло 200 человек [Тобэ, 1998, с. 96]. Японо-китайская война и подготовка к войне с Россией привели к ещё большему увеличению приёма. В 1903 г. ежегодно из стен училища выходило уже около 600 офицеров [Тобэ, 1998, с. 96]. Массовая подготовка офицеров, каждый из которых имел собственные амбиции и стремления, несмотря на старания руководства училища объединить их на основе солидарности, патриотизма и единой цели, которой все они служат, приводила к жёсткой конкуренции. «Соученики внешне представляли собой образец дружбы и сплочённости, но стоило им покинуть стены училища, между ними начиналась жесточайшая борьба за лучшие посты в армии. В этой борьбе использовались все возможные средства» [Такаси, 1976, с. 42]. Данное противостояние не было устранено и в дальнейшем.

Третьей, высшей ступенью подготовки командного состава армии стала Военная академия – «Рикугун дайгакко:» 陸軍大学校, открытая в 1883 г. в Токио. До японо-китайской войны академия готовила исключительно штабных офицеров, но затем там проходили подготовку и командующие дивизиями. Поскольку основной задачей академии была подготовка именно штабных офицеров, она, единственная из всех военно-учебных заведений, находилась в ведении генерального штаба.

Непосредственной причиной открытия академии стало самурайское восстание 1877 г., показавшее малочисленность и низкий уровень образования штабных офицеров, что негативно отражалось на выработке и применении боевой тактики и стратегии. До 1877 г. в Японии не было полного и эффективного управления стратегическими армейскими единицами. Научная стратегия растворялась в самурайской гордости, ненависти к трусости и стремлении к эпатажу, господствовавших в умах командиров подразделений. Вместе с тем, сложная структура сухопутных сил, включающая пять родов войск, требовала не только грамотных командиров подразделений, но и компетентного штабного руководства, подготовкой которого и занималась академия.

Слушателями академии были обер-офицеры до звания капитана всех родов войск, отличающиеся хорошим поведением, здоровьем и талантом [Тулзаков, 1913, с. 66]. Поступавшие сдавали два экзамена. Предварительный или начальный – «сёсин сикэн» 初新試験 – проводился при штабе дивизии под наблюдением офицера генерального штаба. По его окончании результаты отсылались директору академии, который в присутствии совета офицеров генерального штаба рассматривал результаты и давал рекомендации лицам, допущенным к вступительному или повторному экзамену – «сайсин сикэн» 再新試験. Задачей вступительного экзамена было определение у кандидатов уровня общих знаний и, главное, – их отношения к военной службе.

Принятую изначально французскую образовательную модель в 1885 г. заменили немецкой. Главная её особенность, отличающая академию от других военно-учебных заведений, заключалась в разработанной Меккелем методике преподавания. Ежедневно студенты стали получать стратегические и тактические задачи, самостоятельное решение которых должны были аргументировано доказывать, то есть логически подойти к выбору наилучшего решения. Благодаря этому слушатели не просто заучивали материал, но

и развивали способности самостоятельного мышления, необходимого для принятия оперативных решений. Такой подход к обучению ранее был неведом в Японии. Считая практику лучше всякой теории, Меккель ежемесячно проводил полевые занятия по моделированию различных боевых ситуаций. Перед выпуском, в августе-сентябре слушатели проходили трёхнедельную практику (сборы) в отдаленных районах, во время которой сдавали итоговый практический экзамен. Что касается теоретических занятий, то помимо предметов, преподаваемых в военном училище, в академии читались лекции по управлению, общественному праву, государственному устройству и законодательству [Тобэ, 1998, с. 98]. Наличие в учебном плане таких слабо связанных с военным делом аспектов чрезвычайно расширяло кругозор будущей военной элиты.

Хотя первая половина периода Мэйдзи проходила под знаком европеизации, многие существенные реалии европейской жизни оставались японцам недоступны. Во многом этот недостаток восполняли иностранные инструкторы, работавшие в военно-учебных заведениях, и, в первую очередь, в военной академии. Благодаря им многие неправдоподобные, а зачастую и просто фантастические представления японцев о Западе, постепенно оставались в прошлом.

Языковая подготовка будущих штабных офицеров была намного сильнее, чем выпускников военной гимназии и военного училища. В академии преподавалось пять языков – немецкий, французский, английский, китайский и русский. Так же как и в военном училище, срок обучения составлял три года. Ежегодно слушателям академии предоставлялся трёхнедельный отпуск. Выпускные церемонии, на которых обязательно присутствовал император, проходили с большой помпезностью. Поскольку академия готовила высшую элиту военных кругов, играющую существенную роль во внутри- и внешнеполитической жизни страны, это оказывало влияние и на число обучающихся. Как указывает Хирота Тэраюки, с 1887 по 1895 г. академия ежегодно выпускала 20 штабных офицеров, но с расширением её функций после японо-китайской войны их число увеличилось до 50 [Хирота, 1997, с. 72].

Несмотря на эффективность и логичность, установленная Меккелем методика преподавания нередко вызывала сильную критику со стороны наиболее консервативной части правительства. Особенно сильные нападки вызывали введённые Меккелем элементы дискуссий на занятиях, призванные развить в учениках навыки самостоятельного подхода к решению стратегических и тактических задач. Ямагата Аритомо отмечал: «Сложившаяся в военной академии система образования порождает споры ради самих споров, что в итоге не лучшим образом сказывается на дисциплине и подготовке в целом» [Тобэ, 1998, с. 101]. В действительности опасения Ямагата вызывала не столько сама методика образования, сколько опасение, что на фоне дискуссий по решению учебных задач, появятся дискуссии, касающиеся вооружённых сил в целом. Вместе с тем была и объективная критика в адрес учебного процесса. Опасение вызывало недостаточное изучение слушателями основ военного руководства и интендантства (коммуникаций и снабжения армии) – аспектов, в которых штабному офицеру необходимо быть сведущим.

Открытие военной академии завершило формирование трёхуровневой структуры подготовки командного состава армии. Перед началом японо-китайской войны в стране было открыто несколько узкоспециализированных военных школ: Стрелково-артиллерийское училище – «Рикугун хо:хэйсятэки гакко:» 陸軍砲兵射の学校 (1886), Военно-медицинское училище – «Гунъи гакко:» 軍医学校 (1888), Кавалерийское училище – «Рикугун дзё:ба

гакко:» 陸軍乗馬学校 (1888), Военно-инженерное артиллерийское училище – «Рикугун хо:ко: гакко:» 陸軍砲工学校 (1889), Интендантское училище – «Рикугун кэйри гакко:» 陸軍經理学校 (1890). Задачей всех этих училищ было восполнение недостатка профессиональных знаний по отдельным военным аспектам у рядового и офицерского состава армии в условиях подготовки войны с Китаем. На протяжении всей последующей истории императорской армии костяк вооруженных сил составляли выпускники трёх вышерассмотренных военно-учебных заведений, а вкупе с гармонично дополняющими их выпускниками специализированных училищ, Япония получила исключительную систему военного обучения, позволившую обеспечить четкое руководство армией и устранить недостаток профессиональных офицерских кадров. Особо значимым при этом является чрезвычайно короткий срок, за который Япония создала и усовершенствовала грамотную профессиональную подготовку военных специалистов.

Военная история любой страны свидетельствует о чрезвычайной и даже исключительной важности подготовки офицерских кадров. Это естественно, поскольку именно офицеры служат костяком, организующей силой вооруженных сил. Без надёжных, преданных и хорошо обученных офицеров невозможно создать сильную армию. Проводники военной реформы в Японии прекрасно осознавали это. Неслучайно, что подготовка командного состава сухопутных сил началась прежде, чем была создана сама армия на основе всеобщей воинской повинности. В последние годы существования осознало это и Токугава бакуфу. Но идущие в обществе процессы остановить оно было уже не в силах, и ему физически не хватило времени воплотить разработанные планы по подготовке профессиональных военных кадров по европейской модели с привлечением голландских и французских советников. То, что не сделало бакуфу, сделало правительство Мэйдзи.

Высокий уровень преподавания учебных дисциплин в военно-учебных заведениях, постоянный поиск наилучшей организационной структуры этих заведений, грамотный преподавательский состав, создание хорошей учебно-материальной базы, не испытывающей недостаток финансирования, и логичная структура всего военного образования – всё это наилучшим образом сказалось на общем боевом уровне японской императорской армии. Высокая профессиональная подготовка и сильный моральный дух японского офицера и, следовательно, простых солдат, оттачивался и совершенствовался вплоть до окончания Второй мировой войны, что находит отражение практически в любой работе, посвящённой японским вооруженным силам конца 1930-х – первой половины 1940-х годов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Айдзава Томидзо. Хэйэкися синтоку : [Памятка военному служащему]. Итоигавамати каппанся, 1886.

Гакстгаузен А. фон. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Т. 1. – М., 1870.

Каменев А.И. Военная школа России: уроки истории и стратегия развития. М.: СигналЪ, 1999.

Клобукова Н.Ф. Западная музыкальная культура в Японии периода Мэйдзи (1868–1912): заимствование и адаптация: дис. на соиск. уч. степ. кандидата культурологии: 24.00.01. М., 2018.

Морозов Н. Воспитание генерала и офицера, как основа побед и поражений (исторический очерк из жизни русской армии эпохи наполеоновских войн и времён плац-парада). Вильна, 1909.

Мэйдзинэнкан хо:рэй дзэнсю: : [Полное собрание законов и постановлений периода Мэйдзи]. Токио: Харасёбо, 1993. Т. 11.

Такаси Масаэ. Гунтай кё:ику э но иккосацу : [Размышления об образовании в армии] // Сисо: : [Мысль], Токио: Иванамисётэн, № 6. 1976.

Тобэ Рёити. Гякусэцу но гунтай : [Парадоксы вооруженных сил]. Токио: Тюокоронся, 1998.

Тулзаков С. Душа японской армии. СПб, 1913.

Хирота Тэраюки. Рикугун сё:ко: но кё:икусякайси : [Социальная история образования военных офицеров]. Токио: Сэорисёбо, 1997.

Этогава Харуо. Нихонрикугун но эйго кёйкуси : [История обучения английскому языку японской армии]. Вакаяма: Вакаямадайгаку сьуппан, 2003.

Ягю Эцукю. Мабороси но рикугумпэйгакурё : [«Призрачное» военное училище]. Токио: Роккосюппан, 1983.

Power Guy. A brief history of Toyama Ryu // Shudokan Martial Arts Association (SMAA) Newsletter, USA, Springfield, 1998. Fall.

REFERENCES

Aizawa, Tomizo (1886). Heiekisha shintoku [Soldier's manual], Itoigawamatci kappansha. (In Japanese).

Etogawa, Haruo (2003). Nihonrikugun no eigokyōikushi [History of Japanese Army English Teaching], Wakayama: Wakayamadaidaku shyuppan. (In Japanese).

Etshuko, Yagyu (1983). Maboroshi no rikugunpeigakuryō [The Phantomic Military School], Tokyo: Rokkoshyuppan. (In Japanese).

Gakstgauzen, A. (1870). Issledovaniya vnutrennikh otnosheniy narodnoy zhizni i v osobennosti sel'skikh uchrezhdeniy Rossii [Studies of the internal relations of folk life and especially rural institutions of Russia], Vol. 1, Moscow. (In Russian).

Hirota, Terayuki (1997). Rikugun shyōkō no kyōikushyakaishi [The social history of the military officers education], Tokyo: Seorishobo. (In Japanese).

Kamenev, A.I. (1999). Voennaya shkola Rossii: uroki istorii i strategiya razvitiya [Russian Military School: history lessons and development strategy], Moscow: Signal. (In Russian).

Klobukova N.F. (2018). Zapadnaya muzykal'naya kul'tura v Yaponii perioda Meydzi (1868–1912): zaimstvovaniye i adaptatsiya [Western musical culture in Japan of the Meiji period (1868–1912): borrowing and adaptation]: dis. na soisk. uch. step. kandidata kul'turologii [PhD dissertation (Culturology)]: 24.00.01, Moscow. (In Russian).

Meijinenkan hōrei Zenshū [Complete Meiji Laws and Regulations], (1911). Vol. 11, Tokyo: Harashobo. (In Japanese).

Morozov, N. (1909). Vospitaniye generala i ofitsera, kak osnova pobed i porazheniy (istoricheskiy ocherk iz zhizni russkoy armii epokhi napoleonovskikh voyn i vremen plats-parada) [The education of the general and officer as the basis of victories and defeats (historical sketch of

the life of the Russian army during the Napoleonic wars and the drill ground parade], Vilna. (In Russian).

Power Guy (1998). A brief history of Toyama Ryu, *Shudokan Martial Arts Association (SMAA) Newsletter*, Fall, USA, Springfield.

Takashi, Masae (1876). Guntai kyōiku e no ikkosatsu [Reflections on Army Education], *Sisō* [Thought], No. 6, Tokyo: Iwanami shoten. (In Japanese).

Tobe, Ryoichi (1998). Gyakusetsu no guntai [Paradoxes of the armed forces], Tokyo: Chuokoronsha. (In Japanese).

Tulzakov, S. (1913). Dusha yaponskoy armii [The soul of the Japanese army], St. Petersburg. (In Russian).

Поступила в редакцию 02.03.2020

Received 2 March 2020

Для цитирования: Османов Е.М. Образование новобранцев и подготовка командного состава японской императорской армии в первые годы эпохи Мэйдзи (1868–1912) // Японские исследования. 2020. № 2. С. 96–111. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10014

For citation: Osmanov E.M. (2020). Obrazovaniye novobrantsev i podgotovka komandnogo sostava yaponskoy imperatorskoy armii v pervyye gody epokhi Meydzi (1868–1912) [Education of recruits and training of commanding staff of the Japanese Imperial Army in the early years of the Meiji era (1868–1912)], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 2: 96–111. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10014

Японские исследования. 2020. №2. С. 112–132.

Japanese Studies in Russia, 2020, 2, pp. 112–132.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10015

«Японизация» китайского текста: «Мо:гю: вака» (1204) как адаптация «Мэн цю» (VIII в.)

Т.И. Виноградова, М.В. Торопыгина

Аннотация. В статье рассматриваются два памятника: китайский VIII в. «Мэн цю» и японский начала XIII века «Мо:гю: вака», основанный на тексте «Мэн цю». Оба памятника выполняют в первую очередь образовательную функцию: знакомят с сюжетами из китайского прошлого, – и имеют структуру, удобную для запоминания историй. Биография автора китайского текста Ли Ханя неизвестна. Китайский текст – это длинная рифмованная поэма, она состоит из 596 четырёхзнаковых строк, каждая из которых отсылает к комментарию, в котором рассказывается соответствующий исторический анекдот. Пары четырёхзнаковых строк соединяются по тематике. Структурной единицей текста поэмы служат четыре восьмизнаковых строки, объединённые одной рифмой. Героями произведения являются люди разного социального статуса, мужчины, женщины, дети, присутствуют также мифологические персонажи. Представлены события от древнейших времён и до танского времени. Первый комментарий предположительно был написан автором поэмы – Ли Ханем. Текст был популярен в эпоху Тан, однако позже был в Китае забыт. В Японии по «Мэн цю» до сих пор учат китайский язык и знакомятся с сюжетами из китайской истории.

Японский текст «Мо:гю: вака» создан в 1204 году, его автором является Минамото-но Мицуюки (1163–1244). В «Мо:гю: вака» входит 250 историй из «Мэн цю». Японский текст имеет структуру, сходную с японскими поэтическими антологиями. Истории памятника распределены по 14 тематическим разделам, каждый блок текста включает строчку из китайской поэмы (четыре иероглифа); историю, рассказанную по-японски; и японское стихотворение *вака*, сочинённое автором специально для данного текста. Первые разделы (разделы времён года) также снабжены поэтическими темами. Памятнику предисланы два предисловия – одно на китайском, другое – на японском языке. Тексты предисловий незначительно отличаются друг от друга по содержанию, но значительно – по стилю изложения. Изменение структуры произведения и наличие стихотворений-*вака* является стратегией «японизации» китайского текста.

Ключевые слова: японская поэзия, поэтическая антология, китайский язык, японский язык, «Мэн цю», «Мо:гю: вака».

Авторы:

Виноградова Татьяна Игоревна, кандидат исторических наук, заведующая Отделом литературы стран Азии и Африки, Библиотека Российской академии наук (ОЛСАА БАН) (адрес: 199034, Санкт-Петербург, Биржевая линия, д. 1). ORCID: 0000-0003-0664-4897; E-mail: ptat-vinogradova2008@yandex.ru

Торопыгина Мария Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12), профессор Института классического Востока и античности, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3). ORCID: 0000-0003-3214-5610; E-mail: mtoropygina@hse.ru

‘Japanization’ of the Chinese text: *Mōgyū Waka* (1204) as an adaptation of *Meng Qiu* (8th century)

T.I. Vinogradova, M.V. Toropygina

Abstract. The article discusses two texts: Chinese 8th century *Meng Qiu*, and early 13th century Japanese text called *Mōgyū Waka*, based on *Meng Qiu*. Both monuments perform primarily an educational function, they introduce events from the Chinese past, and have a structure convenient for remembering stories. The biography of Li Han, the author of the Chinese text, is unknown. The Chinese text is a long rhyming poem, consisting of 596 four-character lines, each of which refers to a commentary that tells a corresponding historical anecdote. Pairs of four-character lines are connected by subject. Four eight-character lines with one rhyme are structural units of the text of the poem. The heroes of the work are people of different social status, men, women, and children, as well as mythological characters. Events from ancient times to the Tang period are presented. The first commentary is supposed to be written by the author of the poem himself. The text was popular during the Tang era, but was later forgotten in China. *Meng Qiu* is a textbook that is still used in Japan to learn Chinese and get acquainted with the stories from Chinese past.

Japanese text *Mōgyū Waka* is created in 1204 by Minamoto no Mitsuyuki (1163-1244). *Mōgyū Waka* includes 250 stories from *Meng Qiu*. *Mōgyū Waka* has a structure similar to Japanese poetic anthologies. The stories are grouped by topic in 14 scrolls. Each block of the text includes a line from the Chinese poem (four characters), the story in vernacular and the Japanese *waka* poem. All poems are written by the author specifically to be included in this text. Four first scrolls (four seasons) are provided with poetic themes. Two prefaces are attached, one in classical Chinese and another in the vernacular. Texts of the prefaces differ slightly in content, but significantly in the style of presentation.

Change of the structure of the work and the presence of *waka* poems is a strategy for the ‘Japanization’ of the Chinese text.

Keywords: Japanese poetry, poetic anthology, Chinese language, Japanese language, *Meng Qiu*, *Mōgyū Waka*.

Authors:

Vinogradova Tatiana I., PhD of Sciences (History), head of the Department of Oriental Literature of the Russian Academy of Sciences Library (address: 1, Birzhevaya liniya, Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-0664-4897; E-mail: ptat-vinogradova2008@yandex.ru

Toropygina Maria V., PhD of Sciences (Philology), Senior researcher, Institute of Oriental Studies RAS (address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation), Professor, Institute for Oriental and Classical Studies of National Research University “Higher School of Economics” (address: 21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-3214-5610; E-mail: mtoropygina@hse.ru

Введение

Япония – страна китайского культурного ареала, которая, строя свою государственность, устанавливая законы, приняв буддизм, и даже сочиняя *моногатари*, основывалась на китайском опыте. А.Н. Мещеряков пишет: «Существование письменной китайской и устной японской словесной культуры ведёт не только к их взаимообогащению, синтезу в виде японоязычной письменной культуры. Со временем происходит и отбраковка тех заимствованных форм культуры и текстовой деятельности, которые входят в противоречие

или же не получают подкрепления в местной традиции. В свою очередь, далеко не все элементы местной культуры способны доказать свою плодотворность: часть из них вымывается под воздействием информационного потока, направленного с материка» [Мещеряков, 1991, с. 8–9].

Взаимодействие между китайским и японским языками (китаеязычными и японоязычными текстами) в Японии изучается в самых разных аспектах, среди которых: китайская письменность в Японии; появление и развитие японской письменности; прочтение письменного китайского текста по-китайски и по-японски; гендерные аспекты словесности; сочинение японцами текстов на китайском языке; перевод с китайского языка на японский, – и многие другие. В самом общем виде они определяются как «дихотомия *ва-кан*» и являются предметом рассмотрения многих статей и монографий¹.

«Мэн цю» (蒙求, яп. «Мо:гю:» – «Незрелые ищут»²) – один из учебников, по которым японские дети (мальчики из аристократических семей) начинали получать образование. Эти учебники охватывали элементарные знания, необходимые для перехода к следующему этапу образования, т.е. к чтению классических сочинений. Для рубежа XII–XIII веков, когда появился текст «Мо:гю: вака» (蒙求和歌 «Японские песни к «Мо:гю:»»), четыре учебных текста выделяются в понятие «четыре учебника» (*сибу-но докусё* 四部の読書, термин был введён японским исследователем О:та Сё:дзиро: [Guest, 2013, p. 35])³. К ним относятся «Цянь цзы вэнь», «Мэн цю», «Бай юн» и «Вакан ро:эйсю:». Текст «Цянь цзы вэнь» (千字文 «Тысяча знаков», яп. «Сэндзимон») создан приблизительно в 500 году, состоит из 1000 неповторяющихся знаков, по этому тексту детей учили в первую очередь иероглифике⁴. По «Мэн цю» знакомилась с различными эпизодами из биографий исторических личностей. «Бай юн» (百咏 яп. «Хякуэй» – «Сто композиций») – сборник сочинений танского поэта Ли Цзяо (李嶠 яп. Ри Кё:, 645–713), этот текст давал представление о сочинении китайских стихотворений *канси* (漢詩) на простые темы (темы из одного иероглифа) [Steininger, 2010, p.112–142]. «Вакан ро:эйсю:» (和漢朗詠集 – «Собрание японских и китайских песен для декламации», ок.1012) – антология, составленная японским поэтом Фудзивара-но Кинто: (966–1041), в которую входят строки стихотворений на китайском языке, написанные китайскими и японскими поэтами, и стихотворений *вака*⁵.

Переложение «Мэн цю» на японский язык появилось в самом начале XIII в. Выход самурайского сословия на политическую арену в XII в. сопровождался и вхождением в ряды «культурных» людей выходцев из самураев, которые хотели узнать разного рода аристократические премудрости. Сюда входило знание придворного этикета, китайская учёность, умение слагать китайские и японские стихи и т.д.

¹ Достаточно подробный перечень работ приводится в статье [Persiani, 2016], works cited p. 54–58.

² Русский перевод названия предложен Н.Н. Трубниковой и М.С. Колядой [Трубникова и Коляда, 2018, с. 37]. На английский язык название передается по-разному: «Child's Treasury», «Youth Inquires», «Searching from Ignorance» и др.

³ Об образовании в период Хэйан см. [Ury, 1999; Guest, 2013; Smits 2007].

⁴ Текст, безусловно, выполнял гораздо более сложную функцию, как пишет Л.М. Ермакова: «"Сэндзимон" – текст космологический, воссоздающий структуру мира, и в то же время своего рода энциклопедия с разьяснением основных понятий, соотносительной ценности явлений, со сводом моральных установлений» [Ермакова, 2020, с. 23].

⁵ Исследование памятника см. [Smits, 2000, No 2; Smits, 2000, No 3].

Текст «Мо:гю: вака», как и «Мэн цю», – тоже учебный. Его могли использовать те, кто недостаточно владел китайским языком. Однако текст не является переводом китайского источника, автор создаёт произведение, «японизируя» китайский текст. Основной задачей данного исследования является выявление тех стратегий создания текста, которые помогают сделать «китайское» «японским».

«Мэн цю»

Название «Мэн цю» восходит к 4-й гексаграмме 蒙卦 «Недоразвитость» китайского гадательного сочинения, датируемого VIII–VI вв. до н.э., «Ицзин» (易經 яп. «Экикё:» – «Книга перемен»). Фразу из «Ицзин»: 匪我求童蒙、童蒙求我 – Ю.К. Щуцкий переводит как: «Не я ищу юношей, юноши ищут меня» [Щуцкий, 1993, с. 51]. Два иероглифа из этого высказывания и составляют название сочинения.

Про автора «Мэн цю» – Ли Ханя (李瀚 / 李翰⁶, яп. Ри Кан) – ничего не известно, памятник датируется 746 г., однако дата остаётся под вопросом⁷.

«Мэн цю» представляет собой поэму из 596 строк в четыре иероглифа (всего 2384 иероглифа), соединённых попарно в строку в 8 иероглифов⁸. Рифма соединяет четыре восьмизнаковых строки.

Рифма в китайской поэзии существовала с древности, но долгое время не была регламентирована, поэты пользовались ею достаточно свободно. Однако целый комплекс причин, среди которых: фонетическая неоднородность китайского языка; изменение фонетики; практическая роль стихосложения (оно вошло в систему государственных экзаменов), – привели к созданию словарей рифм и на их основе таблиц рифм. Первым таким словарём был «Це юнь» (切韻 яп. «Сэцуин» – «Разрезание и рифма») Лу Фа-яня (陸法言 яп. Рику Хо:гэн, годы жизни неизвестны) [Завьялова, 2008], который «представлял собой первую в истории китайской филологии попытку создать нормативное чтение китайских иероглифов» [Крюков, Малявин, Софронов, 1984, с. 239]. Словарь был опубликован в 601 г., его объём составлял 11500 иероглифов. Иероглифы распределены по 193 «группам рифм» (в дальнейшем количество групп было увеличено до 206).

Группы рифм обозначаются первым иероглифом в данной группе. Так, первая группа рифм – группа 東 дун (в общей сложности в эту группу входит 155 иероглифов), с четырёх строк, зарифмованных иероглифами из этой группы, и начинается произведение Ли Ханя.

Таким образом, структурообразующим элементом поэмы «Мэн цю» является «куплет» из четырёх восьмизнаковых строк, рифмующихся одной рифмой.

Одновременно с изучением рифмы ученики должны были знакомиться с китайской историей, представленной небольшими историческими сюжетами, историческими анекдотами.

В каждой четырёхзнаковой строке два иероглифа обозначают имя или прозвище человека, два – отсылают к истории. Из четырёх иероглифов содержание истории уловить невозможно, однако, если читатель с сюжетом знаком, то он легко вспоминается. Таким

⁶ Встречаются и другие записи имени.

⁷ Подробнее о проблемах авторства и датировки см. [Galambos, 2015, 270–271].

⁸ Текст приведён в Интернете, см. [Мэн цю].

образом, для того, чтобы поэма начала «работать» как средство для изучения истории, требуется комментарий.

Первый комментарий к «Мэн цю», видимо, был написан самим автором поэтического текста Ли Ханем. Этот комментарий обычно в исследовательских работах называется «старым» комментарием⁹. Более известный на сегодняшний день комментарий был написан в эпоху Сун (960–1279) Сюй Цзы-гуаном (徐子光 яп. Дзё Сико:, годы жизни неизвестны). Комментарий объединяет пары историй, имея своеобразным заголовком две строчки из поэмы¹⁰.

Поскольку сочинение адресовано юной аудитории, комментарий – это краткое, адаптированное изложение истории, взятой из исторического или литературного произведения. У историй «Мэн цю» много источников (в некоторых случаях в тексте даётся отсылка к источнику), это могли быть династийные истории или сборники разнообразных рассказов *сяшо*. Четырёхзнаковая строка могла быть взята из первоисточника или сконструирована автором поэмы, которому было важно употребить определённую рифму.

Среди героев есть исторические и мифологические персонажи, однако, как отмечает Имре Галамбос (Imre Galambos), если «разделять их на категории реальных и вымышленных, видимо, это будет отражать современное понимание прошлого» [Galambos 2015, с. 271]. Героями историй являются мужчины и женщины, люди разного социального статуса. Время действия в сюжетах – от древнейших времён и до танского времени.

Две четырёхзнаковые строчки, объединённые в одну восьмизнаковую, отсылают к двум историям, между которыми есть нечто общее (это помогает запомнить содержание). При этом связи на уровне строчек, объединённых одной рифмой, не наблюдается.

Рассмотрим отрывок поэмы (строчки 373–376) с рифмой из группы *гэн 庚*¹¹.

玄石沈湎，劉伶解醒。
趙勝謝髻，楚莊絕纓。

Сюань Ши пьянствует.
Лю Лин трезвеет.
Чжаоский Шэн просит прощения у калеки.
Чуский Чжуан обрывает завязки.

Истории о Сюань Ши и Лю Лине объединяет тема питья вина.

Сюжет о Сюань Ши (Лю Сюань Ши 劉玄石) излагается в сборнике «Боучжи» (博物志 яп. «Хакубуцуси» – «Записки о всех вещах») Чжан Хуа (張華 яп. Тё: Ка, 232–300). Расширенный вариант истории содержится в книге «Соу шэнь цзи» (搜神記 яп. «Со:дзинки»),

⁹ Рукопись эпохи Муромати (1336–1573) со «старым» комментарием (求蒙注古廣增音附 3卷) опубликована в открытом доступе на сайте Парламентской библиотеки [Фуон дзо:ко: котю: мо:гю:].

¹⁰ См. японское издание 1682 г. 標題徐狀元補注蒙求 [Хё:дай дзё дзё:гэн хотю: мо:гю:., 1682].

¹¹ Целиком блок текста на рифму 庚 выглядит так: 叔寶玉潤，彥輔冰清。衛后髮鬢，飛燕體輕。玄石沈湎，劉伶解醒。趙勝謝髻，楚莊絕纓。 Первые две строчки: Шу-бао чистый, как яшма. / Янь-фу прозрачный, как лед. // Вэй-хоу распускает чёрные волосы. / Летящей ласточки невесомо тело.

в переводе на русский язык Л.Н. Меньшикова «Записки о поисках духов» [Гань Бао с. 449–450]) Гань Бао (干宝 яп. Кан Бо:, ?–336).

Сюань Ши выпивает «тысячедневное» вино, после чего засыпает на тысячу дней. Родственники думают, что он умер, хоронят его. Владелец винной лавки, продавший вино, приходит в дом Сюань Ши через тысячу дней, чтобы узнать, проснулся ли он. Родственники говорят, что он давно умер и похоронен. Могилу раскапывают, оказывается, что Сюань Ши только начал трезветь, так что он благополучно просыпается¹².

Герой второй истории, поэт Лю Лин (劉伶, яп. Рю: Рэй, 221–300), личность в истории очень заметная. Он – один из членов поэтического кружка «Семь мудрецов из бамбуковой рощи», представитель культурно-идеологического течения «ветер и поток» 風流 (кит. *фэн лю*, яп. *фурю*:). Лю Лин славился своей колоритной внешностью, совершал экстравагантные поступки, был пристрастен к вину. Жизнеописание Лю Лина представлено в официальном историографическом сочинении «Цзинь¹³ шу» (晉書 яп. «Синдзё» – «Книга Цзинь»). Это сочинение является источником многих историй «Мэн цю». Ещё один источник – сборник «Ши шо синь юй» (世說新語 яп. «Сэсэцу синго» – «Ходячие толки в новом пересказе» или «Новое изложение рассказов, в свете ходящих») Лю И-цина (劉義慶 яп. Рю: Гикэй, 403–444).

Лю Лин – любитель выпить. Он пьянеет, трезвет, опять пьянеет... Его жена пеняет ему, что он так много пьёт. Муж соглашается с ней, говорит, что даст клятву пить меньше, пусть жена приготовит мясо и овощи, и поставит вино, чтобы произнести клятву. Жена всё это готовит, Лю Лин ест, пьёт, снова пьянеет и говорит, что слушать жену ни в коем случае не стоит.

Истории, к которым даются отсылки в следующей восьмизнаковой строчке – это истории о чжаоском Шэне и чуском Чжуане, их объединяет идея уважения к чувствам другого, великодушия (хотя обе истории могут вызвать вопросы у современного человека).

Источником истории чуского (Чу – царство в южном Китае во время Чуньцю, 722–481 до н.э.) Чжуана (?–591 до н.э.). Источником истории является сборник «Шо юань» (說苑 яп. «Дзэйэн» – «Сад речений») Лю Сяна (劉向 яп. Рю: Кё: 77 до н.э. – 6 н.э.). Среди источников историй «Мэн цю» есть и другие сочинения Лю Сяна.

В истории чуского Чжуана рассказывается о том, как во время пира в темноте кто-то из присутствующих тянет за рукав императрицу. Она хочет, чтобы обидчик был наказан, его можно легко узнать, поскольку она оторвала завязки его головного убора. Однако государь, пока ещё не зажгли светильники, предлагает всем присутствующим оторвать завязки головных уборов. Обидчика не находят, он же, преисполненный благодарности, когда враги нападают на царство Чу, спасает страну.

Непосредственный источник, использованный автором, не всегда легко выявить, поскольку одни и те же истории появляются в разных сочинениях, однако в некоторых случаях источник указывается в тексте. Так, история о Чжао Шэне взята из «Ши цзи» (史記, яп. «Сики» – «Исторические записки») Сыма Цяня (司馬遷, яп. Сиба Сэн, 145/135 до н.э. – 87/86 до н.э.). В основе истории из «Мэн цю» 76-я глава памятника (начало главы) «Пиньюань-цзюнь, Юй Цин ле чжуань» – «Жизнеописание Пиньюань-цзюня и Юй Цина».

¹² Перевод этого эпизода из «Боучжи» см. [Алимов, 2014, с. 191].

¹³ Империя Цзинь существовала в 265–420 гг., однако «Книга Цзинь» была завершена лишь в 648 г.

Время действия в истории – III век до н.э. Упомянутые в начале истории Хуэй Вэнь-ван и Сяо Чэн-ван правили соответственно в 298–266 и 265–245 гг. до н.э.

«Пинъюань-цзюня называли чжаоским Шэном, он был одним из чжаоских княжичей. Среди них Шэн был самым мудрым, он любил принимать у себя *бинькэ*¹⁴, число которых в иные времена доходило до нескольких тысяч. Пинъюань-цзюнь¹⁵ служил *сяном*¹⁶ у чжаоских Хуэй Вэнь-вана и Сяо Чэн-вана. Три раза его смещали с поста *сяна* и три раза восстанавливали в этой должности, ему пожаловали владение в Дуньучэне.

Дом семьи Пинъюань-цзюня возвышался над жилищами соседей, среди которых был один хромой человек. Как-то он, ковыляя, отправился за водой, и его увидела красавица с верхнего этажа высокого дома Пинъюаней и громко посмеялась над ним. На следующий день этот человек пришёл к воротам Пинъюань-цзюня и обратился к нему с просьбой: «Я слышал, что вы, *цзюнь*, привечаете [учёных] мужей, которые прибывают к вам за тысячи *ли*¹⁷. Видно, вы умеете ценить [мудрых] мужей и презирать наложниц. Я, к несчастью, страдаю хромотой, и, когда я проходил мимо, [наложница из] вашего *хоугуна*¹⁸ посмеялась надо мной. Я хотел бы получить голову той, которая смеялась надо мной!» Пинъюань-цзюнь, улыбаясь ответил: «Ладно», – и хромой ушёл. Пинъюань-цзюнь, смеясь, сказал: «Посмотрите на этого глупца – из-за того, что над ним посмеялись, он требует убить мою красавицу! Ну не слишком ли это?» И так ничего и не сделал.

Прошло более года, и многие из живших на его подворье *бинькэ* разъехались. Пинъюань-цзюнь, удивленный этим, спросил: «Я, Шэн, в отношениях со своими мужами никогда не нарушал этикет, почему же столь многие из них уехали?» Один из его близких помощников, выступив вперед, сказал: «Дело в том, что вы, *цзюнь*, не казнили насмеявшуюся над хромым [наложницу]. Тем самым вы показали, что цените красоту выше учёных мужей. Поэтому они и уехали». Тогда Пинъюань-цзюнь казнил красавицу, которая смеялась над хромым, и с её головой лично отправился во двор хромого и попросил извинения у него. После этого [уехавшие] *бинькэ* мало-помалу вернулись в его подворье. В то время в Ци был Мэнчан-цзюнь, в Вэй – Синьлин-цзюнь, в Чу – Чуньшэнь-цзюнь. Они состязались друг с другом в привлечении к себе *бинькэ*» (Перевод Р.В. Вяткина) [Сыма Цянь 1996, с. 185–186].

«Старый» комментарий «Мэн цю» даёт такую интерпретацию истории:

«Исторические записки»: У Пинъюань-цзюня, чжаоского Шэна, был двухъярусный дом, с высоты которого можно было наблюдать за тем, что делается у соседей. Один из соседей был хромой. Как-то раз он, ковыляя, шёл за водой. Красавица, которая жила на верхнем этаже, смотрела на это и хохотала. Хромой подошёл к воротам и потребовал голову той, которая смеялась. Шэн, смеясь, ответил: «Согласен!» Но так и не убил. Гости стали постепенно разъезжаться, Шэн был этим крайне удивлён. Один из гостей сказал: «Так как вы не убили ту, которая смеялась над хромым, они посчитали, что вы любите красавиц, а учёными мужами пренебрегаете. Вот они и ушли». Тогда Шэн отрубил голову той, что

¹⁴ *Бинькэ* 賓客 – пришлые советники, гости. Подробно см. [Хаютина, 2013].

¹⁵ *Цзюнь* 君 – правитель, государь. Далее – как обращение.

¹⁶ *Сян* 相 – советник правителя.

¹⁷ *Ли* 裏 – мера длины, 0,5 км.

¹⁸ *Хоугун* 後宮 – дворец царских жён, «гарем».

смеялась, сам подошёл к воротам хромого и попросил прощения. Тогда гости вернулись [Сё: Кэн, 2012, с. 185].

Комментарий Сюй Цзы-гуана чуть более подробный:

«Исторические записки»: Один из чжаоских княжичей, чжаоский Шэн Пинъюань-цзюнь, любил [принимать у себя] гостей-*бинькэ*. Этих гостей бывало несколько тысяч. Служил советником-*сяном* у чжаоских Хуй Вэнь-вана и Сяо Чэн-вана, его трижды изгоняли и трижды восстанавливали в должности. У его семьи был высокий дом, с высоты которого можно было наблюдать за тем, что делается у соседей. Один из соседей был хромым. Как-то раз он, ковыляя, шёл за водой. Красавица, которая жила на верхнем этаже, смотрела на это и хохотала. На следующий день калека пришёл к воротам и стал требовать: учёные приходят издалека, государь должен оказывать им уважение. «У меня, ничтожного, к несчастью, увечье, я немощен и согбен, а женщина из твоих внутренних покоев посмеялась надо мной. Я хотел бы получить голову той, что посмеялась надо мной». [Шэн] смеясь, сказал: «Хорошо», – но убивать не стал. Прошло более года, и за это время более половины *бинькэ* постепенно разъехались. [Шэн] удивился, спросил об этом одного из гостей. Тот сказал: «Вы, государь, не убили ту, которая посмеялась над хромым. Это означает, что вы любите красавиц, а учёными мужами пренебрегаете. Вот они и ушли». Тогда Шэн отрубил голову той, что смеялась, сам подошёл к воротам хромого и попросил прощения. Тогда гости вернулись [Мэн цю цзи чжу].

В Китае текст «Мэн цю» был забыт. Будучи популярным учебником в период Тан (618–907), позже он не вошёл в число основных учебников¹⁹. Новое «открытие» состоялось только в XIX в., когда известный китайский библиофил, коллекционер, историк, каллиграф Ян Шоу-цзин (1839–1915) обнаружил, что в Японии по-прежнему пользуются текстом Ли Ханя. Три рукописи были открыты в Дуньхуане экспедицией 1908 г., возглавляемой Полем Пеллио (1878–1945), они хранятся в фонде его имени в Национальной библиотеке Франции [Чжэн А-цай, 2011].

В Японии первые сведения об использовании данного текста в качестве учебного относятся к 878 г. В «Нихон сандай дзицуроку» (三代実録 «Истинные записи трёх правлений в Японии»), в сообщении за 25-й день седьмого месяца говорится о том, что принц Садаясу впервые читал «Мэн цю» в павильоне Хигё:ся [Нихон сандай дзицуроку, 1901, с. 499]. Садаясу Синно: (貞保親王 870–924) – четвёртый сын императора Сэйва (清和天皇 850–881, на троне 858–876), ему в это время было восемь лет.

Текст «Мэн цю» активно использовался на протяжении многих веков, особенно активно в период Токугава (в основном с комментарием Сюй Цзы-гуана). В Японии у «Мэн цю» было много образовательных функций. Читая поэму, учащиеся запоминали китайские (онные) чтения иероглифов. По материалу комментария к поэме, впервые, ещё до знакомства

¹⁹ В число трёх основополагающих учебников, состав которых был определён в период Сун (они обозначаются термином «*сань бай цян*» 三百千), вошёл текст «Цянь цзы вэнь», «Бай цзя син» (百家姓, яп. «Хяккасей» – «Сто фамилий», эпоха Сун), и «Сань цзы цзин» (三字經, яп. «Сандзикё:» – «Троесловие», приписывается неоконфуцианцу Ван Ин-линю 王應麟, 1223–1296).

с классическими произведениями, узнавали случаи из китайской истории. Видимо, и аспект изучения китайской рифмы входил в число образовательных функций. Строки из «Мэн цю» часто использовались (и используются) при обучении каллиграфии. Кроме этого, был и специфически «японский» аспект – японские студенты учились разметке китайского текста специальными знаками (*кунтэн*), которые давали возможность прочесть китайский текст по-японски.

«Мо:гю: вака»

Автор «Мо:гю: вака» – Минамото-но Мицуюки (源光行 1163–1244)²⁰. В юности Мицуюки получил хорошую подготовку как в китайских науках, так и в японской поэзии. Его учителем в китайской учёности был Фудзивара-но Таканори (藤原孝範 1158–1233), человек в своей области очень влиятельный. Японскую поэзию Мицуюки изучал под руководством Фудзивара-но Сюдзэй (Тосинари 藤原俊成, 1114–1204), создателя школы Микохидари, самого прославленного поэта своего времени. Мицуюки, таким образом, имел связи с самыми влиятельными столичными учёными и поэтами. Жизнь же его протекала между столицей и сёгунской ставкой.

«Мо:гю: вака» – произведение, созданное как образовательный текст для сёгуна Минамото-но Санэтомо (1192–1219, на посту сёгуна 1203–1219). В 1204 г. Мицуюки преподнёс сёгуну три составленных им текста, которые должны были дать юноше большой пласт знаний. Этими текстами были «Мо:гю: вака»; «Хякуэй вака» (百詠和歌 «Японские песни по “Ста композициям”») и «Син гафу вака» (新樂府和歌 «Японские песни по «новым юэфу»²¹). Текст «Син гафу вака» не сохранился.

Памятник «Мо:гю: вака» известен в ряде списков. Авторитетный исследователь памятника Икэда Тосио разделил все имеющиеся списки на три группы. Третья группа – поздние рукописи, созданные на основе текста Мицуюки. Первая и вторая группы, как считается, – текст Мицуюки. К первой группе отнесены рукописи, в записи текста которых использована хирагана (*хирагана-мадзир*), ко второй группе отнесены списки, где текст записан с использованием катаканы (*катакана-мадзир*) [Икэда Тосио, 1969]. Дискуссия относительно того, какой текст был создан раньше, продолжалась до самого последнего времени, большинство исследователей сходятся на том, что в 1204 году Мицуюки создал версию *катакана-мадзир*²².

«Мо:гю: вака» предпосланы два предисловия (предисловия есть в *катакана-мадзир* версии, но отсутствуют в *хирагана-мадзир* версии) – одно на китайском языке (*манадзё*), другое – на японском языке (*канадзё*). Два предисловия к тексту – явление не новое, два предисловия, китайское и японское, имела первая императорская антология – «Кокин вакасю:» (古今和歌集 «Собрание старых и новых японских песен») [Дьяконова, 2016].

²⁰ Подробно биографию см. [Guest, 2013, 171–176].

²¹ «Новые юэфу» – цикл из 50 стихотворений танского поэта Бо Цзюй-и (白居易, 772–846), по преимуществу социальной направленности.

²² Обе версии (*катакана-мадзир* и *хирагана-мадзир*), включены в издание памятника [Сё: Кэн, 2012], оно использовано дальше для перевода и комментирования отрывков из «Мо:гю: вака». Ряд рукописей памятника можно увидеть в Интернете, в т.ч. рукопись [Мо:гю: вака] и её расшифровку [Кокурицу коккай тосёкан...].

Китайское и японское предисловия не просто не идентичны, но существенно отличаются по стилю. Оба предисловия выполняют основные функции, которые имеются у текстов подобного рода: определяют задачи сочинения, принципы организации материала, метод работы автора. При этом, китайское предисловие – более академичное и сухое, построено по классическим канонам китайских предисловий, японское же основано на метафорах, аллюзиях и языковой игре. Отличаются предисловия и по содержанию, в японском есть сведения, отсутствующие в китайском.

Китайское предисловие²³.

Составитель “Мэн цю” звался Ли Ханем. В назидание людям, здесь рассказано о случаях из жизни сотен людей. Японские песни завещал нам Какиномото²⁴. Он соединил в песне 31 знак, чтобы передать потомкам. Я – один из тех, кто по природе своей невежда, но хотя мои таланты и в японском, и в китайском скудны, с детства я учился и совершенствовался, а в зрелости стремлюсь к познанию. Вот так я перебирал старые строки китайских текстов, пытаюсь соотнести их с нравами нашей страны. Слова и дела мужчин и женщин, о которых написано в этом тексте, я изучал и по другим книгам. Поверяя эти тексты цветами и луной, я сочинил 250 японских песен, разделив их по тематике на весенние и осенние. Получилось 14 свитков. Это сделано в основном для того, чтобы учить детей, не задумываясь о том, что у старших всё это может вызвать лишь усмешку. В год Деревянной крысы эры Гэнкю [1204], ранней осенью, в день Водяной обезьяны²⁵ Минамото-но Мицуюки младшего пятого ранга с воодушевлением на досуге написал это.

Японское предисловие.

«Мо:гю:» возникает из понимания целей Ли Ханя, который собрал предания древности и передал их людям. Японские песни расцвели из слов Какиномото, они приносят в мир новые выражения. Я думаю о пути Ямато и Морокоси²⁶, но слова сбиваются на красоту цветов и луны.

В детстве, говорят, я имел привычку читать это сочинение, но, погоняя веточкой-кнутом свою бамбуковую лошадку²⁷, я позабыл оглядываться назад. В возрасте расцвета, решив уразуметь его смысл, снова беспокоился: ивовые ветви спутаны²⁸, и я не могу дойти до самой сути.

Недавно я покинул дом к северу от северных ворот императорского дворца²⁹, ступал по инею, звёзд над головой было не счесть³⁰. Теперь же к востоку от восточного поселения³¹,

²³ Подробный комментарий к предисловиям «Мо:гю: вака» см. [Сё: Кэн, 2012, с. 14–17; Guest, 2013, p. 177–181].

²⁴ Какиномото – Какиномото-но Хитомаро (660?–724?) – японский поэт, обожествлённый как покровитель поэзии.

²⁵ 12-й день седьмого месяца.

²⁶ Ямато и Морокоси – Япония и Китай.

²⁷ «Бамбуковая лошадка» – метафора детства, «погоняя бамбуковую лошадку» – взрослея. Отсылка к истории «Мэн цю» и «Мо:гю: вака».

²⁸ Отсылка к выражению, употреблённому в «Мэн цю».

²⁹ Покинул Киото.

³⁰ Отсылка к выражению, употреблённому в «Мэн цю» и «Мо:гю: вака».

³¹ Имеется в виду Камакура.

открываю ставни, использую для освещения снег, уповаю на лампу из светлячков³². В это время, выбрав мужчин и женщин из одной книги, я узнал примеры их мудрости и глупости из множества разных сочинений³³.

Сочинив 250 песен, я получил 14 свитков. Даже если писания отца темны, понимание ребенка может быть ясным. В год – давнее начало, время – первый месяц осени³⁴, в день Мидзуноэ³⁵, в тихих волнах, я смачиваю фиолетовую кисть³⁶ и пишу на белой конопляной бумаге³⁷.

Предисловия дают представление о том, с каким материалом и как работает автор: это китайский текст Ли Ханя, из которого взяты герои, но, чтобы составить сюжеты о них, автор использует и множество других книг, т.е. пользуется способом написания комментария. Материал распределяется по 14 категориям. К каждой истории пишется японская песня.

Текст памятника распределён по 14 разделам, в которые входит по 10 (5 разделов), 15 (2 раздела), 20 (6 разделов) и 50 (1 раздел) блоков (всего 250 историй, т.е. использовано немного меньше половины материала «Мэн цю»). Эти разделы:

1. Весна (20) 春部;
2. Лето (15) 夏部;
3. Осень (20) 秋部;
4. Зима (15) 冬部;
5. Любовь (20) 恋部;
6. Поздравления (10) 祝部;
7. Путешествия (10) 羈旅部;
8. Уединённая жизнь (10) 閑居部;
9. Тоска по прошлому (10) 懷旧部;
10. Воспоминания (сетования) (20) 述懷部;
11. Скорбь (20) 哀傷部;
12. Музыка (10) 管絃部;
13. Вино (20) 酒部;
14. Разное (50) 雜部.

Каждый блок текста состоит из названия истории, которым служит четырёхзнаковая строчка из «Мэн цю», краткого изложения сюжета и стихотворения-*вака*.

В первые четыре раздела (времена года) входит также тема стихотворения, которая обозначается сразу за названием.

³² Отсылка к историям из «Мэн цю» и «Мо:гю: вака», заниматься при свете снега и светлячков, значит, усердно заниматься.

³³ Т.е. автор выбрал героев из «Мэн цю», однако для написания своих историй использовал и другие книги.

³⁴ В тексте: キアノエノキ. Первый месяц осени – седьмой месяц.

³⁵ Мидзуноэ – японское чтение знака 壬.

³⁶ Отсылка к стихотворению Бо Цзюй-и «Кисть из заячьей шерсти» (笔毫紫) из «Новых юэфу». Означает пишущую кисть высокого качества, которая изготавливалась из шерсти зайца.

³⁷ Отсылка к стихотворению Бо Цзюй-и «Дулинский старик» (雙陵杜) из «Новых юэфу». Выражение означает бумагу высокого качества. В переводе Л.З. Эйдлина: «на листе казённой белой бумаги» [Бо Цзюй-и, 1978, с. 46].

Весна: начало весны (立春); день крысы (子日); дымка (霞); камышёвка (鶯); слива (梅); ива (柳); сакура (花); побеги папоротника (早蕨); весенний дождь (春雨); весенние лошади (новогоднее украшение) (春駒); возвращающиеся гуси (帰雁); *ёбукодори* (возможно – кукушка) (呼子鳥); посадка риса (苗代); персик (桃); фазан (雉); фиалка (堇菜); рододендрон (躑躅); глициния (藤花); ямабуки (керрия) (欵冬); конец весны (暮春).

Лето: смена одежд (更衣); *унохана* (дейция) (卯花); мальва (葵); кукушка (郭公); ирис красный (菖蒲); пересадка риса (早苗); ночные огни (для приманивания оленей во время летней охоты) (照射); ранний летний дождь (五月雨); цитрус (盧橘); светлячки (螢); огонь, отгоняющий комаров (蚊遣火); лотос (蓮); ледник (氷室); родник (泉); летний обряд очищения (荒和祓).

Осень: начало осени (立秋); праздник звёзд *танабата* (七夕); мискант-оги (萩); патриция (女郎花); мискант-сусуки (薄); злаки (苽宣); *фудзибакама* (посконник) (蘭); *хаги* (леспедеца двуцветная) (萩); гуси (雁); олень (鹿); роса (露); туман (霧); гибискус (槿花); встреча лошадей (駒迎); луна (月); отбивание одежды (ткани) вальком (擣衣); насекомые (虫); хризантема (菊); багряные листья *момидзи* (紅葉); последний день осени (九月盡).

Зима: начало зимы (初冬); морозящий дождь (時雨); иней (霜); снежная крупа (霰); снег (雪); засохший тростник (寒蘆); ржанка (千鳥); лёд (凍); водоплавающие птицы (水鳥); плетёные ловушки для рыбы (網代); ритуальные танцы *кагура* (神樂); соколиная охота (鷹狩); угольная печь (炭竈); тлеющий под золой огонь (埋火); канун Нового года (除夜).

Набор тем стихотворений, которые берёт автор, не новы. Темы взяты из сборника «Хорикава хякусю:» (堀河百集 «Сто песен Хорикава»), составленного в самом начале XII в. Авторы этого сборника сочиняли по сто песен на сто фиксированных тем. Сборник «Хорикава хякусю:» был неоценимым источником тем для поэтов последующих поколений.

Темы лета, зимы и осени взяты точно по списку тем «Хорикава хякусю:», в разделе «Весна» три темы отличаются и по-другому сформулирована последняя тема (конец весны (暮春) в «Хорикава хякусю:» и последний день весны (三月盡) в «Мо:гю: вака»). Три «не попавших» темы – это первая зелень (若菜), оставшийся снег (残雪) и ирис, а три «новых» темы – это персик (桃), фазан (雉) и рододендрон (躑躅).

Относительно остальных разделов памятника мнение исследователей в основном сводится к тому, что они коррелируют с антологией «Вакан ро:эйсю:». Однако, если первые разделы достаточно точно следуют за «Хорикава хякусю:», связь с «Вакан ро:эйсю:» не так однозначна. Кроме того, и структура «Вакан ро:эйсю» представляет собой, как замечает Дэвид Поллак, «неуклюжий» (awkward) компромисс между японскими императорскими антологиями и китайскими энциклопедиями [Pollack, 1983, p. 362].

По мнению Чжан Цзяня, «в четырнадцатичастной структуре “Мо:гю: вака” части четырёх времён года – в японском стиле, остальные части – в китайском стиле» [Сё: Кэн, 2007, № 51, с. 66]. К этому можно добавить, что некое промежуточное положение занимает

рубрика «Любовь», более свойственная японской поэзии, чем китайским энциклопедиям, но не снабжённая в «Мо.гю: вака» какими-то особенными темами³⁸.

Отнесение части историй к какой-то определённой рубрике в некоторых случаях не вызывает вопросов. Примером может служить раздел «Вино». Эта рубрика не характерна для японских антологий и связанные с пьянством истории, естественно, оказываются в этой части. Сюда попали и два рассмотренных нами сюжета – о Сюань Ши и о Лю Лине.

Раздел «Вино» (13-11)

Сюань Ши пьянствует.

Сюань Ши отправился в винную лавку в горах, чтобы купить вина, и владелец лавки предложил ему «тысячедневное вино». Выпив его, пьянеешь и засыпаешь. Домочадцы об этом не знали, они подумали: «Умер!» – плача и плача, положили его в гроб и зарыли в могиле.

Хозяин лавки, рассчитав, что, вроде, тысяча дней уже прошла, пришёл требовать денег в уплату, но ему сказали, что Сюань Ши давно умер. Хозяин лавки раскопал могилу, посмотрел, Сюань Ши как раз протрезвел и проснулся, и встал из гроба. Хозяин лавки помог ему, и они вместе вернулись в дом. Домочадцы удивились и испугались, но поняли, что он был пьян, а теперь проснулся. Люди тогда говорили: «Сюань Ши такого вина выпил, что чуть выпьешь, а пьян тысячу дней».

苔の下沈む浮き名はふりにけりさてしも生ける命なれども

кокэ-но сита / сидзуму укина ва / фуруникэри / сатэсимо икэру / иноти нарэ домо

Подо мхом
Погребён,
Так что и слухи улеглись.
Но вот же – жив,
Вот какова судьба.

В версии этой истории в *хирагана-мадзир* текстах стихотворение отличается:

うづもれしこけのしたよりさめぬればしでの山ちはゑひのふるさと

удзуморэси / кокэ-но сита-ёри / самэнурэба / сидэ-но ямадзи ва / эи-но фурусато

Похоронен, но
Если проснуться и взглянуть,
Здесь, подо мхом,
В этом горном краю мёртвых,
И есть моя хмельная родина.

Стихотворение отсылает к сочинению танского поэта Вань Цзи (王績 яп. О: Сэки, 585–644) «Цзуй сян цзи» (醉郷記 яп. «Суйкё:ки» – «Записи о пьяной земле»).

³⁸ В «Хорикава хякусю:» стихотворения раздела «Любовь» имели темы-подзаголовки.

Раздел «Вино» (13-12)

Лю Лин трезвеет

Лю Лин, имя его Бо Лунь. Ростом был шесть *сяку*³⁹, а внешности безобразной. Обычно он, сев в небольшую повозку, отправлялся к друзьям, имея с собой кувшин вина и заступ. «Если я напьюсь и умру, то где-нибудь меня похороните», – говорил он.

Когда-то, когда у Лю Лина пересохло в горле, он попросил вина, но его жена, горько заплакала, запричитала: «Ты пьёшь гораздо больше вина, чем можно. По этой дорожке идти – себя губить. Не придерживаешься пути достойной жизни. Прекрати это!» Лю Лин ответил: «Ты правильно говоришь. Следует дать клятву богам. Приготовь вино и мясо». Жена, как он велел, сделала разные приготовления. Лю Лин опустил на колени и произнес: «Небо породило Лю Линя. Меня знают благодаря вину. За раз я выпиваю один *коку*⁴⁰, а от пяти *то*⁴¹ остаюсь трезвым. Слова жены нечего слушать!» Лю Лин вино и мясо употребил и сделался мертвецки пьян.

春風とともに酔ひをばすすむとも情けなかれとわれないさめそ

харукадзэ то / томо-ни эи-оба / сусуму томо / насакэнакарэ то / варэ на исамэ со

Вместе с весенним ветром

Я продолжаю

Пьянствовать.

Оставить эту радость

Меня не проси.

В версии *хирагана-мадзир* стихотворение такое:

をぐるまのゑひにのりけるみちならでまた心やるかたもなき身に

огурума-но / эи-ни норикэру / мити нарадэ / мата кокоро яру / ката мо наки ми ни

Нет другого пути,

Как только сесть пьяным

В маленькую повозку,

По-другому никак

Сердце не успокоишь.

История о чуском Чжуане помещена автором в раздел «Любовь».

Раздел «Любовь» (5-4)

Чуский Чжуан обрывает завязки.

Как-то чуский Чжуан-ван ночью собрал людей, предложил им вино, и все веселились. И вот светильники задул ветер. Воспользовавшись моментом, кто-то потянул за рукав

³⁹ *Сяку* – мера длины, 30 см.

⁴⁰ *Коку* – мера ёмкости, 180 л.

⁴¹ *То* – мера ёмкости, 18 л.

государыню⁴², которая была рядом. Государыня оторвала завязки от головного убора этого человека и сказала: «Кто-то потянул меня за рукав. Зажгите огонь и накажите того, у кого нет завязок». Ван всегда сочувствовал людям, и был глубоко милосерден. Чтобы скрыть этот проступок, он предложил: «Вино требует от людей, чтобы они отставили церемонии. Этой ночью, пока не зажжены огни, все должны оборвать завязки своих головных уборов!» Стоило ему это сказать, как все оторвали завязки от своих шапок, и тот человек, что потянул государыню за рукав, стал незаметен. И он сохранил благодарность в своём сердце.

Позже войска Цзинь окружили Чу, и сила у них была несметная. В армии Чу был один человек, который, подняв копье, сражался лучше всех. И вот войска Цзинь были разбиты. Ван был удивлен, на его вопрос этот военачальник ответил, что он – тот человек, у которого государыня оторвала завязки. Он не щадил себя, помня о милости вана.

誰としもわかぬ名残の灯火を心に消えぬ情けなりける

*дарэ то симо / вакану нагори-но / томосиби-о / кокоро-ни киэну / насакэ нарикэру*⁴³

Кто это был –
 Не узнали.
 Пламень воспоминания в сердце
 Не гаснет
 От проявленной милости.

Анализируя этот текст и стихотворение, исследователь памятника Чжан Цзянь замечает, что при интерпретации стихотворение выражает благодарность незадачливого придворного к вану, остаётся неясной идея отнесения этого случая к разделу «Любовь». Однако стихотворения *вака* дают возможность разной интерпретации. Чжан Цзянь предлагает предположить, что стихотворение относится к чувствам женщины. Кто-то потянул её за рукав, но кто это, она никогда не узнает, но и не забудет этого, потому что правитель был добр к этому человеку. При такой интерпретации темой стихотворения может быть «любовь» в понимании поэзии *вака* [Сё: Кэн, 2007, № 52, с. 52–53].

История о чжаоском Шэне и калеке попала в раздел «Зима», тема «Замёрзший тростник».

Раздел Зима (4-7)

Чжаоский Шэн просит прощения у калеки. Замёрзший тростник.

Пиньюань-цзюнь, имя ему чжаоский Шэн. Если подняться на его высокую башню, видны люди в других домах. Хромой калека, волоча ногу, черпал воду, красавица на башне громко засмеялась. На следующий день калека, хромая, набрал воды, пришел к воротам и потребовал голову красавицы. Хозяин засмеялся и сказал: «Получишь!». Тот потом ещё приходил и упрекал, но зря.

⁴² В тексте слово *кисаки*.

⁴³ В версии *хирагана-мадзир*: дарэ то симо / вакадэ ями-ни си / томосиби-о / кокоро-ни киэну / насакэ нарикэру.

Время шло, гости все уехали. Когда хозяин спросил о причине, ему сказали: «Ты предпочитаешь любовь, а учёных мужей ни во что не ставишь». Хотя женщина была доброго нрава, и он думал: «Жаль её, печально это», – но не в силах вынести недовольство мужей, отсёк красавице голову, пришёл к воротам калеки и попросил у него прощения.

После этого мужи вернулись.

難波江のあしの下折れとにかくによしなきあまの口すさびかな

наниваэ-но / аси-но ситаорэ / тоникаку-ни / ёсинаки ама-но / кутисусаби кана

В заливе Нанива

Сломался и полёг засохший тростник.

О том, о сём

Бесцельно

Судачат нырятьщицы.

Стихотворение не только не имеет прямой связи с историей, но и локализуется в Японии, в Нанива. Связующим звеном с историей здесь служит омонимия слов: *аси* – «нога» и «тростник» (калека обозначается иероглифом 躓, который читается *асинаэ*). Слово «ломать» в стихотворении также даёт ассоциацию с калеккой. Таким образом, первая часть стихотворения может быть понята так: ноги сломаны, словно сломался и полёг засохший тростник в заливе Нанива.

Выше были приведены два варианта китайского комментария к данному отрывку. Мицуюки работал со «старым» комментарием – комментарием Ли Ханя. В этом комментарии не высказывается никаких эмоций героя в отношении красавицы. В японском тексте появляется как эмоция чжаоского Шэна в отношении женщины («жаль её, печально это»), так и, пусть совсем короткая, характеристика красавицы («женщина была доброго нрава»). Внесение таких пояснений относительно чувств и эмоций может быть одним из способов «японизации» лишённых эмоциональности древних китайских текстов⁴⁴.

Кояма Дзюнко высказывает мнение, что, создавая целых три произведения с японскими песнями на темы китайской поэзии и истории, как раз в то время, когда шла работа над новой императорской антологией «Синкокин вакасю:» (新古今和歌集 «Новое собрание старых и новых песен»), автор предполагал, что из этих его стихотворений какие-то могли быть отобраны для императорской антологии [Кояма Дзюнко, 2016, с. 18]. Однако этого не произошло, в «Синкокинсю:» входит всего одно стихотворение Мицуюки⁴⁵. Возможно, это явилось стимулом для автора переработать ряд стихотворений в более поздней версии памятника.

⁴⁴ Подробнее о построении прозаической части «Мо:гю: вака» и приёмов передачи источника см. [Тасака Дзюнко, 2014].

⁴⁵ Это стихотворение № 1541 (в переводе памятника на русский язык № 1539).

むせにでひもおの身きうをになば見を月の秋みの人るあ心

кочоро ару / хито номи аки-но / цуки-о мирэба / нани-о укими-но / омоидэ-ни сэму

В переводе И.А. Борониной: Если считать, / Что только чуткие к прекрасному сердца / Печалются, лунной любясь, / Как же тогда меня она наводит / На грустные воспоминанья? [Синкокинсю, 2001, с. 197].

Выводы

«Мо:гю: вака» не является просто переводом, передачей китайского текста на японском языке. Автор существенно меняет структуру, делая её похожей на японскую поэтическую антологию, добавляет *вака* – японские стихотворения. Оценивая структуру и текстологические особенности китайского и японского памятников, можно сказать, что именно стихотворения *вака* служат основным элементом «японизации» китайского текста. Изложенные на японском языке, сюжеты из китайского прошлого могли легко восприниматься даже теми читателями, кто не владел китайским языком. Будучи «японизацией» китайского текста, «Мо:гю: вака» сохраняет и большую долю «китайского». Текст «Мо:гю: вака» даёт представление о разных стилях письменного языка: строчка стихотворения «Мэн цю» – *камбун*, китайский язык; текст истории сохраняет близость с *кунтэн*, это японский язык, но он близок к принципам чтения по-японски китайского текста; стихотворение – это *вабун* (литературный японский язык). Будучи «японизированным», текст утратил часть своих важных образовательных функций (обучение иероглифике, чтению по-китайски, китайским рифмам), однако приобрёл функцию ознакомления со структурой японских поэтических антологий и японского стихосложения.

Китайский текст «Мэн цю» довольно рано утратил свою образовательную функцию в Китае и был совершенно забыт, в Японии он до сих пор играет значительную роль в обучении японцев китайскому языку.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алимов И.А. Сад удивительного: Краткая история китайской прозы сяошо I–VI вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. 589 с.

Бо Цзюй-и. Стихотворения / пер. с кит. Л.З. Эйдлина. М., Художественная литература, 1978. 302 с.

Гань Бао. Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи) / пер. Л.Н. Меньшикова. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994. 570 с.

Дьяконова Е.М. Японское Предисловие Ки-но Цураюки и Предисловие Ки-но Ёсимоти на *камбуне* к «Собранию старых и новых песен Японии»: генезис и интерпретации // История и культура традиционной Японии 9. Москва: РГГУ; Санкт-Петербург: Издательский Дом «Гиперион», 2016. С. 69–82. (*Orientaliaet Classica*: Труды Института восточных культур и античности; вып. LXV).

Ермакова Л.М. О перечнях и списках в японской литературе // История и культура Японии. Вып. 12. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. С. 21–31. (*Orientaliaet Classica* I (LXXII)).

Завьялова О.И. «Це юнь» // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 3. Литература. Язык и письменность. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2008. С. 728–729.

Икэда Тосио. Мо:гю: вака но сэйрицу то дэнрю: – соно сёдэнхон-о мэгуттэ : [Появление и традиция «Мо:гю: вака»: о различных списках памятника] // Бунгэй кэнкю:. Т. 27 (1969). С. 38–75.

Кокурицу коккай тосёкан хон «Мо:гю: вака»: Минамото Мицуюки : [«Мо:гю: вака», список Национальной парламентской библиотеки]. URL: <https://www.yatanavi.org/text/mogyuwaka/index.html> (дата обращения: 05.04.2020).

Кояма Дзюнко. «Мо:гю: вака», «Хякуэй вака»-но хё:гэн – кадзин-то ситэ-но Минамото-но Мицуюки : [Выразительность в «Мо:гю: вака» и «Хякуэй вака»: Минамото-но Мицуюки как поэт] // Кё:то дайгаку кокубунгаку ронсо: . № 35 (2016). С. 1–21.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII). М.: Наука, 1984. 334 с.

Мещеряков А.Н. Древняя Япония: культура и текст. М.: Наука, 1991. 223 с.

Мо:гю: вака. 2 т. Рукопись. URL: <https://www.dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2608964?tocOpen ed=1> (дата обращения: 09.04.2020).

Мэн цю. URL: <https://www.zh.wikisource.org/zh/%E8%92%99%E6%B1%82> (дата обращения: 03.04.2020).

Мэн цю цзи чжу : [Мэн цю со сводными комментариями]. URL: <https://www.ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=646559&remap=gb> (дата обращения: 08.04.2020).

Нихон сандай дзицуруку : [Истинные записи трёх правлений в Японии] // Кокуси тайкэй. Т. 4. Токио: Кэйдзай дзассися, 1901. 727 с.

Сё: Кэн (Чжан Цзянь). «Мо:гю: вака» ко:тю: : [«Мо:гю: вака» с комментарием]. Хиросима: Кэйсуйся, 2012.

Сё: Кэн (Чжан Цзянь). «Мо:гю: вака»-ни окэру кан кодзи-но дзюё: (сики-но бу-о тю:син-ни) : [Восприятие китайских исторических анекдотов в «Мо:гю: вака»: на примере части четырёх времен года] // Тю:гоку тю:сэй бунгаку кэнкю: № 51. 2007. С. 62–79.

Сё: Кэн (Чжан Цзянь). «Мо:гю: вака»-ни окэру кан кодзи-но дзюё: (коибу-о тю:син-ни) : [Восприятия китайских исторических анекдотов в «Мо:гю: вака»: на примере рубрики «Любовь»] // Тю:гоку тю:сэй бунгаку кэнкю: № 52. 2007. С. 41–54.

Синкокинсю: Японская поэтическая антология XIII века. В 2 т. Т. 2 / пер. И.А. Борониной. М.: Корал Клаб, 2001. 462 с.

Сыма Цянь. Исторические записки. Т. 7 / пер. Р.В. Вяткина. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 462 с.

Тасака Дзюнко. «Мо:гю: вака» дзёдзюцу-но хо:хо: : [Система повествования в «Мо:гю: вака»] // Фукуока дайгаку дзинбун ронсо: . Т. 46, № 3. 2014. С. 723–754.

Трубникова Н.Н., Коляда М.С. «Собрание стародавних повестей» в традиции японских поучительных рассказов XII–XIV вв. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и Дальнем Востоке. № 4. 2018. С. 34–44. DOI: 10.24866/1997-2857/2018-4/34-44

Фуон дзо:ко: котю: мо:гю: : [«Мо:гю:» со старым комментарием, расширенный пометами для чтения] 3 маки. [эпоха Муромати]. URL: <https://www.dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2606900> (дата обращения: 03.04.2020).

Хаятина М.С. «Гостеприимные мужи» и их «гости» в эпоху Сражающихся царств в IV–III вв. до н.э. // Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры. Собрание трудов. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2013. С. 399–436. (Учёные записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 11).

Хё:дай дзё дзё:гэн хотю: мо:гю: : [«Мо:гю:» с комментарием Дзё Сико:]. Б.м.: Китакура сёдо:, 1682. URL: https://www.wul.waseda.ac.jp/kotenseki/html/nu08/nu08_01943/index.html (дата обращения: 06.04.2020).

Чжэн А-цай. Дуньхуан бэнь «Мэн цю» цзи чжувэнь чжи као дин юй яньцзю : [Изучение текста и комментариев рукописей «Мэн цю» из Дуньхуана] // Дуньхуан сюэ. Т. 24. 2011. С. 177–198.

Щуцкий Ю.К. Китайская классическая книга перемен. Ицзин. М.: Русское книгоиздательское товарищество, 1993. 382 с.

Galambos Imre. Confucian education in a Buddhist environment: Medieval manuscripts and imprints of the Menqiu, *Studies in Chinese Religions*, 2015. 1 (3): 268–288.

Guest Jenifer. Primers, Commentaries, and Kanbun Literacy in Japanese Literary Culture, 950-1250CE. PhD thesis. Columbia University. 2013.

Persiani Gian-Piero. China as Self, China as Other: On Ki no Tsurayuki's use of the wakan dichotomy”, *Sino-Japanese Studies*, 2016. 23: 30–58.

Pollack David. The Informing Image. ‘China’ in Genji Monogatari, *Monumenta Nipponica*, 1983. 38 (4): 359–375.

Smits Ivo. Song as cultural history: Reading Wakan Rōeishū (Texts), *Monumenta Nipponica*, 2000. 55 (2): 225–256.

Smits Ivo. Song as cultural history: Reading Wakan Rōeishū (Interpretations), *Monumenta Nipponica*, 2000. 55 (3): 399–427.

Smits Ivo. The way of the literati: Chinese learning and literary practice in Mid-Heian Japan. Heian Japan, Centers and Peripheries. Honolulu: University of Hawai‘i Press. 2007. P. 105–128.

Steininger Brian Robert. Poetic ministers: Literacy and bureaucracy in the Tenth-Century State Academy. PhD thesis. Yale University. 2010.

Ury Marian. Chinese learning and intellectual life. *The Cambridge History of Japan. Vol.2. Heian Japan* / Ed. D.Shively and W.McCullough. Cambridge: Cambridge University Press. 1999.

REFERENCES

Alimov, I. A. (2014). Sad udivitel'nogo: Kratkaya istoriya kitayskoy prozy syaoshu I-VI vv. [The Gardens of the Marvelous: A concise history of the 1-4th century Chinese Xiaoshuo prose], St Petersburg : Peterburgskoye Vostokovedeniye. (In Russian).

Bo Juyi (1978). Stikhotvoreniya [Poems], trans. from Chinese by L.Z. Eydlina, Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Dyakonova, E.M. (2016). Yaponskoye Predisloviye Ki-no Tsurayuki i Predisloviye Ki-no Yosimoti na kambune k «Sobraniiyu starykh i novykh pesen Yaponii»: genezis i interpretatsii [Kokinshū anthology: *kanajo* by Ki no Tsurayuki and *manajo* by Ki no Yoshimochi], *History and culture of Japan*, 9 (Orientalia et Classica. LXV): 69–82. (In Russian).

Ermakova, L.M. (2020). O perechnyakh i spiskakh v yaponskoy literature [Lists and Catalogs in Japanese Literature], *History and culture of Japan*, 12. (Orientalia et Classica I (LXXII)): 21–31. (In Russian).

Fuon zōkō kochū *Mōgyū* [*Mōgyū* with the old commentary and signs for Chinese-derived character reading]. Manuscript. URL: <https://www.dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2606900> (accessed: 03 April 2020). (In Japanese).

Galambos, Imre (2015). Confucian education in a Buddhist environment: Medieval manuscripts and imprints of the *Menqiu*, *Studies in Chinese Religions*, 1 (3): 268–288.

Gan Bao (1994). *Zapiski o poiskakh dukhov (Sou shen ji) [In Search of the Supernatural]*, trans. by L.N.Men'shikov, St Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye. (In Russian).

Guest, Jenifer (2013). *Primers, Commentaries, and Kanbun Literacy in Japanese Literary Culture, 950-1250CE*, PhD thesis, Columbia University.

Hyōdai jo jōgen hochū *Mōgyū* (1682). [*Mōgyū* with the commentary by Jo Shikō]. URL: https://www.wul.waseda.ac.jp/kotenseki/html/nu08/nu08_01943/index.html (accessed: 06 April 2020). (In Japanese).

Ikeda, Toshio (1969). *Mōgyū waka no seiritsu to denryū: sono shodenhon o megutte [The origin and tradition of the Mōgyū waka: on the various copies]*, *Bungei kenkyū*, 27: 28–75. (In Japanese).

Khayutina, M.S. (2013). «Gostepriimnyye muzhi» i ikh «gosti» v epokhu Srazhayushchikhsya tsarstv v IV–III vv. do n.e. ["Hospitable men" and their "guests" in the period of the Warring kingdoms in the IV – III centuries BC], *Scientific notes of the Department of China IV RAS*, XI: 399–436. (In Russian).

Kokuritsu kokkai toshokan hon *Mōgyū waka* [*Mōgyū waka: the copy of the National Diet library*]. URL: <https://www.yatanavi.org/text/mogyuwaka/index.html> (accessed: 05 April 2020). (In Japanese).

Koyama, Junko (2016). *Mōgyū waka, Hyakuei waka no hyōgen – kajin to shite Minamoto no Mitsuyuki [Expression in Mōgyū waka and Hyakuei waka: Minamoto no Mitsuyuki as poet]*, *Kyōto daigaku kokubungaku ronsō*, 35: 1–21. (In Japanese).

Kryukov, M.V., Malyavin, V.V., Sofronov, M.V. (1984). *Kitayskiy etnos v sredniye veka (VII-XIII). [Chinese Ethnicity in the Middle Ages (VII-XIII)]*. Moscow: Nauka. (In Russian).

Mengqiu ji zhu [Mengqiu with commentaries]. URL: <https://www.ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=646559&remap=gb> (accessed: 08 April 2020). (In Chinese).

Mengqiu. URL: <https://www.zh.wikisource.org/zh/%E8%92%99%E6%B1%82> (accessed: 03 April 2020). (In Chinese).

Meshcheryakov, A.N. (1991). *Drevnyaya Yaponiya: kul'tura i tekst [Ancient Japan: culture and text]*, Moscow: Nauka. (In Russian).

Mōgyū waka. 2 vol. Manuscript. URL: <https://www.dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2608964?tocOpen=1> (accessed: 09 April 2020). (In Japanese).

Nihon sandai jitsuroku (1901). *Tōkyō: Keizai zasshisha. (Kokushi taikei, vol. 4)*. (In Japanese).

Persiani, Gian-Piero (2016). *China as Self, China as Other: On Ki no Tsurayuki's use of the wa-kan dichotomy*, *Sino-Japanese Studies*, 23: 30–58.

Pollack, David (1983). *The Informing Image. 'China' in Genji Monogatari*, *Monumenta Nipponica*, 38 (4): 359–375.

Shchutskiy, Yu.K. (1993) *Kitayskaya klassicheskaya kniga peremen. Yijing [Chinese classic book of change. Yijing]*, Moscow: Russkoye knigoizdatel'skoye tovarishchestvo. (In Russian).

Shinkokinshū: *Yaponskaya poeticheskaya antologiya XIII veka (2001)*. [Shinkokinshū: Japanese poetic anthology of the 13th century], trans. by I.A.Boronina, in 2 vol., Vol. 2, Moscow: Koral Klub, 2001. (In Russian).

Shō Ken (Zhang Jian) (2007). *Mōgyū waka ni okeru kan koji no juyō* (shiki no bu o chūshin ni) [Perception of Chinese in *Mōgyū waka* (the example of the four seasons parts)], *Chūgoku chūsei bungaku kenkyū*, 51: 62–79. (In Japanese).

Shō Ken (Zhang Jian) (2007). *Mōgyū waka ni okeru kan koji no juyō* (koibu o chūshin ni) [Perception of Chinese in *Mōgyū waka* (the example of the love part)], *Chūgoku chūsei bungaku kenkyū*, 51: 41–54. (In Japanese).

Shō Ken (Zhang Jian) (2012). *Mōgyū waka kōchū* [*Mōgyū waka* with commentary], Hiroshima: Keisuisha. (In Japanese).

Sima Qian (1996). *Istoricheskiye zapiski* [Historical notes]. VII, Moscow: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN. (In Russian).

Smits, Ivo (2000). Song as cultural history: Reading Wakan Rōeishū (Interpretations), *Monumenta Nipponica*, 55 (3): 399–427.

Smits, Ivo (2000). Song as cultural history: Reading Wakan Rōeishū (Texts), *Monumenta Nipponica*, 55 (2): 225–256.

Smits, Ivo (2007). The way of the literati: Chinese learning and literary practice in Mid-Heian Japan, in *Heian Japan, Centers and Peripheries*, Honolulu: University of Hawai'i Press: 105–128.

Steininger, Brian Robert (2010). Poetic ministers: Literacy and bureaucracy in the Tenth-Century State Academy, PhD thesis, Yale University.

Tasaka, Junko (2014). *Mōgyū waka jujutsu no hōhō* [Principles of storytelling in *Mōgyū waka*], *Fukuoka daigaku jinbun ronsō*, 46, 3: 723–754. (In Japanese).

Trubnikova, N.N., Kolyada, M.S. (2018). «Sobraniye starodavnikh povestey» v traditsii yaponskikh pouchitel'nykh rasskazov XII–XIV vv. [*Konjaku Monogatari -shū* in the Japanese didactic tales tradition of 12th-14th centuries], *Humanities Research in the Russian Far East*, 4: 4–44. (In Russian).

Ury, Marian (1999). Chinese learning and intellectual life. The Cambridge History of Japan. Vol.2. Heian Japan, Ed. D.Shively and W.McCullough, Cambridge: Cambridge University Press.

Zav'yalova, O.I. (2008). “Ce yun” [“Ce yun”], in *The Encyclopedia China's Spiritual Culture*, Vol. 3: 728–729. (In Russian).

Zheng Acai (2011). Dunhuang ben “Meng qiu” ji zhuwen zhi kao ding yu yanjiu [Examination of the Text and Commentary of the Mengqiu Manuscripts from Dunhuang], *Dunhuang Studies*, 24: 177–198. (In Chinese).

Поступила в редакцию 12.04.2020

Received 12 April 2020

Для цитирования: Виноградова Т.И., Торопыгина М.В. «Японизация» китайского текста: «Мо:гю: вака» (1204) как адаптация «Мэн цю» (VIII в.) // Японские исследования. 2020. № 2. С. 112–132. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10015

For citation: Vinogradova T.I. Toropygina M.V. (2020). «Yaponizatsiya» kitayskogo teksta: «Mo:gyu: vaka» (1204) kak adaptatsiya «Men tsyu» (VIII v.) [‘Japanization’ of the Chinese text: *Mōgyū Waka* (1204) as an adaptation of *Meng Qiu* (8th century)], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 2: 112–132. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10015

Японские исследования. 2020. № 2. С. 133–151.

Japanese Studies in Russia, 2020, 2, pp. 133–151.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10016

Переосмысление духовного наследия Л.Н. Толстого в современной Японии*

Л.Б. Карелова

Аннотация. Исследование рецепции учения Толстого в Японии представляет интерес как с точки зрения истории, возможностей и перспектив межкультурной коммуникации, уяснения путей укрепления взаимопонимания между двумя странами, так и в плане определения степени значимости тех или иных идей отечественной мысли через их воздействие на сознание людей в разных концах мира в целом.

В статье приводится краткий обзор истории начальных этапов восприятия и влияния учения Л.Н. Толстого в Японии – прослеживаются основные каналы трансляции и анализируются причины его популярности в этой стране, среди которых особо выделяются такие, как практическая направленность и гуманистический характер его учения, созвучность буддийскому мировоззрению в целом ряде аспектов, философия пацифизма и непротивления, экуменизм, идеализация и этизация земледельческого труда в гармонии с природой, размышления о гуманитарных проблемах прогресса. В центре авторского анализа – пути переосмысления и применения толстовских концепций современными японскими гуманитариями в поиске подходов к решению цивилизационных, политических, социокультурных, гуманитарных проблем XXI в. Предметом специального внимания становится инкорпорация идей Толстого современными японскими буддийскими мыслителями, в частности Икэда Дайсаку, а также компаративистские исследования основных положений философии Толстого и ключевых доктрин японской буддийской традиции. Объектом отдельного интереса являются примеры обращения к толстовскому наследию в японском пацифистском дискурсе в русле развернувшихся сегодня дебатов относительно будущего японской мирной Конституции и определения Японией своей новой роли в мире. Статья представляет собой первую попытку обобщения взглядов на толстовское наследие и его оценок в современной Японии в последние десятилетия и существенно дополняет представления о прочтении толстовской мысли за рубежом, благодаря определению спектра проблем, для осмысления которых сегодня привлекается ресурс русской философии, и выявлению путей и форм восприятия ее идей.

Ключевые слова: Толстой, Япония, буддизм, гуманизм, пацифизм, непротивление, философия жизни.

Автор: Карелова Любовь Борисовна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН (адрес: 109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1). ORCID: 0000-0001-8207-801X; E-mail: lbkarelova@mail.ru

* Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 19-011-00764 А «Современная зарубежная рецепция русской философии».

Rethinking of the spiritual heritage of Leo Tolstoy in contemporary Japan*

L.B. Karelova

Abstract. The study of the reception of Tolstoy's teaching in Japan is of interest both in terms of the history, opportunities, and prospects of intercultural communication, consideration of ways to strengthen mutual understanding between the two countries, and in terms of the determination of the importance of certain ideas of domestic thought through their impact on the consciousness of people in different parts of the world as a whole.

The article overviews the history of the initial stages of perception and influence of Leo Tolstoy's teaching. The main channels of its transmission and dissemination are traced and the reasons for its popularity in Japan are investigated. Among them, it is possible to single out such reasons as this teaching's practical orientation and humanistic nature, its consonance with the Buddhist worldview in a number of aspects, the philosophy of pacifism and non-resistance, ecumenism, idealization and ethization of agricultural work in harmony with nature, reflections on the humanitarian problems of progress. The author's analysis is focused upon the ways of rethinking and applying Tolstoy's concepts by contemporary Japanese humanities thinkers in their search for approaches to solving the civilizational, political, sociocultural, humanitarian problems of the 21st century. The subject of special attention is the incorporation of Tolstoy's ideas by modern Japanese Buddhist thinkers, in particular, Ikeda Daisaku, as well as comparative studies of Tolstoy's major philosophical concepts and key doctrines of the Japanese Buddhist tradition. The issue of particular interest is the appeal to the Russian thinker's spiritual heritage in the Japanese pacifist discourse in line with the present-day debate regarding the future of the peace clause of the Japanese Constitution and Japan's determination of its new role in the world. The article is the first attempt to generalize views on Tolstoy's heritage and its assessments in contemporary Japan in recent decades. The author aims to complement significantly the existing knowledge about the interpretation of Tolstoy's thought abroad, thanks to the determination of the spectrum of problems for which the resource of Russian philosophy is being used today and the identification of ways and forms of perception of its ideas.

Keywords: Tolstoy, Japan, Buddhism, humanism, pacifism, non-resistance, philosophy of life.

Author: Karelova Liubov B., PhD (Philosophy), Senior researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (address: 12/1, Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-8207-801X; E-mail: lbkarelova@mail.ru

Духовное наследие выдающихся мыслителей, к числу которых принадлежит великий русский писатель и философ Л.Н. Толстой, остаётся достоянием всего мира и неизбежно становится частью процесса межкультурной идейной коммуникации, стимулирующей дальнейшее движение философской мысли в разных странах.

Задачей настоящей статьи является исследование особенностей восприятия и осмысления учения Толстого в японской интеллектуальной среде на основе современных работ японских гуманитариев. Актуальность этой задачи определяется малой изученностью проблематики рецепции русской мысли в других странах, а также важностью поиска таких объединяющих идей, направленных на решение проблем мировой цивилизации, которые воспринимаются и адаптируются в различных культурных контекстах.

* The study was conducted with support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), Project No. 19-011-00764 A "Current reception of Russian philosophy abroad".

**Восприятие идей Толстого в Японии в к. XIX – н. XX в.
Истоки «толстовского бума»**

Имя Л.Н. Толстого стало известно в Японии ещё в конце XIX в. после выхода в свет романа «Война и мир», который был издан на японском языке в переводе Мори Тай в 1886 г. В 1902 и 1903 гг. появились издания переведённых Като Наоки с английского языка философско-публицистических эссе Толстого «Исповедь», «В чём моя вера?» Как показывают исследователи истории восприятия учения Толстого в Японии, в частности Эгути Мицуру, на самом начальном этапе знакомства с творчеством Толстого после знаменитого романа-эпопеи в первую очередь там были изданы его философские и публицистические произведения [Эгути, 2000, с. 99–127]. Это можно увидеть, если обратиться к полной библиографии опубликованных в Японии переводов сочинений Толстого и посвящённых ему научных исследований, подготовленных Японским толстовским обществом [Нихон Торусутой]. Практически с самого начала Толстой стал восприниматься на Японских островах не только как литератор, но и как мыслитель. Первые публикации, знакомящие японцев с мировоззрением и прежде всего религиозными взглядами Толстого и содержащие их критику, принадлежали авторам христианского журнала протестантского направления «Рикуго дзасси» («Космос») и журнала православной семинарии «Синкай» («Море души») Уэмура Масахиса, Кодзаки Хиромити, Ёкой Токио, Абэ Исоо, Кониси Масутаро и др. [Янаги, 1998, с. 10–20, 31–38].

Кониси Масутаро (1862–1940) был первым японцем, который в 1892 г., являясь студентом Московского университета, лично познакомился с Толстым и имел возможность беседовать с ним на религиозно-философские темы, касающиеся как христианства, так и восточных философий. Вернувшись в Японию, он написал ряд статей о взглядах Толстого, в том числе «О мировоззрении Толстого» (1894), «Религия и мораль» (1896), а также перевёл такие его сочинения, как «Где любовь, там и Бог», «Религия и нравственность», «Крейцера соната» (совместно с Одзаки Коё).

Автор книги «Толстой и Япония» Янаги Томико прослеживает несколько каналов и направлений восприятия идей Толстого в Японии в периоды Мэйдзи (1868–1912) и Тайсё (1912–1926), каждый из которых был ориентирован на определённый слой японского общества, имевший специфические взгляды и интересы. Среди них – вышеуказанные христианские журналы, сосредоточенные прежде всего на религиозной концепции Толстого и его критике официальной церкви, журнал «Кокумин-но томо» («Друг народа»), издававшийся братьями-писателями Токутоми Сохо (1863–1957) и Токутоми Рока (1868–1927) и выражавший взгляды либеральной христианской интеллигенции, объединённой в общество Минъюся (Общество друзей народа), ратовавшее за буржуазно-демократические преобразования Японии; газета «Хэймин симбун» («Народная газета»), издававшаяся обществом японских социалистов Хэйминся (Общество простых людей), занимавшем антимилитаристские позиции; японские писатели-пацифисты, находившиеся под сильным влиянием Толстого, в том числе члены литературного объединения «Сирокаба» («Белая берёза»).

В период Тайсё интерес к Толстому в Японии несколько изменил свою направленность – больше внимания стала привлекать не антивоенная, социальная и религиозно-реформаторская, а морально-этическая тематика. В 1916 г. издательство Синтёся стало выпускать журнал

«Исследования Толстого», на страницах которого публиковались статьи, посвящённые не только произведениям и взглядам Толстого и других русских писателей, но и проблемам гуманизма в широком плане. На базе издательства был организован толстовский лекторий, возглавляемый писателем Като Такэо (1888–1956). Таким образом, имя Толстого стало символом гуманистической мысли, сосредоточенной на понимании человека, поисках смысла и наиболее достойного образа жизни. Важным направлением восприятия идей Толстого в этот период стало их осмысление сквозь призму буддизма [Янаги, 1998, с. 10–122].

Особый интерес представляет внимание к Толстому со стороны Нисида Китаро (1870–1945) – одного из ведущих философов Японии, которого также затронул «толстовский бум». В своей первой фундаментальной книге «Исследование блага» Нисида показывает, что все религии имеют общую основу, их объединяет то, что в их доктринах присутствуют идеи самоотречения и единения с Богом как «основой Вселенной» [Нисида, 1965, с. 167–177]. Существует большая вероятность, что данный его подход был обусловлен в том числе и примером Толстого, внимательно изучавшего сильные стороны всех религий и их общие характеристики.

О влиянии Толстого на окружение Нисида Китаро свидетельствует тот факт, что такие религиозные мыслители, как Киёдзава Манси (1863–1903) и Тикадзуми Дзёкан (1870–1941), связанные с традицией Син-буддизма, в начале XX в. издали свои «Исповеди» под впечатлением толстовской. Сам Нисида вскоре после «Исследования блага» в 1911 г. написал небольшую статью «О Толстом» [Нисида, 1965, с. 402–406], где он, с одной стороны, критиковал Толстого как «человека противоречия», однако, с другой стороны, подробно анализировал эволюцию учения мыслителя о жизни в таких его произведениях, как «Казак», «Исповедь», «О жизни». Нельзя исключить, что идею Толстого о том, что Бог всех религий един и составляет основу жизни, Нисида воспринял в более рациональной и систематической форме, изложив в своей книге «Исследование блага». Исследователь философии Нисида Судзуки Садами пишет: «В «Исследовании блага» прямо не говорится «Бог есть жизнь». Там сказано, что «Бог является основой Вселенной» и что человек обретает «подлинную жизнь», ощутив Бога в глубине своей души. Связь между человеком и Богом через жизнь, выраженная Толстым в формуле «Бог есть жизнь» Нисида попытался логически обосновать путем введения понятия «единства субъекта и объекта», достигаемого через познание «истинного я» и самоотречения. Таким образом, можно предположить, что Нисида придал витализму Толстого философскую рациональность» [Судзуки, 1998, с. 111].

Причин всплеска первоначального интереса к Толстому и к его идеям в Японии эпох Мэйдзи и Тайсё несколько.

Русский мыслитель задумывался о природе западного прогресса и связанных с ним проблемах для человечества и человека. Эти его размышления вызывали огромный резонанс во всём незападном мире, в том числе и в Японии, которая только вступила на путь модернизации [Marks, 2003, p. 123].

Во многом идеализация и морализация крестьянского труда и сельского образа у Толстого была созвучна возникшему в период Мэйдзи в Японии движению *нохонсюги* (досл. – аграриоцентризм), рассматривавшего сельское хозяйство как фундамент благополучия страны не только с точки зрения экономики, но и в качестве наиболее нравственного образа жизни в гармонии с природой. Это движение, развивавшееся и сохранявшее популярность вплоть до Второй мировой войны, противопоставляло патриархальную и естественную

общинную жизнь централизованному государству, олицетворявшему ультра национализм в 1930-х – начале 1940-х годов [Havens, 1970, p. 251].

Симпатии к Толстому среди японских социалистов и противников русско-японской войны в начале XX в. были также обусловлены его выступлениями с критикой этой войны в статье «Одумайтесь!» для газеты *The Times of London* (27 июня 1904 г.), которая затем была переведена и перепечатана японскими газетами «Асахи симбун» и «Хэймин симбун». Члены общества Хэйминся, придерживавшиеся социалистических взглядов, считали, что причиной войн был капитализм. Идея Толстого состояла в том, что причина войн коренится в человеческой душе, и человек сам в силах её устранить. Война и насилие рассматривались им как абсолютное зло, которое не может быть оправдано никакими благими целями. Один из лидеров Хэйминся Котоку Сюсуй опубликовал в 1904 г. статью «Критика пацифизма Толстого», в которой спорил с мыслителем относительно причин возникновения войн. Тем не менее влияние Толстого сыграло свою роль в том, что японская социалистически настроенная интеллигенция смогла противопоставить господствовавшим тогда в обществе патриотизму и слепой готовности к самопожертвованию гуманистический идеал отказа от насилия и уважения к человеческой жизни. Такой образ мышления получил название «гуманизм» (*дзиндосюги*) в период Тайсё, а людей, которые применяли философию Толстого на практике, стали называть «гуманистами».

Примечательно, что статья «Одумайтесь!» вызвала в то время отклик и религиоведа и религиозного философа Анэсаки Масахару (1873–1949), который уделил анализу её идейных оснований специальный раздел своей книги «Судьба страны и вера» («Кокуун то синко») [Анэсаки, 1906, с. 44–47]. Его подход несколько отличался от откликов на статью других японских интеллектуалов: он подчёркивал, что Толстой призывал в первую очередь к духовному перерождению каждого человека на основе постижения истины о единстве человеческого духа, братстве людей, любви, сострадании, святости жизни, которая лежит в равной мере в основе и христианства, и буддизма [Fessler, 2018, p. 89]. Таким образом, Анэсаки обращал внимание на созвучность толстовского религиозно-философского взгляда буддизму и аналогично Толстому считал человеческий дух основой для будущего развития Японии. Главная идея Толстого, согласно Анэсаки, заключалась в том, что война является результатом несовершенной индивидуальной духовности и что религия и политика не должны быть переплетены.

Среди представителей японской интеллигенции, находившихся под влиянием Толстого в период Тайсё были поэтесса Ёсано Акико (1878–1942), писатели Киносита Наоэ (1869–1937), Накадзато Кайдзан (1885–1944), Куросима Дэндзи (1898–1944), Симадзаки Тосон (1872–1943), члены литературного объединения «Сирокаба», такие как Мусякодзи Санэацу (1885–1976), Арисима Такэо (1878–1923), высказывавшие в своих произведениях близкие взглядам русского мыслителя идеи пацифизма, самосовершенствования, самореализации, всепобеждающей любви и др.

Одной из причин почитания Толстого в Японии была его способность реализовывать свои идеи в конкретных поступках. Это было близко японцам, поскольку для их национальной духовной традиции, в основе которой лежат буддийские и конфуцианские составляющие, также была характерна практическая направленность, непосредственная связь знания и действия. Этим обусловлено пристальное внимание многих японских

исследователей не только к идеям, но и к фактам биографии Толстого, которые они рассматривали в контексте этих идей.

Примеры Нисида Китаро и Анэсаки Масахару демонстрируют привлекательность для японской интеллигенции экуменистического подхода Толстого, который в своих размышлениях обращался к религиозно-философским доктринам разных культур и конфессий, включая христианство, ислам, древнеиндийскую философию, буддизм, даосизм и конфуцианство. Аналогичный подход был традиционно характерен и для японской мысли, объединяющей конфуцианство, буддизм и синтоизм как учения одинаково верные и необходимые для Японии.

В начале XX в. в Японии зародилось движение последователей Толстого, стремившихся подражать его образу жизни, воплощая его принципы в действии, соединяя сельский физический труд и философию, и появилось понятие «толстовство» (*торусутойсюги*). К числу таких людей принадлежал ряд известных писателей, в том числе Токутоми Рока, Это Тэкирэй (1880–1944), Мусякодзи Санэацу.

Их привлекали идеи реформирования общества через моральное совершенствование, идеи ненасилия, любви, и гармонии человека с природой.

Писатель Токутоми Рока посетил Толстого в 1906 г. в Ясной поляне и затем сам провёл оставшиеся 20 лет своей жизни в единении с природой в провинции Мусасино, занимаясь земледелием.

Появление толстовских коммун и индивидуальных подвижников-толстовцев было характерно не только для первой половины XX в., последний из таких толстовцев Кимитакадо Дзиро (1913–2004) дожил до 91 года. До конца жизни он работал на земле и занимался переводом трудов Толстого и популяризацией его идей среди молодёжи префектуры Кумамото.

Ещё одним аспектом рецепции толстовских идей в Японии был интерес к ним с точки зрения философии права, который был стимулирован знакомством с романом «Воскресение», впервые опубликованном в Японии в 1905 г. в переводе Утида Роан сначала в серии номеров газеты «Ниппон» («Япония»), а затем в виде книжного издания в 1908 и 1910 гг.

28 декабря 1932 г. профессор права Императорского Киотоского университета Такигава Юкитоки выступил с лекцией в Университете Тюо на тему «Мысли Толстого о наказании в романе «Воскресение»». В этой лекции он представил убеждение Толстого в том, что общество должно изучить причину преступления, прежде чем призывать к ответному наказанию виновного, и что сочувствие и понимание гораздо более гуманны, чем возмездие [Fukuyasu, 2015, p. 65–66]. С этого момента толстовские идеи стали привлекать японских исследователей в области права.

Беспрецедентное влияние Толстого на умы японцев, пик которого пришёлся на период Тайсё, осталось достоянием истории. Тем не менее, практически все рассмотренные выше аспекты многогранного интеллектуального наследия Толстого, привлекавшие внимание японцев в конце XIX – первой половине XX в., полностью не утратили своей актуальности и сегодня.

Идеи Толстого как ресурс нового мышления в современной Японии

По оценке японского эксперта М. Эгути, после 60-х годов XX в. исследование Толстого в Японии становится прерогативой главным образом специалистов по русской философии и культуре, а также наблюдается осмысление и инкорпорация идей Толстого в современной

буддийской мысли [Эгути, 2010, с. 29]. Однако в последнее время круг людей, обращающихся к идеям Толстого, и сфера их интересов и озабоченностей постепенно расширяются.

15 декабря 1996 г. было создано Японское Толстовское общество на базе женского Университета Сёва-Дзёси, на протяжении многих лет занимавшимся изучением философии и педагогики Толстого, членами которого стали учёные-специалисты разных областей, деятели культуры, а также простые люди, увлекающиеся творчеством Толстого. Одним из направлений деятельности этого общества стало издание ежегодника «Зелёная палочка», посвящённого литературному, философскому, педагогическому и другим аспектам творчества Толстого. С 2019 г. в Японии стал проводиться конкурс сочинений «Мой Толстой» среди школьников, организованный НПО «Геральд».

Занимаясь конкретными аспектами творчества Толстого, японские гуманитарии не могли ограничиваться чисто историческим подходом и неизбежно переосмысливали взгляды и подходы Толстого в контексте меняющихся реалий.

Уже в 1970-е годы стали появляться работы, рассматривающие толстовское учение применительно к новым вызовам, вставшим перед человечеством. Так, профессор Университета Тюкё Ясумура Хитоси ещё в 1977 г. так сформулировал проблемы, с точки зрения которых идеи Толстого приобретают новую значимость: «Современное общество, достигшее высокой степени цивилизованности, упёрлось в стену во многих отношениях и ищет выхода из этой ситуации. Проблемы существуют как в отдельных культурных ареалах, так и в масштабе всего мира и всего человечества. Эта ситуация наблюдается в различных областях – политике, экономике, культуре и т.д. Однако подобные явления характерны не только для современного мира, они время от времени возникали на протяжении истории. К таким проблемам сегодня относятся сложность самовыражения, утверждения своего «я» в хорошем смысле, утраты субъектности» [Ясумура, 1977, с. 181]. По его словам, путь к выходу из тупика утраты личностных ориентиров в современном обществе, сосредоточенном на частной жизни, можно и сегодня найти у Толстого, который и своей философией, и своим опытом отвечал на вопросы «Как жить?», «В чем смысл человеческой жизни?», «Для чего жить?» Толстой видел высшую цель самосовершенствования в том, чтобы стать лучше по отношению к другим людям. Собственное «я» воспринималось Толстым в контексте его взаимоотношений с другими людьми. Автор даёт свою интерпретацию 11-й главы «Исповеди» Толстого: «Толстой обращается к нам с такими символическими словами... Если посмотреть на жизнь животных, то их жизнь можно назвать счастливой, когда они сами сыты, могут рожать и вскармливать своих детенышей. Таким образом, их счастье состоит в том, чтобы осуществить изначальную цель жизни. В случае человека к этому добавляется еще одно – это жизнь для других. Только для себя человеку жить недостаточно, ему нужно ещё жить для других» [Ясумура, 1977, с. 195].

На рубеже XX и XXI столетий число примеров обращения японских гуманитариев к идеям Толстого в связи с ощущением разного рода кризисов и вызовов стало нарастать. После экономического подъёма 1970-х и 1980-х в Японии наступило так называемое потерянное десятилетие; иногда говорят о периоде рецессии как о «потерянном двадцатилетии». В такие моменты особо остро ощущаются и проблемы современной цивилизации, и кризис ценностей, в том числе ценностей общества потребления. Возникает

ощущение необходимости морального обновления, стремление найти точки опоры в духовном наследии прошлого.

В связи с этой ситуацией Цудзи Такааки, сотрудник научно-исследовательского центра акционерного общества Фурорэрэ, писал: «В условиях погони за материальными благами в эпоху высокого экономического роста и экономики мыльного пузыря Толстой не привлекал к себе внимания, однако в эпохи, подобные сегодняшней, когда имеет место ощущение тупика, можно сказать, что мы вступаем в период, когда становится очевидным действенность мягкой силы как рецепта решения социальных проблем, которая была характерной чертой подхода Толстого в его исследованиях, проблем любви, взаимопонимания, мира, жизни, природы, смысла жизни» [Цудзи, 2010, с. 18].

Цудзи проводит параллель между эпохой Толстого и современностью. Эпоха, в которую жил Толстой, отличалась появлением множества проблем, связанных с развитием индустриального общества, таких как загрязнение воздуха, забастовки, увеличение разрыва между богатыми и бедными, милитаризм, анархия, обыденность терроризма, борьба за гегемонию между великими державами, разрыв с природой, утрата Бога и т.д. Это было общество, в котором царил атмосфера тревоги.

Характеризуя современную эпоху, он отмечает территориальные споры, терроризм, проблемы окружающей среды, нехватку еды из-за роста численности населения, рост числа самоубийств, финансовые кризисы, усиление регулирования общества, разрушение образования, деформацию человеческой природы, плохое обращение с детьми, расслоение общества, и напоминает, что развитие глобального капиталистического общества приводит к нарастанию угрозы гибели человечества. Одновременно развитие эгоистического общества порождает экзистенциальные риски, такие как деградация окружающей среды, утрата любви, утрату Бога, разрыв связей между людьми, распад личности, потерю жизненного смысла. Цудзи утверждает, что если рассмотреть учение Толстого с точки зрения комплекса современных проблем, то можно увидеть, что оно содержит в себе ключи для их решения [Цудзи, 2010, с. 18].

Известный исследователь и популяризатор идей Толстого, автор нескольких книг о Толстом, почётный профессор Университетов Сока и Васэда Фудзинума Такаси (1931–2012) в книге «Жизнь Толстого» писал: «Жизнь Толстого не окончилась в 1910 г. Проблемы мира, веры, любви и человеческой природы и др., которые поднимал Толстой, не нашли своего решения и до сих пор остались открытыми. И если жизнь Толстого ещё не завершена, то значит он ещё жив» [Фудзинума, 1993, с. 6]. В книге «Жить с Толстым» он также подчёркивает: «Толстой говорил, что современный мир, государство и общество, имеют в основе не любовь, а власть и насилие. И в построенном на этой основе обществе царит закон джунглей, процветает идеология, согласно которой можно достичь собственного благополучия на несчастье других» [Фудзинума, 2013, с. 511–512]; «Если бы Толстой жил сегодня, он бы также боролся с эгоцентристской идеологией, противоречиями общества и безответственными политиками...» [Фудзинума, 2013, с. 514]. В своих работах он призывает для оздоровления современного мира взять за основу гуманистическую составляющую учения Толстого, выраженную в его художественных и публицистических произведениях. В качестве наиболее важных в этом плане он выделяет идеи Толстого о жизни, представления о счастье и способе его достижения, концепцию царства Божия внутри нас [Фудзинума, 1993].

Цудзи Такааки в статье, посвящённой 100-летию со дня смерти Толстого, характеризуя его как великого писателя, просветителя, социального мыслителя, учителя жизни, религиозного мыслителя и т.д., говорит: «За всеми этими гранями его личности просматриваются Толстой-реформатор общества, стремящийся к достижению счастья для всего человечества и Толстой-подвижник, стремящийся к самосовершенствованию... Реформаторство Толстого основывалось не на насилии, а на любви и гармонии и было направлено на достижение счастливого «общества, в котором люди могут жить смеясь», «общества, в котором люди живут в согласии»» [Цудзи, 2010, с. 16–17]. Основными идеями Толстого, значимыми для современности, по мнению Цудзи, являются идеи «абсолютного мира и ненасилия», «абсолютного равенства», «универсального гуманизма», «вера в себя», «возвращение к природе» (гармоничное сосуществование с природой), «любви как сущностной характеристике жизни» и т.д. [Цудзи, 2010, с. 18].

Остановившись на концепции ненасилия и её значении для современности, Цудзи пишет: «Сегодня становится ясно, что противостоянием с позиции силы невозможно разрешить конфликты. Какова бы ни была причина, стремление победить насилие насилием, а зло злом делает людей несчастными. Впервые люди начали осознавать, что достижение «общества, в котором люди улыбаются» «общества, в котором люди живут дружно» возможно только на основе решения всех вопросов с помощью любви и гармонии». Он также обращает внимание на то, что «идеи ненасилия Толстого относились не только к войне, но и к возникающим в человеческом обществе насилию над человеческой природой, плохому обращению с детьми, насилию власти и т.д., поэтому переосмысление учения Толстого с точки зрения современности крайне важно» [Цудзи, 2010, с. 19].

Второй момент, на котором фокусируется Цудзи – это тема силы любви, возвышающей человеческую природу, у Толстого. В основе «мягкой силы» Толстого лежит любовь. Если нет любви, связывающей с Богом, которая подобна *agané*, то не будет осуществляться мягкая сила, способная решать социальные проблемы.

Цудзи обращает внимание на то, что, говоря о важности развития науки и техники, социальной системы и ценностей общества, Толстой отмечал, что изменения общества не произойдут, «если не возвысится человеческий дух», т.е. духовный рост человека является предпосылкой социальных трансформаций. Цудзи подчеркивает, что писатель отнюдь не был критиком прогресса и цивилизации, он только говорил, что за развитием цивилизации должно следовать совершенствование человеческого сознания, развитие личности. Продолжая идею Толстого, японский автор говорит: «Разве выражение “рост человеческого духа” не означает “расширение собственного я”?» Направление, в котором должна идти трансформация человеческого «я», по его мнению, определено в книге Толстого «Путь жизни», где говорится: «Учение это коротко и просто. Оно всё в том, что все люди живут одним и тем же духом, что все люди одно и то же, но все разделены в этой жизни своими телами, и потому, если они понимают, что живут одним и тем же во всех духом, то им надо соединяться друг с другом любовью. Если же люди не понимают этого и думают, что живут только своими отдельными телами, то враждуют друг с другом и бывают несчастливы» [Толстой, 1992, т. 45, с. 82].

Цудзи характеризует подход Толстого как «космический взгляд, связывающий все жизни воедино», предопределяющий движение в направлении единства с другим. При этом «другой» – это не обязательно человек, это все вещи, существующие в мире. Признавая, что

единение с другим осуществить на деле непросто, Цудзи, развивая толстовскую мысль в духе буддийского мировоззрения, говорит, что «расширение своего я» есть ключ к человеческой жизни, который поможет и впредь решать все социальные проблемы [Цудзи, 2010, с. 19]. Примечательно, что образ жизни Толстого, реализующего свои идеалы в действии, рассматривается Цудзи как «бесценный подарок будущим поколениям» и характеризуется в буддийских терминах как «воплощающий принцип единства себя и другого» (*дзита итинё*) и состоящий в «спасении себя самого благодаря спасению других» (*дзири рита*) [Цудзи, 2010, с. 17].

Отсылки к произведениям Толстого в связи с анализом проблем современной цивилизации можно найти и в работах буддийского философа, религиозного и общественного деятеля Икэда Дайсаку (1928 г.р.), который считает Толстого одним из своих учителей. Авторству Икэда Дайсаку принадлежит интеллектуальная биография Толстого [Икеда, 2019]. Многие из его диалогов с выдающимися мыслителями, деятелями науки и культуры изданы на русском языке.

В книге диалогов с ректором МГУ В.А. Садовничим «На рубеже веков. Диалоги об образовании и воспитании» Икэда проводит параллели между концепцией совершенствования личности в буддизме махаяны, предполагающей открытие «внутренней опоры», и учением Толстого о духовном перерождении, несмотря на то, что Толстой идёт путём рационального самопознания. Икэда принадлежат следующие слова: «Во-первых, под термином *открытие внутренней опоры* подразумевается необходимость раскрыть себя, обнаружить в самом себе бесконечный светоносный источник силы и воли к жизни, который буддизм называет буддой. Буддизм утверждает, что семя будды заложено абсолютно в каждом. На этом основывается идея гуманизма, равенства и неприкосновенности жизни всех людей. Такая сущность будды изначально присуща как самой Вселенной, так и каждой выявленной частице Вселенной. И открытие такой внутренней опоры в душе даёт человеку шанс выйти из «недуга тупика». В повседневном существовании не так-то просто обнаружить и задействовать этот чудесный дар природы, находящийся под спудом разного рода предубеждений, возвышающего самообмана и иллюзий. Следовательно, нам нужно упорно и с ясным сознанием трудиться, дабы выявить эту сокровенную истину внутреннего будды для полного расцвета человеческой жизни... Сумеет ли мы найти это сокровище, подобное точке опоры Архимеда, мечтавшего: «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю»... В произведениях Льва Толстого несколько раз встречается подобный духовный переворот – от мрака к просветлению. В раннем произведении «Казачьи» описано ещё смутное, скорее стихийно поверхностное, чем выстраданное размышление над этим вопросом, которое дальше как бы передаётся Пьеру из романа «Война и мир», а затем воплощается в левинских думах... Известно, что Лев Толстой знал и высоко ценил буддизм. Кстати, изображение диалектики души в его произведениях в значительной мере созвучно с тем пониманием природы и предназначения человека, которое проповедуется в Сутре Лотоса. Это стремление постичь подлинный образ человека» [Икеда, 2005, с. 239–240].

Вслед за своим учителем Тода Дзёсэй и Толстым Икэда говорит о духовном перерождении как необходимом условии создания гармоничного общества. Он употребляет термин Тода «революция в душе человека», который также часто используется и для перевода понятия «духовный переворот» у Толстого. Говоря о «революции в душе человека» как «ключевом слове XXI века», Икэда имеет в виду не только буддийское просветление, но

вкладывает в это понятие более широкий смысл: «Существуют различные виды революций: политические революции, экономические революции, промышленные революции, научные революции, художественные революции... Но вне зависимости от того, что подвергается изменениям, мир никогда не станет лучше до тех пор, пока сами люди... остаются эгоистичными и неспособными к состраданию. В этом отношении революция в душе человека – наиболее фундаментальная из всех революций, и в то же время самая необходимая революция для человечества» [Икеда, 2006, с. 379–380].

Ещё одним важным аспектом философских взглядов Икеда, в связи с которым он также обращается к авторитету Толстого и Швейцера, является концепция неприкосновенности и абсолютного достоинства жизни в силу присутствия высшего духовного начала в каждом человеке и каждом живом существе [Икеда, 1998, с. 447–482]. Речь идёт о книге Толстого «Царство божие внутри вас...», где он пишет: «Признание жизни каждого человека священной есть первое и единственное основание всякой нравственности» [Толстой, 1992, т. 28, с. 246].

Икеда развивает это положение следующим образом: «Признание неприкосновенного достоинства жизни означает, что жизнь не имеет эквивалента, ничто не может заменить её. Сегодня люди строят свои жизни в соответствии с самыми разными системами ценностей. Утверждается диверсификация ценностей... Однако мы должны, признавая положительные стороны диверсифицированных ценностей, также искать такую ценность, которая может послужить общим фундаментом для всех людей, живущих разнообразными ценностями. Не имея общего ценностного фундамента, люди в принципе будут лишены общего языка для установления взаимного доверия и сотрудничества. В этих размышлениях я прихожу к выводу о том, что основополагающей ценностью для всего человеческого сообщества должна стать гуманность человека и неприкосновенность достоинства его жизни» [Тойнби, Икеда, 2007, с. 413].

Икеда говорит о том, что сегодня необходима новая философия, которая «утверждала бы внутреннюю святость каждого без исключения человека», которая должна быть наукой о человеке и в то же самое время – наукой о Вселенной, частью которой является жизнь человека» [Айтматов, Икеда, 2012, с. 268].

Компаративистские исследования

Особый интерес представляет компаративистское направление современных исследований философии Толстого, сравнивающие его идеи с буддийскими доктринами, и адаптируя их к японской мировоззренческой парадигме.

Так, в компаративистском ключе написана книга Сато Сэйро «Толстой. Странствие сердца», где автор анализирует этапы нравственных и интеллектуальных исканий великого русского мыслителя, прослеживая его духовную связь с различными философами и религиозными традициями. В то же время японский исследователь рассматривает наследие Толстого с позиции японской культуры.

Смирение и покорность божьей воле Платона Каратаева в романе «Война и мир» и слова из Дневников Толстого «Да будет твоя воля!» Сато воспринимает как мироощущение, тождественное описываемому японским буддийским мыслителем Синран в трактате «Свет в конце» («Магтосё») состоянию *дзинэн хони*, которое он определяет как существование

в соответствии с Законом мироздания – Дхармой или полное предание себя «силе другого», т.е. будды Амиды [Сато, 2001, с. 219]. Последние мысли Толстого о Боге – «Истинно существует только Бог, человек есть проявление Его в веществе, времени и пространстве» – учёный ассоциирует со следующими словами дзэнского учителя Догэн из знаменитого собрания «Сёбогэндзо» («Драгоценная зеница истинного Закона»): «Жизнь и смерть есть жизнь Будды», «Всё сущее обладает природой будды» [Сато, 2001, с. 220].

Наиболее ярким представителем компаративистского направления является профессор Университета Сока Эгути Мицуру. В своих работах она подробно рассматривает основные философские идеи Толстого – его понимание Бога и божественного начала в человеке, судьбы, жизни и смерти, времени и вечности, непротivления, проводя аналогии с такими буддийскими концептами как Дхарма, природа будды, карма, жизнь и смерть, сострадание в учении Сутры Лотоса, основываясь на трактовке Икэда Дайсаку. В результате исследований она приходит к следующему выводу: «Проведение параллелей... между учением Толстого и идеями буддийского мыслителя Д. Икеды, представляющего одно из направлений махаяны, позволяет конкретизировать наши представления о буддийской составляющей философии Толстого и отчасти объяснить причины, делающие толстовское учение понятным для японцев... Несомненно, глубокое проникновение в философские основания учения Толстого о непротivлении, произошедшее в Японии в полной мере уже во второй половине XX века, дало возможность по-новому оценить это учение как наиболее действенное и эффективное этическое учение, не утратившее свою актуальность и по сей день. Не случайно философия непротivления Толстого нашла абсолютное понимание и безоговорочную поддержку именно в среде современного секулярного буддизма, отличающегося стремлением к выявлению общезначимых ценностей, выходящих за рамки религиозных и культурных ограничений, к выработке путей достижения гармоничного, комфортного и успешного общества в условиях вызовов XXI в. [Эгути, 2010, с. 38].

Идеи Толстого в контексте современной философии жизни в Японии

Представители японской общественной мысли склонны сегодня оценивать Толстого не только как гуманиста и социального реформатора, но и как «философа жизни», рассматривая его идеи, содержащиеся как в философских работах «О жизни» и «Путь жизни», так и в художественных произведениях, таких как «Война и мир», «Казаки», «Смерть Ивана Ильича», «Хаджи-Мурат» и др. [Миясака, 2010, с. 31–47; Эгути, 2003, с. 273–285; Ясима, 1986, с. 96–97].

В послесловии к книге «О жизни» переводчик и один из ведущих исследователей Толстого Ясима Масахиро писал: «Учение о жизни Толстого для нас сегодняшних особо важно, когда смысл жизни и смерти смешивается, а человеческая жизнь сводится к естественно-научному пониманию, когда встаёт вопрос: что значит жизнь – это жизнь клеток, или жизнь индивида» [Ясима, 1993, с. 249].

Внимание к наследию Толстого в современном интеллектуальном пространстве Японии во многом обусловлено развитием философских направлений, получивших название «философия жизни» (*сэймэй тэцугаку*) и «философия сосуществования» (*кёсэй тэцугаку*). Учение Толстого о жизни, сформулированное им в эссе «О жизни», «Путь жизни» и других произведениях, наряду с идеями Эмерсона, Бергсона и Нисида Китаро, стало

рассматриваться в качестве одного из важных источников данного направления [Ёкояма, 2007, с. 46–47].

Философия жизни (как она понимается в современной Японии), отличается от философии биологии и биоэтики, она предполагает диалог и интеграцию между наукой и религией, её проблемная область во многом определяется концептами «достоинство жизни», «уважение к жизни», «духовность», «святость жизни», она занимается такими вопросами, на которые естественнонаучная рациональность не может дать ответ [Ёкояма, 2007, с. 49–50]. Учение Толстого олицетворяет собой именно такой подход к жизни.

Принцип абсолютного ненасилия Толстого в контексте дискурса по поводу изменения 9-й статьи Конституции Японии

Уже упомянутый Кимитакадо Дзиро помимо переводческой деятельности и «толстовского» образа жизни известен также как активный борец за сохранение 9-й мирной статьи Конституции Японии, вступившей в силу в 1947 г. и провозглашающей отказ от войны как средства решения международных споров и от обладания вооруженными силами. В своей антивоенной публичной деятельности он широко привлекал идеи Толстого. В его устной автобиографии, записанной журналистом и писателем Нанри Ёсинори, значительный раздел содержит размышления по поводу неприемлемости войны и насилия и доводы в поддержку Конституции мира, вопрос об изменении которой периодически поднимается в японском политикуме и обществе. В частности, в этой книге рассказывается, что Кимитакадо решил перевести сочинение Толстого «Царство божие внутри вас», чтобы ещё раз привлечь внимание к проблеме 9-й статьи, и содержится такое его рассуждение: «"Царство божие", которое Толстой противопоставлял "власти на земле", это – обитающий в груди тысяч людей разум (или лучше сказать "душа"). Он говорил, что если бы всё человечество имело достаточно мужества, чтобы следовать голосу собственного разума, который стоит выше телесной жизни, то всё насилие бы прекратилось, и было бы создано царство божие на Земле, т.е. "царство божие" находится внутри вас... Я рассматриваю Конституцию, провозглашающую отказ от войны, шагом, приближающим нас к царству божию, и продолжаю уповать на её защиту» [Нанри, 2005, с. 150]. Вслед за Толстым Кимитакадо говорил, что никакое насилие не может привести к победе над злом, лишь «переворот в сознании» человека, стремящегося к постижению всеобщей истины, приведёт к появлению лучшего общества [Нанри, 2005, с. 155].

Ямамура Синъити, почётный профессор Института гуманитарных исследований Киотоского университета в книге «Идейная традиция 9-й статьи Конституции» [Ямамура, 2007] поставил цель проанализировать причины возникновения войн. Он предположил, что существуют определённые механизмы, побуждающие людей вступать в войну и превращать их в дьяволов, которые будут активно участвовать в боевых действиях, даже если дома они живут в соответствии с идеей о недопустимости убийства. Поскольку Япония воевала почти каждые десять лет, начиная с китайско-японской войны конца XIX в. до 1945 г., он задался вопросом, являются ли японцы от природы воинственными людьми или нет. Это также стало одним из мотивов для написания этой книги. В результате ему удалось показать, что японцы не только бездумно пускались в военные авантюры, но и много размышляли о том, как они могут остановить войну. Он пришёл к выводу, что хотя эта интенция не была доминирующей,

пацифистские идеи подспудно аккумулировались в истории японской духовной культуры и сохранились до сегодняшнего дня. Ямамура в своей книге стремится показать, что мирная Конституция является воплощением философии ненасилия: «Статья 9 касается не только отказа от войны или запрещения ведения войны с помощью военной силы. Это философия ненасилия. Вся Конституция Японии чётко посвящена искоренению различных видов насилия. Хотя Конституция касается правовых вопросов..., я искренне рекомендую вам один раз прочитать её с этой точки зрения» [Ямамура, 2010, с. 221]. Философию Толстого он рассматривает как один из духовных источников японского пацифизма, который оказал огромное влияние на сознание многих людей ещё в период Русско-японской войны и продолжает оказывать до сих пор [Ямамура, 2005, с. 229–241].

Ямамура размышляет о философском аспекте проблемы ненасилия и поиске способов прекращения насилия в современном мире. Он считает недостаточным рассматривать насилие просто как проблему сердца или ума. Отталкиваясь от идеи обретения блага для себя через благо других, он развивает идею «гуманитарной конкуренции» или гуманитарного подхода к конкуренции, который должен стоять за военной, политической экономической конкуренцией. В этом случае конкуренция не означает, что только одна сторона выигрывает, конкурентные отношения должны быть равноправными [Ямамура, 2007, с. 251].

Некоторые выводы

Рассмотренные примеры обращения к толстовскому наследию японских учёных и общественных деятелей свидетельствуют о том, что философское учение Толстого сегодня рассматривается ими в качестве важного интеллектуального ресурса для решения проблем современной философии как в аспекте формирования нового гуманистического учения, потребность в котором возникает в связи с необходимостью в меняющемся мире вновь искать ответы на вопросы о том, что такое человек и каково его место в мире, что значит сегодня быть человеком, так и в ракурсе личностно-экзистенциальных проблем, таких как проблема самореализации, достижения счастья и ощущения полноты жизни.

Представляется важным, что в век обострения военных конфликтов, стремительного развития биотехнологий, информатизации, экспансии симулякров, фейковых новостей, *post-truth politics*, расширяющейся гиперреальности и господства *big data* пути преодоления дефицита гуманитарной составляющей и ценностного подхода к самому феномену жизни, который сегодня ощущается не только в России, но и в Японии, интеллектуалы этой страны находят в том числе и в учении русского мыслителя. Это свидетельствует о наличии невидимых точек духовного соприкосновения двух культур.

Хотя в настоящее время и нельзя констатировать всплеска популярности Толстого, сопоставимого с «толстовским бумом» эпохи Тайсё, японцы и сегодня рассматривают писателя как значимую фигуру в истории общественной мысли, сравнивая его с такими великими японскими философами как Догэн, Синран, Нисида Китаро. Идеи Толстого активно адаптируются японскими гуманитариями, получая толкование в терминах собственного культурно-интеллектуального пространства и становясь его частью. Примечательно, что прецеденты обращения к идеям Толстого в новейший период уже не ограничиваются деятельностью специалистов, изучающих русскую культуру, но и связаны с более широким горизонтом интересов японских обществоведов разных направлений.

Можно предположить, что стремление к поиску универсальных рецептов выхода из цивилизационного кризиса, воспринимаемых в различных культурных контекстах, а, следовательно, и внимание к трудам Толстого будет только нарастать.

В наши дни межкультурная коммуникация стала широко востребованным направлением исследований в социогуманитарных науках, обрастая ответвлениями: например, легитимацию получила межкультурная философия. Межкультурная коммуникация стала университетской дисциплиной в учебных заведениях высшего образования по всему миру. Однако авторы учебников порой забывают, что Л.Н. Толстого с полным основанием можно называть величайшим «межкультурным коммуникатором» и «межкультурным философом», заложившим краеугольный камень этой креативной области знаний.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Анэсаки Масахару. Кокуун то синко : [Судьба страны и вера]. Токио: Кодокан, 1906. 578 с.

Айтматов Ч., Икеда Д. Ода величию духа. Диалоги. М.: Изд-во МГУ, 2012. 283 с.

Ёкояма Тэруо. Сэймэй тэцугаку то икимоногаку-но тэцугаку – J-фирофи-но каносэй : [Философия жизни и философия биологии – возможности японской философии] // Тэцугаку-но танкю. 2007, № 34. С. 41–51.

Икеда Дайсаку. Сэймэй-о сонгэн нарасимэру моно : [О достоинстве жизни] // *Икеда Д.* Полн. собр. соч. Т. 1. Токио: Сэйкё симбунся, 1988. С. 447–482.

Икеда Дайсаку. Сэйсюн тайва 1. 21 сэйки-но сюяку-ни катару : [Диалог с молодежью 1. Разговор с главными героями XX века]. Токио: Сэйкё симбунся, 2006. 413 с.

Икеда Д., Садовничий В. На рубеже веков. Диалоги об образовании и воспитании. Издательство Московского университета. 2005. 272 с.

Икеда Д. Беседа о Толстом. 2019. URL: <https://www.sgi.org/ru/assets/pdf/Tolstoy.pdf> (дата обращения: 20.04.2020).

Миясака Кадзуо. Торусутой-но сэймэйрон : [Учение о жизни у Толстого] // Нингэн канкёгаку кэнкю [Исследования по экологии человека]. Хиросима сандо дайгаку. 2010, Т. 8, № 12. С. 31–47.

Нанри Ёсинори. Кумо-но ито. Кимитакадо Дзиро кикигаки : [Нить из облака. Запись со слов Кимитакадо Дзиро]. Фукуока: Сирануй сёбо, 2005, 254 с.

Нисида Китаро. Дзэн-но кэнкю : [Исследование блага] // Нисида Китаро дзэнсю [Полное собрание сочинений Нисида Китаро]. Т. 1. Токио: Иванами сётэн, 1965. С. 3–196.

Нисида Китаро. Торусутой-ни цуитэ : [О Толстом] // Нисида Китаро дзэнсю (Полн. собр. соч. Нисида Китаро). Т. 1. Токио: Иванами сётэн, 1965. С. 402–406.

Нихон Торусутой кёкай : [Японское толстовское общество]. Торусутой бункэн : [Библиография Толстого]. URL: <https://cysaas003.cu-mo.jp/cgi-bin/x6419d3ebbd5/db.cgi?page=DBView&did=157> (дата обращения: 20.04.2020).

Сато Сэйро. Торусутой. Кокоро-но табидзи : [Толстой. Странствие сердца]. Токио: Сюдзюся, 2001. 230 с.

Судзуки Садами. Нисида Китаро «Дзэн-но кэнкю»-о ёму: сэмэйсюги тэцугаку-о кэйсэй : [Читаем «Исследование блага» Нисида Китаро: формирование философии жизни] // Нихон кэнкю. Кокусай Нихон бунка кэнкю сэнта киё : [Японские исследования: Вестник Международного исследовательского центра японских исследований]. 1998. Т. 17. С. 87–136.

Тойнби А. Дж., Икеда Д. Избери жизнь. Диалог Арнольда Дж. Тойнби и Дайсаку Икеды. М.: Изд-во МГУ, 2007. 448 с.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 91 тт. М.: Терра, 1992.

Фудзинума Такаси. Торусутой-но сёгай : [Жизнь Толстого]. Токио: Дайсан буммэйся, 1993. 250 с.

Фудзинума Такаси. Интервью. Има косо Торусутой-ни манабу : [Именно сегодня мы учимся у Толстого] // Дайсан буммэй. 2009, сентябрь, № 596, с. 84–87.

Фудзинума Такаси. Торусутой то икиру : [Жить с Толстым]. Токио: Сюнпуся, 2013. 579 с.

Цудзи Такааки. Гэндай-ни икиру Торусутой : [Толстой в современной жизни] // Eurasian Studies. 2010, № 43. С. 15–20.

Эгути Мицуру. Восприятие философии ненасилия Л.Н. Толстого в Японии // Философские исследования. 2000, № 4 (29). С. 99–127.

Эгути Мицуру. Учение Л.Н. Толстого о непротивлении и идея ненасилия Д. Икеды (опыт сравнения) // Сравнительная философия: Моральная философия в контексте многообразия культур. М.: Вост. лит., 2004. С. 143–151.

Эгути Мицуру. Восприятие учения Л.Н. Толстого в современной буддийской мысли Японии в контексте формирования этики XXI века // Философия и культура. 2010, № 6 (30). С. 28–39.

Эгути Мицуру. Л.Н. Торусутой-но сэйнен дзидай ни окэру тэцугакутэки мосаку : [Философские поиски Л.Н. Толстого в молодые годы] // Сока дайгаку дайгакуин киё : [Бюллетень аспирантуры Университета Сока]. 2003. Т. 25. С. 273–285.

Ямамуро Синъити. Нитиро сэнсо-но сэйки [Вековой юбилей русско-японской войны]. Токио: Иванами сётэн, 2005. 249 с.

Ямамуро Синъити. Кэмпо 9 дзё-но сисо суймяку : [Идейная традиция 9-й статьи Конституции]. Токио: Асахи симбунся, 2007. 289 с.

Ямамуро Синъити. Нихон-но хиборёку сисо-но суймяку то соно хатгэн : [Японская философия ненасилия и ее развитие] // Тоё гакудзюцу кэнкю : [Восточные научные исследования]. 2010. Т. 49, № 1. С. 232–264.

Янаги Томико. Торусутой то Нихон. Токио: Хэймонся, 1998. 360 с.

Ясима Масахико. «Дзангэ»-ни аравасарэта Рэфу Торусутой-но нингэнгаку-но кисо ни цуитэ : [Об основаниях учения о человеке Льва Толстого в «Исповеди»] // Росияго Росия бунгаку кэнкю : [Исследования русского языка и литературы]. 1986, № 18. С. 96–97.

Ясима Масахико. Дзинсэй-но кёси Торусутой : [Учитель жизни Толстой] // Л.Н. Торусутой. Сэймэй-ни цуитэ : [Л.Н. Толстой. О жизни]. Токио: Сюэйся, 1993. С. 239–255.

Ясима Масахико. Торусутой : [Толстой]. Токио: Симидзу Сёин, 1998. 216 с.

Ясумура Хитоси. Торусутой то гэндай : [Толстой и современность]. Тюкё сякэн : [Исследования по общественным наукам Университета Тюкё]. 1977, № 5. С. 181–202.

Fessler S. Anesaki Masaharu's Reception of Leo Tolstoy and His Failed Attempt at Finding the Faith // The Journal of Transcultural Studies. 2018. Vol 9. No 1-2. P. 72–94. DOI: 10.17885/heiup.jts.2018.1-2.23792

Fukuyasu Yoshiko. L. Tolstoy in Japan: The Fate of Ivan the Fool and Resurrection // Japanese Slavic and East European Studies. 2015. Vol. 36. P. 57–75. DOI: 10.5823/jsees.36.0_57

Havens Th.R.H. 1970. Kato Kanji and the Spirit of Agriculture in Modern Japan. *Monumenta Nipponica*. Vol. 25, No. 3/4 (1970), pp. 249–266.

Marks S.G. How Russians Shaped the Modern World: From Art to Anti-Semitism, Ballet to Bolshevism. Princeton: Princeton University Press, 2003. 408 p.

Shields J.M. Future Perfect: Tolstoy and the Structures of Agrarian-Buddhist Utopianism in Taisho Japan // *Religions*. 2018, № 9 (161). P. 1–12. URL: <https://www.mdpi.com/2077-1444/9/5/161> (дата обращения: 20.04.2020). DOI: 10.3390/rel9050161

REFERENCES

Aitmatov, Ch. and Ikeda, D. (2012). Oda velichiyu dukha. Dialogi [Ode to the Grand Spirit. Dialogues], Moscow: Moscow University Publishing House. (In Russian).

Anesaki, Masaharu (1906). Kokuun to shinko [The fate of the country and faith], Tokyo: Kodokan. (In Japanese).

Eguchi, Mitsuru (2000). Vospriyatiye filosofii nenasiliya L.N. Tolstogo v Yaponii [The perception of the philosophy of non-violence of Leo Tolstoy in Japan], *Filosofskiye issledovaniya* [Philosophical studies], 4 (29): 99–127. (In Russian).

Eguchi, Mitsuru (2003). L.N. Torusutoi no seinen jidai ni okeru tetsugakuteki mosaku [The philosophical searches of Leo Tolstoy in his youth], *Sōkadaigaku daigakuin kiyō* [Bulletin of Soka University Graduate School], 25: 273–285. (In Japanese).

Eguchi, Mitsuru (2004). Ucheniye L.N. Tolstogo o neprotivlenii i ideya nenasiliya D. Ikedy (opyt sravneniya) [L.N. Tolstoy's Teaching on non-resistance and D. Ikeda's idea of non-violence (comparison experience)], in *Sravnitel'naya filosofiya: Moral'naya filosofiya v kontekste mnogoobraziya kul'tur* [Comparative Philosophy: Moral Philosophy in the Context of Cultural Diversity], Moscow: Vostochnaya literatura, 2004, 143–151. (In Russian).

Eguchi, Mitsuru (2010). Vospriyatiye ucheniya L.N.Tolstogo v sovremennoy buddiyskoy mysli Yaponii v kontekste formirovaniya etiki XIX veka [Perception of Leo Tolstoy's teaching in modern Buddhist thought of Japan from the point of view of formation of ethics of the 19th century], *Philosophy and Culture*, 6 (30): 28–39. (In Russian).

Fessler, S. (2018). Anesaki Masaharu's Reception of Leo Tolstoy and His Failed Attempt at Finding the Faith, *The Journal of Transcultural Studies*, 9 (1–2): 72–94.

Fujinuma, Takashi (1993). Torusutoi no shogai [Life of Tolstoy], Tokyo: Daisan bummeisha. (In Japanese).

Fujinuma, Takashi (2009). Interview. Ima koso Torusutoi ni manabu [It is today that we learn from Tolstoy], *Daisan bummei*. September, 596: 84–87. (In Japanese).

Fujinuma, Takasi (2013). Torusutoi to ikiru [To live with Tolstoy], Tokyo: Shunpusha. (In Japanese).

Fukuyasu, Yoshiko (2015). L. Tolstoi in Japan: The Fate of Ivan the Fool and Resurrection, *Japanese Slavic and East European Studies*, 36: 57–75.

Havens, Th. R.H. (1970). Kato Kanji and the Spirit of Agriculture in Modern Japan, *Monumenta Nipponica*, 25 (3/4): 249–266.

Ikeda, Daisaku (1988). Seimei o songennarashimeru mono [On the dignity of life], *Ikeda Daisaku Complete Works*. 1: 447–482. (In Japanese).

Ikeda, Daisaku (2006). *Seishun taiwa I. 21 seiki no shuryaku ni kataru* [Dialogue with youth I. Talk to the protagonist of the 21st century], Tokyo: Seikyo Shimbunsha. (In Japanese).

Ikeda, Daisaku (2019). *Beseda o Tolstom* [Talk about Tolstoy]. URL: <https://www.sgi.org/ru/assets/pdf/Tolstoy.pdf> (accessed: 20 April 2020). (In Russian).

Ikeda, D. and Sadovnichiy, V. (2005). *Na rubezhe vekov. Dialogi ob obrazovanii i vospitanii* [At the turn of the century. Dialogues about education and upbringing], Moscow: Publishing House of Moscow University. (In Russian).

Marks, S.G. (2003). *How Russians Shaped the Modern World: From Art to Anti-Semitism, Ballet to Bolshevism*, Princeton: Princeton University Press.

Miyasaka, Kazuo (2010). *Torusutoi no seimeiron* [Tolstoy's theory of Life], *Ningen kankyogaku kenkyu* [Journal of human environmental studies], Hiroshima sando daigaku, 8 (12): 31–47. (In Japanese).

Nanri, Yoshinori (2005). *Kumo no ito. Kimitakado Jiro kikigaki* [Cloud thread. Interview with Kimitakado Jiro], Fukuoka: Shiranui shobo. (In Japanese).

Nihon Torusutoi kyokai [Japan Tolstoy Society]. *Torusutoi bunken* [Bibliography of Tolstoy]. URL: <https://cysaas003.cu-mo.jp/cgi-bin/x6419d3ebbd5/db.cgi?page=DBView&did=157> (accessed: 20 April 2020). (In Japanese).

Nishida, Kitaro (1965). *Torusutoi ni tsuite* [About Tolstoy], *Nishida Kitaro Complete Works*, Tokyo: Iwanami shoten, 1965-66, 1: 402–406. (In Japanese).

Nishida, Kitaro (1965). *Zen-no kenkyu* [A Study of Good], in *Nishida Kitaro Complete Works*, Tokyo: Iwanami shoten, 1965-66, 1: 3–196. (In Japanese).

Sato, Seiro (2001). *Torusutoi. Kokoro no tabiji* [Tolstoy. Journey of the heart], Tokyo: Shunjusha. (In Japanese).

Shields, J.M. (2018). Future Perfect: Tolstoy and the Structures of Agrarian-Buddhist Utopianism in Taisho Japan, *Religions*, 9 (161): 1–12. URL: <https://www.mdpi.com/2077-1444/9/5/161> (accessed: 20 April 2020).

Suzuki, Sadami (1998). *Nishida Kitaro "Zen no kenkyu"-o yomu: seimeishugi tetsugaku o keisei* [Reading Nishida Kitaro's "Study of Good": the formation of vitalistic philosophy], *Nihon kenkyu. Kokusai Nihon bunka kenkyu senta kiyō* [Japanese Studies: Bulletin of International Research Center for Japanese Studies], vol. 17: 87–136. (In Japanese).

Tolstoy, L.N. (1992). *Complete Works in 91 vol.*, Moscow: Terra. (In Russian).

Toynbee, A.J. and Ikeda, D. (2007). *Izberi zhizn'. Dialog Arnol'da Dzh.Toynbi i Daysaku Ikedy* [Choose life. Dialogue of Arnold J. Toynbee and Daisaku Ikeda], Moscow: Publishing House of Moscow State University. (In Russian).

Tsuji, Takaaki (2010). *Gendai ni ikiru Torusutoi. (Tolstoy's thought and its relevance today)*, *Eurasian Studies*, 43: 15–20. (In Japanese).

Yamamuro, Shin'ichi (2005). *Nichiro senso no seiki* [Century of the Russo-Japanese War], Tokyo: Iwanami shoten. (In Japanese).

Yamamuro, Shin'ichi (2007). *Kempo 9 jo no shiso suimyaku* [The thought lineage of article 9 of the Japanese constitution], Tokyo: Asahi Shimbunsha. (In Japanese).

Yamamuro, Shin'ichi (2010). *Nihon hiboryoku shiso no suimyaku to sono hatten* [The lineage of Japanese thought of non-violence and its further development], *Toyo gakujutsu kenkyu* [Oriental Scientific Research], 49 (1): 232–264. (In Japanese).

Yanagi, Tomiko (1998). *Torusutoi to Nihon* [Tolstoy and Japan], Tokyo: Heimonsha. (In Japanese).

Yashima, Masahiko (1986). *Tolstoy*, Tokyo: Shimizu Shoin. (In Japanese).

Yashima, Masahiko (1986). “Zange” ni arawasareta Refu Torusutoi no ningengaku-no kiso ni tsuite [About the foundations of Leo Tolstoy’s anthropology expressed in the «Confession»], *Rosiago Rosia bungaku kenkyu* [The Researches of Russian Language and Russian Literature], 18: 96–97. (In Japanese).

Yashima, Masahiko (1993). *Jinsei-no kyoshi Torusutoi* [Life teacher Tolstoy], L.N. Tolstoi. *Seimei ni tsuite* [L.N. Tolstoy. On Life], Tokyo: Shueisha, p. 239–255. (In Japanese).

Yasumura, Hitoshi (1977). *Torusutoi to gendai* [Tolstoy and the Present day], *Chukyo shaken* [Chukyo University Studies in Humanities], 5: 181–202. (In Japanese).

Yokoyama, Teruo (2007). *Seimei tetsugaku to ikimonogaku-no tetsugaku – J-philosophy no kanosei* [The philosophy of life and the philosophy of biology – the possibilities of J-philosophy], *Tetsugaku-no kankyu* [Philosophical Investigation], 34: 41–51. (In Japanese).

Поступила в редакцию 30.04.2020

Received 30 April 2020

Для цитирования: Карелова Л.Б. Переосмысление духовного наследия Л.Н. Толстого в современной Японии // Японские исследования. 2020. № 2. С. 133–151. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10016

For citation: Karelova L.B. (2020). *Pereosmyslenie dukhovnogo naslediya L.N. Tolstogo v sovremennoi Yaponii* [Rethinking of the spiritual heritage of Leo Tolstoy in contemporary Japan], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2020, 2: 133–151. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10016

Научное издание

Японские исследования

№ 2, 2020

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Выпускающий редактор:	М.А. Кириченко
Компьютерная вёрстка:	Т.И. Суркова
Редактор сайта:	О.И. Казаков
Дата публикации:	29.06.2020

Контакты:

- *Адрес:* Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru
- *Тел.:* +7 (499) 124 08 02

Scientific edition

Japanese Studies in Russia

No. 2, 2020

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Publishing editor:	M.A. Kirichenko
Layout:	T.I. Surkova
Web-Site editor:	O.I. Kazakov
Date of issue:	29 June 2020

Contacts:

- *Address:* Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russia.
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru
- *Tel.:* +7 499 124 02 13 (Foreign Relations Dept. of IFES RAS)

www.japanjournal.ru

日本研究